
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2015

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Альтернатива урбанизации России	3
Владимир СМЫК. Он спас страну	14
Валентин КАТАСОНОВ. Вклад К.Н. Леонтьева в создание теории цивилизации	126
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. О создании антицеркви	140
Василий СМИРНОВ. Некомпетентность или измена Родине?	172
Александр ШУМСКИЙ. Дом восходящего солнца	183

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Провинция слёз. Роман. Окончание	28
Антон ЛУКИН. Рассказы	146
Степан ДЕРЕВЯНКО. Посылка из Сибири. Рассказ	187
Николай КОКУХИН. Тимоха. Рассказ	193

ПОЭЗИЯ

Василий КАЗАНЦЕВ. Утолительное слово. Стихи	119
Людмила ЩИПАХИНА. Костёр души. Стихи	167

Владислав АРТЁМОВ. Унесённое ветром тепло. Стихи	197
Стихи поэтов России	249

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сергий КАРАМЫШЕВ. Опыт изъяснения русской идеологии	204
--	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Ольга ЛУКИНА. Русский мир и планы Запада	240
Александр ДУГИН. Новороссия для России	244

УРОКИ ИСТОРИИ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ. Правда о «цене Победы»	256
Ярослав БУТАКОВ. Польша — поделница гитлеровской Германии	265

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алексей ШОРОХОВ. Русский вопрос у Валентина Распутина	273
Владимир ЮДИН. Её звали Чайка	281

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН, профессор

АЛЬТЕРНАТИВА УРБАНИЗАЦИИ РОССИИ

(Образ будущего российского села)

Земля — это всё. А уж из земли всё остальное: и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь.

Ф.М. Достоевский

Исходная ситуация

В мире утвердилось понимание того, что ядерная война может привести к гибели современного человечества, и это действительно так. Но есть у человечества и не менее опасная угроза, это — война против природы, губительный характер которой большинством населения Земли не осознаётся. Ведётся эта война капитализмом посредством **урбанизации жизни** во всём мире в течение двух столетий, а в последние 30 лет и в России.

Внешние и внутренние враги России при попустительстве высших органов законодательной и исполнительной власти активно осуществляют так называемые перестройку и реформирование общественной и социально-экономической жизни нашей страны. При этом за либерально-демократической демагогией явно просматривается истинная цель производимых преобразований — это **геноцид русского народа и уничтожение**

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

государственного суверенитета России, превращение её в сырьевую колонию экономически развитых стран.

На этом направлении достигнуты ошеломляющие «успехи». Уничтожено свыше 20 миллионов русского государствообразующего народа. Эта трагедия усугубляется бесконтрольным заселением нашей земли мигрантами, имеющими отличную от русских людей, принципиально иную веру, культуру и идеологию. По экспертным оценкам их численность в России достигает 18—20 млн. человек. Многие из них заняты преступной деятельностью, повышающей до опасного уровня криминальную обстановку в стране.

Одновременно с этим идёт уничтожение российского трудового крестьянства. Разрушено 28 тысяч сёл и деревень, а там, где ещё теплится жизнь, уничтожаются школы, больницы, библиотеки, дома культуры, клубы и другие жизненно важные объекты. Зброшено 42 млн. гектаров плодородных, ранее обрабатываемых земель. Дефицит отечественной сельскохозяйственной и пищевой продукции возмещается массовым импортом низкокачественного, а нередко и вредного продовольствия.

Покидая родные места из-за безработицы, люди вынуждены искать спасение в больших городах, в основном, в «миллионниках», где большинству из них уготована судьба изгоев.

Движение в тупиковом направлении

Не останавливаясь на достигнутом, либеральные чиновники в правительстве России ищут новые, более эффективные формы окончательного разрушения страны. Такой эффективной формой, по их злодейскому замыслу, и является идея создания 20 гигантских агломераций вместо существующих ныне 80 субъектов Федерации. В основе разработки этого опасного для жизни страны проекта лежит лживое утверждение о том, что в городах с населением менее 100 тысяч человек из-за «отсутствия ресурсов», якобы, невозможно построить современное жильё, школы, больницы, дома культуры, почтовые учреждения, спортивные сооружения и другие объекты социально-бытовой инфраструктуры, то есть, другими словами, утверждается невозможность проживания людей на селе и в малых городах.

XX век в жизни России характеризуется интенсивным ростом численности населения и радикальным изменением его структуры по месту проживания и сферам приложения труда. Доля городского населения за последние 50 лет возросла в 2,2 раза. Происходит не только резкое возрастание числен-

ности городского населения, но и его чудовищная концентрация в крупных городах.

Численность и плотность городского населения (2010 г.)

№ п/п	Города с населением	Число городов (единицы)	Численность населения (млн.)
1	до 10 тыс.	135	0,9
2	от 10 до 20	280	4,1
3	от 20 до 50	357	11,0
4	от 50 до 100	158	10,1
5	от 100 до 500	160	28,2
6	от 500 до 1 млн.	28	21,0
7	свыше 1 млн.	12	30,4
Итого:		1130	105,7

В малых городах, численностью до 100 тыс. человек население составляет 27,4 млн. Число жителей в сельской местности составляет 37,6 млн. Именно эта часть населения создаёт реальный материально-технический потенциал, обеспечивающий уровень жизни всего российского общества. **Образ жизни народа, проживающего в малых городах и сельских поселениях, определяется непосредственной связью с Природой и с Землёй.** Именно эта вековая связь определяет собой весь комплекс производственных, экономических, социальных и культурно-бытовых факторов, на которых держится государство российское.

Именно здесь сохраняются уникальные ценности русской цивилизации — православная вера, трудолюбие, соборность, взаимопомощь, коллективизм, непреходящая любовь к Родине. Поэтому главной задачей внешних и внутренних врагов России является разрушение указанной благодатной жизнеобеспечивающей связи.

Либеральные правители утверждают, что для обеспечения благоустроенной жизни в малых городах и сельских поселениях нет ресурсов. Но это — явная ложь. В них на протяжении веков проживают трудолюбивые талантливые люди. Эти поселения размещены в самых благодатных природных ландшафтах, по берегам судоходных, богатых рыбой рек, их окружают плодородные земли, леса со своими несметными богатствами, заливные луга, создана уникальная материальная и духовная культура, сложился исторически проверенный уклад жизни. Но для нынешних российских «реформаторов» эти блага не являются ресурсами. Для них единствен-

ным ресурсом являются деньги, особенно если они уворованные. Ныне у этих поселений денег действительно нет, так как они ограблены этими самыми «реформаторами».

По решению Министерства экономического развития РФ 462 города объявлены бесперспективными и нежизнеспособными. Таким образом, уничтожается **самая созидательная часть** российского общества, где ещё сохраняются православная вера, доброта, трудолюбие, взаимопомощь, любовь к родной земле, к Отечеству.

Посредством реализации этой чудовищной идеи замышляется решение главной задачи: согнать русских людей с родной земли, которую они с любовью обихаживали на протяжении многих веков, превратить их в бродяг и нищих, обречь их на ускоренное вымирание, а оставшихся в живых вынудить к миграции в непригодные для здоровой и созидательной жизни существующие и вновь создаваемые города-миллионники.

Что же ожидает наш народ, если сатанинский проект разрушения его исторического расселения будет реализован? Миллионы русских людей, согнанные с родных земель, вынуждены будут искать прибежища в городах-«миллионниках», где их никто не ждёт, поскольку все рабочие места будут уже заняты мигрантами. Здесь они утратят своё этническое численное и духовное превосходство и потеряют исторический статус государствообразующего народа. Думаю, что просвещённому читателю нет нужды объяснять, что это явится концом Российского государства, чего и добиваются либеральный экономический блок правительства РФ и Центробанк.

Наше общество должно осознать масштаб грозящей ему смертельной опасности, объединить усилия в защите исторически сложившегося образа жизни людей, приступить к разработке **социально-экологической системы расселения людей**, восстанавливающей гармонию между Человеком и Природой. Суть этой системы состоит в следующем.

Преобразование жизни и деятельности крестьянства

Крестьянин — это крещёный человек, христианин. Но христианами являются не только крестьяне, но и ремесленники, люди индустриального труда, сферы образования, культуры, здравоохранения, науки, обороны. Существует ошибочное представление о том, что крестьяне занимаются производством только сельскохозяйственной продукции. Но это не так.

На протяжении веков в жизни селян наблюдалась, выражаясь современным языком, **диверсификация** (рациональное

разнообразии) производства. В крестьянском хозяйстве было широко распространено изготовление орудий труда и предметов быта. Мужчины самостоятельно (как правило, с помощью соседей) возводили дома, хозяйственные постройки, изготавливали разнообразный инвентарь, сооружали повозки, вязали сани, изготавливали сбрую для лошадей, столярничали, шили сапоги, валяли валенки, изготавливали прялки и ткацкие станы, выполняли гончарные и многие другие работы. Женщины, в свой черёд, занимались прядением, ткачеством, изготовлением изумительной по красоте одежды.

Жители городов, в свою очередь, наряду с ремесленным трудом, занимались садоводством, огородничеством, разведением домашних животных и птицы. В связи с этим интересно отметить, что в XVII—XIX веках в Москве люди жили в основном в домах усадебного типа. При каждом таком доме обязательно имелся земельный участок, размер которого в среднем составлял 11 соток. Уместно сравнить это с современными садовыми участками размером 6—8 соток, расположенными на расстоянии десятков километров от столицы.

Эти сведения приведены для того, чтобы показать целесообразность и эффективность многофункционального производства в реконструируемых сельских поселениях. Автором разработан эскизный проект такой реконструкции, суть которого состоит **в создании 50 тысяч современных «экологических деревень», как неременного условия сохранения генетического кода русского государствообразующего народа в нынешнем и последующих поколениях.**

Понятие «экологическая деревня» является в данном случае условным. Это может быть не только деревня в буквальном смысле, но и село, хутор, станица, аул, посёлок, разорённый и заброшенный малый город или любое другое поселение, обрекаемое преступной либеральной властью РФ на уничтожение. Важно подчеркнуть, что «экологическую деревню» следует понимать как новую перспективную модель расселения миллионов людей, страдающих от безумной урбанизации с её «великими техническими достижениями». Люди, проживающие в больших городах и особенно в существующих и намечаемых к созданию «миллионниках», вынуждены дышать отравленным воздухом, пить опасно загрязнённую воду, питаться недоброкачественными, в том числе генно-модифицированными, продуктами, терять время, здоровье и силы при передвижении к местам работы и отдыха.

В «экологических деревнях» должна быть создана современная производственная и культурно-бытовая инфраструк-

тура, **превышающая по качеству нынешний городской уровень**, и воспроизведён традиционный уклад сельской жизни, обеспечивающий здоровые условия труда, отдыха и быта их обитателей.

По замыслу предлагаемого мной Проекта, в каждом таком поселении должно быть построено в среднем по 100 благоустроенных деревянных домов усадебного типа, общей жилой площадью от 100 до 200 квадратных метров, с русской печью, с баней, с подворьями. При каждом доме должен быть личный земельный участок размером 30 соток (0,3 гектара) для ведения огородного хозяйства, для возделывания плодового и декоративного сада, устройства цветников, газонных площадок, беседок, при желании владельца, зарыбленных прудов и прочих элементов благоустройства с учётом фантазии каждой семьи. В каждом доме предполагается проживание одной семьи, состоящей в среднем из 8 душ трёх поколений: 4 детей, 2 родителей и 2 представителей старшего поколения.

Важным требованием устройства такой деревни должно быть обеспечение работой всего её трудоспособного населения. Основной хозяйственной деятельностью должно быть коллективное (артельное) сельскохозяйственное производство: в полеводстве — возделывание ржи, овса, клеверов, льна-долгунца, гречихи, посевной конопли; в животноводстве — разведение рабочих и спортивных лошадей, молочных коров со шлейфом молодняка, овец, птицы (по выбору — кур яйценосной или мясной породы, гусей или уток); пчеловодство.

Особое внимание должно быть уделено возрождению пастбищного и лугового хозяйства — не только как источнику высокоценных и дешёвых кормов, но и условию сохранения здоровья животных.

В сельскохозяйственном производстве не должна использоваться тяжёлая техника — крупногабаритные тракторы и комбайны, а также минеральные удобрения и ядохимикаты. Полевые и транспортные работы целесообразно выполнять с помощью малогабаритных машин, преимущественно работающих от электропривода или на конной тяге.

В структуре хозяйства должны получить развитие первичная промышленная переработка сельскохозяйственной продукции, созданы современное складское и холодильное хозяйства, а также разнообразные мастерские: деревообрабатывающие, включая плотницкие и столярные, кирпичные, льнообрабатывающие, прядильные, ткацкие, швейные, сапожные и другие.

Но не только. Наряду с ними предполагается создание и развитие дочерних фирм в виде небольших творческих кол-

лективов (артелей), специализирующихся на разработке и реализации инновационных программ, соответствующих требованиям шестого и седьмого технологического уклада. В этих целях должны формироваться научно-технические центры, лаборатории, специализированные производства. Конкретно это может быть выпуск малотоннажной продукции, включающей новейшие приборы и материалы для радиотехники, электроники, здравоохранения, оборонной и космической техники, охраны окружающей среды. Это позволит организовать разветвлённую сеть рабочих мест для использования творческого труда и таланта молодых учёных, инженеров, конструкторов, строителей, врачей, педагогов, архитекторов, художников, писателей, актеров и других выпускников лучших вузов страны, вынужденных ныне искать работу за рубежом.

Как правило, это должны быть небольшие творческие коллективы преимущественно молодых специалистов, численностью 10—15 человек. Предположим, 5 выпускников Химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева и 5 выпускников Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова выезжают на постоянное жительство в социально обустроенную экологическую деревню, получают средства от местного акционерного общества или привлекают беспроцентный кредит и создают лабораторию по производству **экологически чистых лекарственных препаратов на базе растительного и животного сырья**. По согласованию с соответствующими медицинскими органами заключают договор на поставку готовой продукции.

Подобным образом группа молодых специалистов с инженерным образованием может создать технический центр по разработке автоматизированного управления технологическими процессами в сельском хозяйстве и перерабатывающих отраслях.

Для успешного функционирования жилых, производственных и культурно-бытовых объектов в поселении желательно иметь надёжный и дешёвый источник энергоснабжения — автономную экологически чистую электроэнергию. Её источниками должны стать природный газ и производимый на месте биогаз, получаемый за счёт утилизации отходов животноводства и растениеводства. Особое внимание предстоит уделять освоению практически неограниченных объёмов ветровой и солнечной энергии.

В настоящее время в Европе возобновляемые источники обеспечивают 15% потребляемой электроэнергии, в том числе

в Германии — 23%, а к 2020 году их долю планируется увеличить до 30%. В нашей стране их доля не превышает 4%. Ликвидировать это отставание вполне могли бы молодые выпускники Московского энергетического института или специализированных факультетов других технических вузов.

В экологических деревнях предстоит размещать конструкторские бюро, архитектурные и художественные мастерские, филиалы или кафедры высших и средних учебных заведений, школы программирования. В них могут жить и творить учёные, писатели, художники и другие специалисты творческого труда, тем более что опыт такой имеется. Вспомним о том, что Терентий Семёнович Мальцев, Михаил Александрович Шолохов, Василий Иванович Белов, Аркадий Александрович Пластов создавали свои эпохальные произведения в родных пенатах.

Из объектов соцкультбыта в экологических деревнях обязательно должны работать современно оборудованные школы, детские дошкольные учреждения, поликлиники, роддом, библиотека, дом культуры, банно-прачечный комбинат, почта, пекарня, универмаг, спортивные сооружения и другие. Должны быть восстановлены или вновь построены православные храмы.

Особо следует сказать о развитии культуры в экодеревах. Организуемые либералами «фабрики звёзд» — это сущее издевательство над подлинным искусством. Бескультурью и пошлости шоу-бизнеса должно быть противопоставлено развитие художественной самодеятельности — колыбели истинных талантов. Сошлюсь на конкретный пример.

В послевоенные годы я обучался в сельскохозяйственном техникуме, расположенном в селе Кокино, в 25 километрах от города Брянска. Техникум был создан на базе комсомольской сельскохозяйственной школы в начале 20-х годов прошлого века. Бессменным директором техникума в течение пятидесяти лет был Герой Социалистического Труда Пётр Дмитриевич Рылько. Его заботами в техникуме был создан студенческий художественный ансамбль, который долгие годы с блеском выступал на главных сценах Москвы, Ленинграда, Киева и множества других городов СССР. С громким успехом гастролировал во многих странах Европы, Азии, Северной и Латинской Америки, Австралии и везде получал высшие национальные награды.

Итак, в каждой, таким образом устроенной экологической деревне в среднем может проживать 800 человек. В их общинной собственности будет находиться примерно 2000 гектаров сельскохозяйственных, лесных, водных и других

угодий. Соответственно, общая численность населения «экологических деревень» в целом по стране составит 40 миллионов человек, которые на основе общественного характера производства и артельной организации труда будут обихаживать 100 миллионов гектаров плодоносящих русских земель. Это будет главным исходным рубежом, с которого начнётся реализация мудрого завета гения русского духа Михаила Васильевича Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа».

Подчеркну, что экологическая деревня — это новая форма организации многофункциональной деятельности людей физического и умственного труда, соответствующая достижениям современной науки и техники и интересам личности и общества.

При обсуждении предлагаемого мной Проекта с чиновниками властных структур приходилось, как правило, слышать, что проект нереален, что это — наивность, что никто не поедет из города в деревню. Однако автор уверен в обратном. Читая лекции в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), в Московском городском университете управления правительства Москвы, мною проводились с помощью членов научного студенческого общества социологические исследования. На вопрос, согласен ли дипломник по завершении учёбы поехать на село при условии предоставления благоустроенного жилья и возможности работы по специальности, до половины молодых людей дала положительный ответ. И это отрадно.

Ресурсы для реализации авторского Проекта

Читатель, разумеется, понимает, что авторский Проект носит пока виртуальный характер. Скорей это — основа разрабатываемой автором принципиально новой теории решения жизненно важной социально-экономической, демографической и геополитической проблемы сохранения России и её государственного суверенитета. Здесь обоснованы лишь эскизные параметры Проекта, его масштабности, структуры и капиталоемкости.

Технико-экономическое обоснование Проекта (ТЭО) может быть выполнено специально созданным творческим коллективом учёных и специалистов разного профиля. Создание такого коллектива целесообразно поручить Совету по изучению производительных сил Российской академии наук. В число разработчиков Проекта должны быть включены учёные экономических, сельскохозяйственных, энерге-

тических, машиностроительных, биологических, почвенных, лесных научно-исследовательских учреждений, проектных организаций и конструкторских бюро.

Очевидно, что такое поручение о разработке Проекта может быть дано только высшим законодательным или исполнительным органом власти, то есть или президентом, или правительством РФ. Исходя из личного опыта, скорее всего можно ожидать, что обращение автора в эти инстанции по вопросу безотлагательной разработки и реализации данного Проекта не получит необходимой поддержки с традиционным объяснением: «У государства на это денег нет». Автор ясно осознаёт, что при нынешнем тощем консолидированном и федеральном бюджете на решение этой судьбоносной задачи средств не найдётся. Но есть крупные внебюджетные денежные источники, за счёт которых государство могло бы проинвестировать предлагаемый Проект.

По приблизительным расчётам автора, реализация Проекта потребует 20 трл. рублей. Подчеркнём, что эта сумма позволит решить три взаимосвязанные задачи. Первая: строительство шоссейных дорог от ближайших магистралей до каждой экологической деревни, а также на её территории. Вторая: создание современной материально-технической базы посредством развития отечественного машиностроения, пищевой и лёгкой промышленности. Третья: создание комфортной жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры, о которой сказано выше.

Предполагаемый срок строительства — 10 лет. Следовательно, на реализацию Проекта потребуется ежегодное финансирование в среднем в сумме 2 трл. рублей.

По данным Федеральной налоговой службы, в современной Российской Федерации насчитывается 60 тысяч богатых людей, у которых годовой доход составляет более 100 млн. рублей. По убеждению автора данного Проекта, вместо существующей плоской налоговой шкалы, предусматривающей изъятие 13% дохода, было бы справедливым для этой категории граждан установить налог в пользу государства и общества в размере 50%. Попутно отмечу, что это предложение автора поддерживают многие здравомыслящие экономисты. Сошлюсь, в частности, на депутата Государственной Думы РФ всех шести созывов — Оксану Дмитриеву, которая активно выступает за введение прогрессивной шкалы налогообложения.

В случае практического применения высказанного здесь предложения в государственный бюджет должно поступить 3 трл. рублей в год. Как видим, эта сумма даже превышает на 1/3 расчётную годовую потребность в средствах на создание

системы экологических деревень, предусматриваемую авторским Проектом. Нет нужды доказывать, что доходы олигархов созданы трудящимися России, следовательно, они не понесут личного ущерба.

Возможен и другой вариант получения средств для реализации предлагаемого Проекта. Например, побудить указанных богачей подписаться на государственный заём, сроком на 10 лет, в размере 20 трлн. рублей с внесением денег в предстоящие 10 лет равными частями по 2 трл. рублей в год. Такие решения верховной власти позволили бы создать реальную базу инвестирования предлагаемого автором Проекта.

Его реализация даёт возможность миллионам горожан переселиться из городов-«миллионников», где нет условий для духовной, здоровой и плодотворной жизни, на опустошаемые ныне земли, которые веками служили основой благополучия государства. Миллионы людей смогут вновь обрести свою малую родину, которую они или их ближайшие предки были вынуждены покинуть. Из этого многомиллионного контингента несомненно найдутся квалифицированные специалисты, желающие работать на благо Родины в условиях интеграции науки, производства и искусства в соответствии с требованиями шестого и седьмого технологических укладов.

В заключение подчеркну, что создание многофункциональной системы эколого-социальных структур способно послужить мощным генератором оздоровления всей экономики страны. Но это возможно лишь при условии изменения самой парадигмы управления страной. Государство должно служить интересам народа, а не способствовать достижению целей мирового правительства по погружению мира во мрак глобализации, предусматривающей уничтожение России. Более того, автор убеждён, что реализация предлагаемого Проекта внесёт реальный вклад в спасение всего человечества от погибельных урбанизации и глобализации.

ОН СПАС СТРАНУ

На заседании прошедшего в этом году дискуссионного клуба Всемирного Русского Народного Собора, посвящённом характеристике Русской цивилизации, заместитель главы Собора, руководитель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин высказался за создание в России политической системы, объединяющей монархию и социализм. Такая система, по его мнению, обеспечит единство власти и народа, которое, в свою очередь, немислимо без веры. То, что предложил Всеволод Чаплин, в сущности, является модификацией известной триады графа Уварова, ибо, что сегодня такое власть, вера и народ, как не Самодержавие, Православие и Народность в XIX веке?

Рассматривать, насколько актуальна сегодня проблема, обозначенная церковным деятелем, на которого возложена задача быть посредником между Московским Патриархатом и обществом, в целом не входит в нашу задачу, хотя, надо сказать, протоиерей Всеволод отнюдь не одинок в постановке этого вопроса. Наталья Алексеевна Нарочницкая принад-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лежит фраза: «Призрак христианского социализма бродит по России». Известный церковный публицист протоиерей Александр Шумский, доцент кафедры Рязанского государственного университета протоиерей Сергей Рыбаков, покойный батюшка Димитрий Дудко и ряд других видных священников не раз выражали положительное отношение к христианскому социализму, хотя до выступления Всеволода Чаплина эти высказывания можно было отнести к числу почти еретических: в достаточно объемном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» нет слова «социализм». Там не анализируются типы экономических отношений, авторы ограничились лишь констатацией: «Церковь признаёт существование многообразных форм собственности... Церковь не отдаёт предпочтения ни одной из этих форм». Принцип равноудаленности позволяет её деятелям воздержаться от оценочных характеристик в вопросах присвоения результатов труда и поставить знак равенства между всеми типами социально-экономических конструкций: «При каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ».

Жизнь, однако, убедительно показывает, что в отношении использования материальных благ социализм выглядит гораздо более оправданным, нежели наш капитализм паразитирующих монополий, социальная ответственность которого в подавляющем большинстве случаев остаётся не более чем фразой.

Христианский социализм притягивает к себе целую плеяду отечественных мыслителей, поскольку позволяет примирить «красных» и «белых», соединить, наконец, две линии русской истории — царской и советской, слив их в диалектическом синтезе. В условиях нынешнего идеологического вакуума христианский социализм способен стать идеологией масс, к нему позитивно отнесутся представители других верований, то есть мы получим теоретическую базу для объединения людей разных этносов и религий в одно общество, и что не менее важно, симпатии угнетенных народов всего мира.

Диалектический синтез потребует честного и непредвзятого анализа советского прошлого и, конечно, объективной оценки личности Сталина, определившего характер строившегося нового общества, а затем возглавившего борьбу советского народа с гитлеровской Германией, в ходе которой страна отстояла свои социалистические завоевания, потребует, в том числе и от деятелей Русской Православной Церк-

ви. К сожалению, отнюдь не все наши церковные иерархи готовы к такому объективному анализу.

С одной стороны, Всеволод Чаплин, лицо, отвечающее за связь РПЦ с «миром», говорит о необходимости построения в нашей стране общества, стоящего на принципах христианского социализма. С другой, — второе лицо в нашей церкви, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Иларион (эту должность занимал митрополит Кирилл до избрания его Патриархом Всея Руси), выступая недавно на Первом канале в программе В.Познера, снова возложил на Сталина, с именем которого связано строительство первого в мире социалистического государства, всю ответственность за репрессии, совершенные карательными органами за годы советской власти, подтвердив свои прежние обвинения: *«Сталин был чудовищным духовным уродом, который создал глубоко античеловечную систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развернул генцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером».*

Митрополит Иларион по своему должностному статусу является дипломатом высокого ранга, а коли так, каждое публичное слово его должно быть взвешенным, опирающимся на документальную базу, и если он говорит о миллионах безвинно погибших, то возникает вопрос: где он взял эти цифры? Неужели ему неизвестен документ, поданный первого февраля 1954 года на стол Н.С. Хрущёву за подписью генерального прокурора Р.Руденко, министра внутренних дел С.Круглова и министра юстиции К.Горшенина: *«Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущёву Н.С. В связи с постановками в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем: за время с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к ВМН — 642.980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2.369.220, в ссылку и высылку — 765.180 человек».*

О каких миллионах убитых говорит митрополит Иларион? И следует учесть: в число приговорённых к высшей мере — 642980 (при том, что не все они приводились в испол-

нение) — входило немалое число лиц, осуждённых за диверсии, что среди общего количества расстрелянных были шпионы, вредители, диверсанты и даже террористы. К примеру, по данным исследователей времени индустриального становления СССР Ю.Мухина и Н.Ивницкого, только в марте 1930 года на Украине был зарегистрирован 521 теракт, в Центральном чернозёмном районе — 192; в Западной Сибири за 9 месяцев 1930 года — более 1000 терактов, на Урале в январе—марте — 260 случаев. Коллективизация подняла волну вооружённых восстаний крестьян против властей. Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР, только в январе-марте 1930 г. в СССР произошло около 2200 вооружённых выступлений с участием почти 800 тысяч человек. Разумеется, нельзя не сострадать и не симпатизировать этим повстанцам, боровшимся за справедливость, против ломки векового уклада жизни, но ведь и революции, происходившие в царской России, массовые выступления рабочих и крестьян против буржуазно-помещичьего строя свидетельствовали о недовольстве угнетенного народа.

В числе репрессированных были также лица, осуждённые за экономические преступления, наносившие вред государству. Их деятельность также квалифицировалась как контрреволюционная, и к невинно погибшим они тоже не относятся. Кстати, с 1921 по 1924 г. Сталин отнюдь не обладал полнотой власти, и многочисленные жертвы тех лет нельзя связывать с его именем. А за это время были расстреляны и брошены в застенки участники Кронштадтского мятежа (историки называют от 7 до 15 тысяч жертв: только смертных приговоров, санкционированных Дыбенко, было вынесено 2103), репрессированы священнослужители и миряне, сопротивлявшиеся изъятию церковных ценностей (по данным Православного Свято-Тихоновского богословского университета, общее число арестованных церковных деятелей в 1921—1923 гг. составило 10 тысяч человек, при этом был расстрелян каждый пятый).

Конечно, в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа была высокая смертность. В местах заключения свирепствовал туберкулез, антибиотиков еще не было. С 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. умерло от болезней 963 766 заключенных, но в это число входили и «враги народа», и уголовники. Последних в лагерях и тюрьмах было в 4,4 раза больше, чем осуждённых за контрреволюционные преступления. Таким образом, число политзаключенных, умерших в лагерях от болезней, равно примерно двумстам тысячам человек.

Исследования историка и публициста Игоря Пыхалова убедительно показали, что за всё время правления Сталина число лиц, одновременно находившихся в местах лишения свободы, никогда не превышало 2 миллиона 760 тысяч. Цифра эта вполне сопоставима с количеством заключённых в «демократических» США в 1999 году: тогда отбывали срок или находились в предварительном заключении 2 с лишним миллиона американцев.

Заметим, что масштабы репрессий не повлияли заметно на темпы роста населения. В СССР они составляли более процента, что превышало показатели Англии или Франции, а в постсоветской России только в последние годы смертность стала несколько превышать рождаемость. Потери из-за сверхсмертности и падения рождаемости за последние 25 лет превысили у нас 20 миллионов человек.

«Античеловечная, построенная на лжи» система разве бы устояла в годы величайшего испытания Великой Отечественной войной? Вот нацистское государство, несмотря на то, что на него работали материальные и людские ресурсы всей континентальной Европы, было до основания разрушено. Хотя бы поэтому совершенно недопустимо, тем более в год 70-летия Великой Победы, ставить знак равенства между СССР и нацистским третьим рейхом, между Гитлером и Сталиным.

Утверждение же, что Сталин развязал геноцид против собственного народа, достойны разве что госпожи Нарусовой, причитания которой не имеют ничего общего с логикой истории. Сталин как раз спас советский народ, и прежде всего русский, украинский и белорусский, от полного физического уничтожения, которое было главной составной частью плана «Барбаросса». В соответствии с этим планом руководитель гестапо Гиммлер и начальник Главного управления имперской безопасности Гейдрих в начале 1941 года разработали планы уничтожения 30 миллионов славян. И это только на первом этапе. Начальный план уничтожения советских людей был почти выполнен: 27 миллионов своих граждан лишилась наша страна.

Говоря о деятельности Сталина, нельзя вырывать её из исторического контекста 1920—1940 годов. Этот период дал целый ряд сильных политических фигур, вождей, диктаторов. В Европе перед Второй мировой войной, кроме Гитлера и Муссолини, диктаторами были Пилсудский, Хорти, Франко, Антонеску, Павелич... А Франклин Рузвельт в США? Один его закон о конфискации золота у населения чего стоит! Гарри Трумэн, приказавший сбросить атомные бомбы на жителей Хиросимы и Нагасаки, совершил одно из величайших

преступлений против человечности. Но на судьбу европейских и американских автократов не повлияли обвинения в бессмысленной жестокости и репрессиях, а некоторые даже не услышали упреков по своему адресу. 50 тысяч советских военнопленных погибли в польском ГУЛАГе в 20-е годы. Пан Пилсудский ответил за это преступление? Зато в хатынском расстреле Запад, не слишком утруждая себя доказательствами, обвинил СССР и, конечно, Сталина.

Почему же все обвинения в репрессиях 30—40 годов сыплются исключительно на него? Не потому ли, что это очень удобно, а многим и выгодно: вместо того, чтобы юридически обоснованно, опираясь на архивные документы, разбираться, кто непосредственно и по чьему заказу заводил дела на политзаключённых, кто вёл следствия, готовил обвинительные заключения — вместо этого во всех грехах обвинить одного человека, и концы в воду.

Обвинить человека, который, по выражению Черчилля, «принял Россию с сохой и оставил её с атомным вооружением»? Уинстон Черчилль никогда не был другом России, но тем ценнее его вынужденное признание: «России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе её оказался такой жесткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором». Диктатор, впрочем, — понятие западное. У русских есть более точное слово — «вождь».

Огромны заслуги вождя в предвоенный период — с именем Сталина связана индустриализация страны. Огромны заслуги Сталина в период Великой Отечественной войны — с его именем как полководца связаны победы в величайших сражениях, освобождение Родины от оккупантов, освобождение народов Европы от коричневой чумы. Огромны заслуги Сталина в послевоенный период, когда страна всего через два с половиной года отменила карточную систему, за четыре года поднялась из руин: залечила раны, нанесённые войной, и восстановила народное хозяйство — опираясь не на американские деньги, не на план Маршалла, а на свои силы, самоотверженный труд рабочих и крестьян, инженеров, ученых. Сталин создал самую гуманную в мире экономику, которая могла нормально функционировать, только снижая цены на товары (на Западе и у нас после гибели СССР экономика функционирует на прямо противоположном принципе).

Конечно, полностью снимать ответственность со Сталина за репрессии нельзя. Но следует не огульно обвинять его во всех смертных грехах, а спокойно разобраться, в каких кон-

кретных случаях ответственность лежит лично на нём, а в каких — на «проклятой касте», каковой он именовал революционеров, занявших высокие партийные кабинеты. Они зачастую знали только язык «товарища маузера» и свои неудачи в строительстве индустриальной державы списывали на происки врагов. Необходимо дать оценку деятельности Сталина, исходя из контекста той эпохи, в которой ему приходилось действовать, жестокого времени грандиозной социальной ломки и грандиозного строительства государства, которому не было аналога в прошлом.

Сталин хорошо изучал историю, извлёк урок из поражения нашей страны в Первой мировой войне. Урок этот состоял в том, что, несмотря на одержанные победы (разгром Бруссиловым войск Австро-Венгрии, успехи на Кавказском фронте, где русская армия углубилась на территорию Турции на 300 км, а казаки Василия Гамалея купали лошадей в водах Тигра), воспользоваться их плодами России не дали союзники, прежде всего англичане, использовав для свержения правительства Николая II российскую «пятую колонну». Поэтому главным лозунгом Великой Отечественной войны стало единство фронта и тыла. Аббревиатура СМЕРШ до сих пор пугает наших либералов. Но разве смогли бы мы без этой организации справиться с агентами абвера и гестапо, с десятками тысяч диверсантов и шпионов, заброшенных на нашу территорию, с бандеровцами в Западной Украине и «лесными братьями» в Прибалтике? Да, органы НКВД, разумеется, повинны в массовом терроре, но не они ли помогли развернуть в тылу врага массовое партизанское движение?

Необходимо помнить, что само сравнение Сталина и Гитлера служит лишь интересам врагов России. Сегодня они пытаются поставить между ними знак равенства, а завтра наши идеологические противники станут утверждать, что Гитлер — историческая фигура куда более достойная. Обвинив Сталина, обвинят и русский народ: солдат-освободитель станет солдатом-агрессором. В странах Прибалтики, Польши до этого уже докатились, да и киевская хунта упорно проводила ту же идеологическую линию.

Идея сравнить Гитлера и Сталина принадлежит Солженицину. Это он сказал о 60 миллионах жертв сталинского режима. После этого характеристике Сталина как величайшего преступника всех времен и народов дали зеленую улицу. Идею подхватил Василий Гроссман, а потом фигуры помельче, вроде президента движения «Союз правых сил» Леонида Гозмана или вышеупомянутого Владимира Познера. Лиха беда — начало. Инициатор обращения «Путин должен уйти»

Андрей Пионтковский сравнивает с Гитлером уже Владимира Путина (кстати, я с изумлением в списке подписантов этого обращения увидел себя. Все мои попытки связаться с сайтом, опубликовавшим обращение, и выразить протест, ни к чему не привели).

Последовательно проводимую демонизацию лидеров России стоит рассмотреть в контексте исторически сложившейся психологии англосаксонских политиков. Когда Хилари Клинтон объявляет во всеуслышание, что «у Путина нет души», нельзя не вспомнить эпоху завоевания Нового Света и уничтожения его древних цивилизаций. Западные колонизаторы объявили: у индейцев нет души. Этим тезисом они оправдывали свою политику геноцида в отношении аборигенов Америки.

Если Сталин усилиями Запада и нашей «пятой колонны» будет приравнен к Гитлеру, то неизбежно рано или поздно все русские будут объявлены «не имеющими души», и список претензий Запада, с его «похотью властвования» (определение Блаженного Августина) к нашему народу будет непомерно расти, чтобы в конце концов русскому человеку не осталось места под солнцем. Вот уже и папа римский вслед за митрополитом Иларионом сравнивал бесноватого фюрера с великим вождём.

В прошлом году совершенно незамеченным прошло 120-летие со дня рождения Никиты Хрущёва. Видимо пропуск этой даты не был случайным. Пристальное внимание к фигуре Никиты Сергеевича сильно бы помешало курсу «десталинизации», которую в третий раз безуспешно пытаются проводить в нашей стране либеральные круги. Ведь Хрущёв наряду с 1-м секретарем Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе был одним из самых усердных разоблачителей «врагов народа». Как стало известно из рассекреченных архивов КГБ, он составил список из 41 305 «бывших кулаков» и «уголовников», из которых 8500 человек потребовал приговорить к расстрелу, а 32 805 человек — к высылке. А потом даже попросил Сталина увеличить долю подлежащих расстрелу «врагов народа». «Уймись, дурак!» — написал Сталин на его заявлении. Вскоре вождь стал лично разбираться со списками репрессированных и сделал вывод о том, что Ежова нужно немедленно убрать. В 1937 году Ежова расстреляли. 25 ноября 1938 г. наркомом внутренних дел СССР назначается Берия, и сразу масштаб репрессий снизился в десять раз! Именно тогда НКВД, у истоков которой стоял Дзержинский, Сталин вернул под контроль партии. А до того нужно было взять под контроль армию, созданную Троцким, на-

вести порядок в партийных организациях Москвы и Питера, в которых оставалось немало сторонников Каменева и Зиновьева. По мнению ряда историков, только с 1938—1939 гг. можно говорить о Сталине как о политической фигуре, сосредоточившей в своих руках необходимую полноту власти.

Если бы вождь опоздал к этому крайнему сроку, когда в мире запахло порохом, итоги Второй мировой войны были бы совсем другими.

Сталин сделал то, что не сумел сделать царь Николай: победил Германию, вырвав корень немецкого милитаризма — Пруссию. В войне с Японией он вернул территории, которые были утрачены в 1905 году. В День капитуляции Японии он признался, что никогда не мог смириться с утратой Южного Сахалина и островов Курильской гряды, и сказал, не скрывая торжества: «Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня».

Мне могут резко возразить: как можно сравнивать святого царя и атеиста Сталина, в правление которого гонения на церковь достигли пиковых величин?

Но вопрос об отношении Сталина к христианской вере и Православной Церкви отнюдь не такой простой, как принято думать. Вот два документа.

Выписка из протокола Политбюро от 12 сентября 1933 года. «В период с 1920—1930 гг. в Москве и на территориях прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей. На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры и русского зодчества. Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции обязаны принимать меры вплоть до дисциплинарной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества. Секретарь ЦК И. Сталин».

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 11.11.1939 г.: «В отношении к религии, служителям Русской Православной Церкви и православно верующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразной впредь политику органов НКВД СССР в части арестов священнослужителей русской православной Церкви, преследовании верующих.

2. Указания товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666 — 2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК тов. Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК—ОГПУ—НКВД, касающиеся преследования служащих Русской православной церкви и православно верующих — отменить.

3. НКВД провести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью. Освободить из-под стражи, заменить на наказание, не связанное с лишением свободы, осуждённым по указанным мотивам».

Единого мнения о подлинности этих документов нет. Историки либерального крыла их отрицают. Они отвергают эволюцию взглядов Сталина и по вопросам веры, и в отношении сохранения памятников церковной архитектуры. Но «опускают» такой, например, факт. Каганович настаивал на сносе храма Василия Блаженного. Сталин позвонил известному реставратору Петру Дмитриевичу Барановскому, который ответил, что собор можно взрывать только вместе с ним. Что произошло дальше, рассказал архитектор Иван Владиславович Жолтовский. На заседании Политбюро решался вопрос о реконструкции Москвы. Вошёл Сталин, и Каганович, демонстрируя, как будет удобно танкам на парадах, если убрать с Красной площади храм Василия Блаженного, снял его с макета, но услышал голос вождя: «Лазарь, поставь на место».

Началась Великая Отечественная война. 3 июля Иосиф Сталин произнёс свою знаменитую речь, в которой прозвучали глубоко проникающие в душу каждого верующего слова: «Братья и сестры».

От этого обращения — прямой путь к знаменитой встрече вождя с православными иерархами в сентябре 1943 года в Кремле. По сути дела, она знаменовала новый статус РПЦ. Церковь становилась структурной частью советского общества. Исследователи либерального толка объясняют историческую ночную беседу Сталина и Молотова с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) соображениями политической конъюнктуры: она-де была нужна Сталину накануне его встречи с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране.

Но как они объяснят тогда, что за полтора года до этой встречи власть официально разрешила празднование Святой Пасхи в Москве: в ночь с 4 на 5 апреля отменила комендантский час и разрешила свободное движение по столице всю ночь, о чем было объявлено по утреннему радио (это в условиях, когда враг стоял в ста километрах от Москвы).

Москвичка Никитина свидетельствовала, что в этот день «еще дали сырковой массы, масла, мяса и муки». По информации начальника УНКВД г.Москвы и Московской области М.И. Журавлева, в Пасхальной службе участвовали около 85 тысяч человек.

Что касается Тегеранской конференции, то она не имела предварительно оговорённой повестки дня. Обсуждение положения Церкви в СССР на ней не предполагалось, да и не могло предполагаться на фоне событий тех дней. Только что окончилось крупнейшее танковое сражение на Курской дуге, мировая война ещё далека до завершения. Союзники по антигитлеровской коалиции встречаются, чтобы обсудить военные вопросы и наметить контуры послевоенного мироустройства. Наивно предполагать, что открытие второго фронта они могли поставить в зависимость от открытия храмов в стране, которая несла главное бремя войны. К тому же политический вес Страны Советов и авторитет её вождя едва ли позволяли руководителям западных держав задавать вопросы, касающиеся наших внутренних дел. Лозунг прав человека ещё не был взят на вооружение американской идеологией. Упомянутая точка зрения является, скорее, наложением кальки отношений российской власти 90-х годов с «вашингтонским обкомом» на события 70-летней давности. Логичнее выглядит другой тезис: советское руководство использовало политическую конъюнктуру, для того чтобы решительнее скорректировать курс государства по отношению к РПЦ. Сталин получил возможность в условиях войны продолжить стратегическую линию, начатую им еще за 10 лет до упомянутой встречи. Как явствует из записки руководителя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г.Г.Карпова, Сталин, принимая трех иерархов, сказал: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с её организационным укреплением и развитием внутри СССР». Развитие Церкви при всесторонней поддержке государства — это уже совсем не марксизм. Это курс, при котором в социализм встраиваются традиционные ценности русского национального бытия.

Если к началу Второй мировой войны в СССР оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, то за 1944—1948 гг. количество православных общин дошло до 22 тысяч. Была открыта Свято-Троицкая Сергиева Лавра, пять духовных семинарий. Подавляющая часть находившегося в лагерях духовенства была освобождена из заключения. Прекратились прямые гонения на верующих со сторо-

ны «Союза воинствующих безбожников». Государство фактически прекратило поддержку обновленчества, деятелям которой весьма сочувствовал Ленин: он даже принимал в Кремле обновленческого «протопресвитера» Владимира Красницкого. К 1946 году обновленческая ересь была полностью ликвидирована.

Был ли Сталин верующим? Ряд фактов говорит в пользу этого предположения. По свидетельству телохранителя Сталина Юрия Соловьёва, Сталин молился в церкви в Кремле, которая находилась по пути в кинозал. Известны воспоминания приёмного сына Сталина Артёма Сергеева, которые говорят о том, что вождь уважительно высказывался о вере. После смерти руководителя СССР Церковь его отпевала. Знаменитый московский священник отец Александр Егоров, служивший в храме Илии Обыденного в Москве, вспоминал: «Когда Сталин помер, то было дано указание, чтобы по всем храмам служить панихиды, в том числе и в нашем храме, об упокоении новопреставленного раба Божия Иосифа». Перед панихидой в Елоховском соборе 9 марта 1953 года Святейший Патриарх Алексей I сказал: «Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила, великая общественная сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал взор Великого Вождя... Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума. Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы». Стоит упомянуть и о том, что двумя днями ранее в церковь Воскресения Слоущего в Аксаковском переулке приехал Василий Сталин. Его проводили к известному московскому иерею Иоанну Свитинскому, и он попросил батюшку отслужить панихиду по своему отцу.. Что же, эти панихиды были всего лишь политической игрой? Характерно замечание отца Александра Егорова: «Сталин после войны совсем не тот был... А когда пришел Хрущев — ярый атеист, — он постарался восстановить ленинские нормы по отношению к религии». То есть практикующий священник 50-х годов воспринимал Сталина после войны не как атеиста. «Именно Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и

русский патриот низко кланяюсь Сталину», — откликнулся на смерть вождя архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Я, сидевший при Сталине и Брежнев, как и владыка Лука, готов воскликнуть: «Сталин — Богом дарованный вождь России», — сказал священник Дмитрий Дудко.

Духовная дочь митрополита Николая (Ярушевича) Любовь Исааковна Петерсон незадолго до своей кончины пригласила к себе сотрудников радио «Радонеж» и сообщила о том, что Владыка исповедовал Сталина. Митрополит Николай рассказал ей об этом незадолго до своего заточения в больницу, добавив, что из лечебницы его живым не выпустят. Печальное пророчество Владыки в скором времени сбылось...

Сталин был личностью, в которой пересеклись противоречия бурного XX века. Он начал свой путь как революционер, но завершил его как национальный лидер, отстаивавший традиционные ценности. Если продолжать разговор об эволюции взглядов Сталина, стоит привести выдержки из знаменитой статьи Александра Панарина «О Державнике-Отце и либеральных носителях «эдипова комплекса»: «Сама его политическая биография — это процедура открытия российских фактов, не укладывающихся в западную марксистскую схему. Великие учения настолько репрессировали здравый смысл, что для того, чтобы стать на его сторону в условиях перманентного идеологического давления, требуется недюжинная воля. Сталину пришлось более или менее «нелегально» и интуитивно привлекать старую русскую идею, поначалу начисто изгнанную со сцены».

Те, кто сегодня с высоких церковных кафедр проводят знак равенства между Сталиным и Гитлером, понимают ли, что они подрывают авторитет РПЦ, заставляя подозревать в неискренности авторитетных церковных иерархов, в том числе и причисленного к лику святых архиепископа Луку, разрывают нить духовной преемственности, которая тянется от патриарха Сергия (Страгородского) и Алексия I к нынешнему Московскому Патриархату?

В свете изложенного не кажется столь уж невероятной версия о том, что по приказу Сталина 8 декабря 1941 года будущий Главный маршал авиации Голованов совершил облёт Москвы с Тихвинской иконой Божией Матери. Об этом сообщил писатель Николай Блохин в книге «Рубеж», ссылаясь на своего отца, которому о факте облёта рассказал сам Голованов, а подтвердил Василий Сталин, командовавший ВВС Московского военного округа (родители Блохина работали на Московском ипподроме, частыми гостями которого были оба лётчика — штаб авиации округа находился рядом с ип-

подромом). Между прочим, на следующий день, 9 декабря, Красная Армия вошла в Тихвин. Есть свидетельства, что вокруг осажденного Ленинграда крестным ходом обносили Казанскую икону Божьей Матери, что перед этим Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия и местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия и имел с ними длительную беседу.

Сталин как политический преемник Николая II исправил многие ошибки последнего русского царствования. Конечно, вождю СССР, в свою очередь, можно предъявить счет за многие ошибки Советского правительства: репрессии, раскулачивание, массовые расстрелы духовенства... Но повторюсь: неверно и вредно сваливать на Сталина вину за все ошибки. Не так ли точно поступали русские либералы, сваливая все неудачи правления, все поражения в мировой войне на царскую семью, вплоть до обвинения ее в измене, разлагая при этом армию и готовя государственный переворот.

Вслед за последним русским царем Сталин мог повторить: «Кругом измена, трусость и обман», ибо сам он был изменчески умервщлен, а власть от Хрущева вплоть до Ельцина вела предательскую и трусливую политику ликвидации сталинского наследия, которая, в конце концов, поставила под вопрос само существование Российского государства.

Дата 9 мая является на сегодняшний день важнейшей скрепой, объединяющий многонациональный народ нашей страны, и те, кто вычёркивает Сталина из её истории, идут вразрез с мнением народа и рискуют сломать эту скрепу. На медали «За победу над Германией» отпечатан профиль Сталина и выгравированы такие слова: «Наше дело правое — мы победили». Это ведь парафраз знаменитого изречения Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

Сталин наряду со святым воином, благоверным князем Александром Невским остается Именем России.

ПРОВИНЦИЯ СЛЁЗ

РОМАН

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Картошки хватило до Рождества.

К этому дню Савины доели последнее ведро, оставленное на семена, и варить стало нечего. Акуля берегла под замком в чулане полмеры муки, но ни блинов, ни хлебы из неё не пекла — выходило слишком накладно, — а приспособилась варить жиденькую мучную поспу: ни суп, ни каша — не поймёшь что. Поспу чуть-чуть забеливали молоком и хлебали наперегонки. Есть стали только утром и вечером, благо дни короткие. Раз в несколько дней Акуля доставала из подпола две-три редьки, долго мыла, а тёрла из экономии нечищеными и раздавала всем по шепотке. Других овощей в доме не осталось: морковку ребята ещё с грядок потаскали, свёклу всей семьёй осенью ели вместо сахара, а квашеной капусты было немного.

В другое время разговоры о надвигающемся голоде не сходили бы с языка, но в эти дни о нём все забыли. Другое волновало жителей окру-

Окончание. Начало в №4 за 2015 г.

ПРОЗА

ги — открытие церкви в Нижней слободе, заколоченной перед войной. Слухи об этом шли с предзвездья, но мало кто верил в неправдоподобную новость, ибо у всех на памяти сквозило недавнее время, когда церкви зорили, священников разгоняли, а о богослужении на людях боялись говорить. Тем невероятнее разливались слухи. Они так бы и остались ими, если недели за две до Рождества в церковь не зачастили слободские старухи. Они скребли и мыли полы, белили стены, натаскали икон. Старики поправляли иконостас, подгоняли двери, пилили и кололи дрова. Всем миром собрали деньги и наняли скопинского печного мастера затвердить на куполе пошатнувшийся крест. И сразу после этого церковь ожила, к ней потянулся народ из соседних селений: полюбоваться и отбить земной поклон. Когда же накануне праздника прошёл слух о назначенном в сочельник благодарственном молебне с водосвятием, то половина Князева собралась в Нижнюю слободу.

Вместе со всеми ушла и Акуля. Как только закрылась за ней дверь, и Григорий стал собираться, а Надёжка заволновалась:

— Папань, а ребята с кем же останутся?

— А ты на что? По-твоему, я должен им титьку давать?

— Мне на работу надо...

— Никто за сегодняшний день слова не скажет, коли власти решили церковь открыть. Думаешь, это простое дело?

Григорий ничего более не стал объяснять, решив, что и так много чести оказал. Бабка запросто ушла, а он должен перед кем-то оправдываться. Дожили!

К началу молебна Григорий опоздал, хотя и не особо спешил. Ему скорее хотелось побывать на людях, быть может, увидеть кого-нибудь из знакомых, а то совсем одичал за последние годы... Хотелось и на нового священника поглядеть, да разве в церковь пробьёшься! Потолкался он, потолкался среди старух и прочего мелкого люда, дождался, когда кто-то на ногу наступил, и озлился.

— Собрались — эка невидаль! — крикнул он в толпу. — Попа им красного привезли, они и рады лбы разбивать!

Григорий не ожидал, что запросто слетевшие с языка слова так подействуют на верующих... Десятки костлявых, чёрных рук потянулись к нему... Слободские да дурновские бородатые старики норовили двинуть по сопатке, и, отмахиваясь, обхватив голову и зажав в кулаке шапку, Григорий еле выбрался из толпы. Спасибо, милиционеры подсобили. «Ладно, вы здесь задами третесь, а я пойду к Затеихе самогоночку пить!» — решил он. Так и сделал: от церкви, перейдя по льду

реку, сразу направился к дому Затеихи, но, ещё издали заметив во дворе осанистого мужика, разбивавшего колуном чурки, зайти к старинной зазнобе не осмелился. Эта непредвиденность рассердила ещё больше, и вернулся он в Князево совсем без настроения, подсел к репродуктору — послушать что-нибудь о Сталинграде.

Побывав на молебне и отстояв обедню, Акуля же вернулась из церкви просветлённая. «Как сто пудов с души сняла!» — радовалась она, устало опустившись на лавку. До первой звёздочки старуха ничего не ела, а вечером, похлебав чуток поспы, собралась ко всенощной. Всю ночь старуха пробыла на службе и по окончании праздничной обедни еле-еле дотащилась до дому. Порог поутру переступила и нашла в себе силы улыбнуться:

— Руби, Надёжка, последнюю курицу. Праздник сегодня! Хоть по-настоящему разговеемся!

Когда сноха ошипала курицу, чуток вздремнувшая Акуля разрубила синюю тушку пополам: из одной половинки надумала сварить суп, а вторую решила заморозить, приберечь на будущие времена, но и этим все остались довольны: как-никак — скоромного на праздник отведали. Когда ещё доведётся? Это летом, пока Григорий пас стадо, была благодать, молоком спасались. Иной раз парочку яичек кто-нибудь принесёт или кусочек хлебца ребятам. Денег Григорий ни с кого не брал, но от горшка молока как откажешься? Да и невелик убыток тому, кто корову держит, а у Савиных худобно, всё лето молоко не переводилось, даже у Веры не брали. Но вот уже два месяца прошло, как поставили скот во дворы, а Григорий от безделья пристрастился слушать радио. Он подробно знал, какая каша заварилась под Сталинградом, экую силу на Волге остановили, и это, догадывался, не могло не повлиять на окончательный исход войны. Теперь-то уж точно ей конец придёт, вот-вот все вздохнут, а то уж и сил-то жить не осталось.

Слушая на второй день Рождества радостные сообщения, Григорий хотел поделиться с Акулей и Надёжкой, вызвать их на разговор, но ничего у него не получилось: сноха отмолчалась, а Акуля принялась ворчать:

— Слушай больше сатанинские слова! Ещё не то наговорят. Не помнишь разве, как в прошлую зиму трепались, что с германцем разделались! А теперь снова. Это сколько же они так говорить-то будут? До Страшного суда или пораней перестанут!

Григорий начал нетерпеливо ходить по избе, пытаясь разъяснить жене ситуацию, но та и слушать не стала:

— Говори, не говори, а только тогда поверю, что германца одолели, когда Павел вернётся. Вот он-то расскажет, а без него веры никому нету.

— Мамань, разве будут по радио врать, — осторожно сказала Надёжка. — Это дело государственное, тут обмана быть не может.

— Государственное! Колхоз тоже не частный шинок, а что-то тебе против летошнего года раз в пять менее зерна-то дали!

— Не мне одной — всем так. Война!

— Война-то война, а для кого она мать родна. Небось Фокин не переживает, сколько его сноха за год заработала. Ей бы лишь в колхозе числиться. Чего им не жить, когда он на днях вторую корову завёл! Вот она, война-то... А другие, такие, как Зинка-почтальонка, к примеру, не знают, чего детишкам в рот сунуть. Их у неё пятеро, а муж-то второй год, как погиб!

— Нашла о ком говорить! — встрял Григорий. — Она ещё десяток нагуляет!

— Это для тебя нагулянные, а для неё все свои, и каждого накормить надо.

— Хват-баба, не пропадёт... Говорят, уж пол-Рубки свела. Одна слободы дровами завалила. Всем нашим бабам пример подала! — Григорий будто ненароком взглянул на сноху. — Нашей Надёхе тоже надо сани готовить... Правильно я говорю?

Надёжка хотела промолчать, но не сдержалась:

— Нужно будет, и пойду! От других не отстану.

— Во-во — правильно, дочка, думаешь, — поддержал Григорий. — Время-то не тяни, не жди, пока в слободах нахватаются. Сейчас самое время, зима-то нешуточная стоит! Ты прямо сейчас сходи к Зинке, не жди, что кто-то о твоих детях позаботится!

— Сейчас уж чего в темноте спотыкаться, — отговорила Надёжка. — Завтра днём поговорю.

— Увидишь её! Днём-то она, поди, отсыпается.

Хотя Григорий с Акулей настаивали, но у Надёжки к почтальонке душа не лежала. Она так и не стала своей за те пять лет, что прожила в Князеве, переселившись с семьёй откуда-то из-под Пензы. Особенно Зина заставила о себе говорить в последние полгода, хотя разговоры начались ещё весной, когда почтальонка вдруг стала в животе толстеть. Хотя прямо ничего не говорили, зато за глаза пересудов хватало: кто стыдил, кто подсмеивался... И нехорошо смеялись, в пору бы побить бабу, да только мужа нет, а поднимать руку на чужого человека кому захочется? Первое время Зина терпела, а потом из почтальонки ушла. Боялась порядком прой-

ти. Пришлось Олегу Никодимовичу за почту браться. Зина-то каждый день носила, а он — раз в неделю, да и то не каждую. В иной случай и секретаршу свою отправит по дворам бегать. Когда в конце августа Зина родила мальчика, то старухи сразу вспомнили прошлую зиму, когда через Князево шли войска и квартировались по избам, и поспешили новорождённому прозвище приклеить: Военный.

— Накоси, милая, отнеси Военному сухарик. Побалуй ангельскую душку! — говорила иная слишком сердобольная старуха где-нибудь на людях.

Первое время Зина переживала, краснела, а потом привыкла. Теперь что делала так, а что и не так — всё валила на своего Военного. Он теперь был у неё за всё ответчик. Когда в лес первой из села стала ходить, то никакой Фокин ей не страшен. Мол, для живой души старается! Что тут скажешь!

Надёжка пошла к Зине на следующий день, после работы. В избу вошла, а в ней моргасочка чуть-чуть горит и младенец в люльке тихо плачет, видно, из сил выбился. Пригляделась, ребят на печке заметила: смотрят испуганно и друг к дружке жмутся.

— Где мамка-то? — спросила у старшего, а тот молча показал в кухню. — Зина, ты где?

— Кто там? — отозвалась хозяйка. Выглянув, она увидела Надёжку. — А я и не слышу, как ты вошла-то... Военный вон надрывается, а мне картошку тереть надо. Её давно надо в овраг выкинуть, а я хочу блинов ребятам напечь. Со вчерашнего вечера ничего не ели... Чего пришла-то?

Надёжке сделалось стыдно. Не зная, что сказать, она прислонилась к перегородке, пятерней сжала лоб, словно у неё вдруг разболелась голова.

— Чего молчишь-то? — вздохнула Зина. — Или случилось что? Так сразу говори!

— Да вот пришла попроситься, чтобы вместе ходить... Ты, говорят, в слободы дрова возишь.

— А тебе кто не велит?! Запрягайся в сани — и снега месить! Или страшно одной? А? Так это оттого, что голода пока не знала. Он как прижмёт, то о всяком страхе забудешь, ползком будешь ползти, лишь бы ведёрко картошки добыть... — Зина замолчала, исступленно тёрла и тёрла полугнилую картошку, не обращая внимания ни на гостью, ни на плачущего младенца.

Когда Надёжка, перестав спрашивать хозяйку, взяла из люльки мальчонку, завернула его в сухую тряпку и прижала к себе, согревая, то чуть заметная радость народилась на иссушенном Зинином лице.

— Не обидишься, если покормлю? — робко спросила Надёжка, а Зина улыбнулась:

— Покорми, коли богата. Меня-то он всю иссосал.

Надёжка села на лавку, положила младенца на руку и дала ему грудь. Губки у тяжело и часто дышавшего ребёнка обметались гнойничками, под носиком краснота, а в непокрытой головке — короста. Хотела отругать Зину, пристыдить, но не решилась, язык не повернулся.

— Ты его особо-то не балуй, а то он после мне житья не даст! — напомнила хозяйка. — Девке своей оставь.

— Помаленьку отучаю её, да и привередливая она... Твой-то ишь как вцепился!

Зина подошла к Надёжке, взяла младенца:

— Давай-ка его, а сама ступай, собирайся, если хочешь со мной идти... Сани возьми, пилу, верёвку и топор захвати — не помешает. — Когда, застегнувшись, Надёжка пошла к выходу, Зина остановила: — Чулки-то подлиней надень! По снегу ползать — радости мало.

Первым делом, вернувшись домой, Надёжка достала из печи чугунок тёплой воды, разделась до пояса и с золой вымыла грудь, которой кормила Зининою младенца. Ещё когда он сосал, в ней родилась брезгливость, а пока шла домой, то казалось, что грудь огнём горит и чешется, чешется... А вымыла и перестала чесаться, и брезгливость прошла, но когда решила перед дорогой покормить Нинушку, то вспомнила чужого ребёнка, и опять тело зачесалось. Так спокойно и не покормила. А тут ещё, узнав, что сноха собирается в лес, свёкор со свекровью засуетились, под руку говорят что нужно и не нужно, и каждый своё.

— Штаны мои надень — как на печке будешь! — пристал Григорий.

— Не слушай его, — подсказывала Акуля. — Мыслимое ли дело, чтобы баба в штанах таскалась?! На поясницу шаль повяжи! Этим и спасёшься... Долго-то не ходи. Если не получится — возвращайся. Смотри, от Зинки не отставай, а то замёрзнешь. В снег ткнёшься — и всё! Ищи тебя потом.

Пока старики готовили Надёжку, ребята насупленно молчали, а когда она собралась уходить, Бориска разревелся.

— Ты что, мой хороший! — начала успокаивать его Надёжка. — Я, бог даст, поесть что-нибудь принесу! Мнямню хочешь? — Бориска кивнул, а она улыбнулась: — Тогда и не плачь. Видишь, Сашка-то какой герой у нас!

Сашка от похвалы горделиво посмотрел на брата, но тоже скуксился.

— Не ходи, мамка, — сказал он, как приказал, готовый заплакать. — Волки загрызут, вот увидишь! Пускай дед идёт, у него мослы старые — его не тронут!

Григорий начал искать, чем бы запустить в Сашку, а Надёжка под шумок вывалилась в сени, вынесла к саням инструменты, впряглась в верёвку и от сарая сразу пошла наискось, стремясь обойти Фокиных стороной. Ко двору Зины подошла, а она уж ждёт, руки в боки:

— Пилу-то взяла?

— Как велела...

— Зря... Я тут подумала и решила двуручную прихватить: вдвоём будет спорей работать, а то одна-то смыжешь-смыжешь — все руки отмочалишь. Теперь мы горы свернём! — Чувствовалось, Зина подружилась с хорошим настроением, будто и не страдала от жизни, а цвела от неё. — Чего молчишь-то? Или недовольна чем?

— Да что говорить-то?.. Как-то не по себе.

— Фокина боишься? Так он не тронет — ещё по первому снегу ему бутылку поставила. Самогонка, правда, из гнилья, да где ныне хорошего-то вина найдёшь? Ну, пошли, что ли!

Не разговаривая, они вышли мостом за село и запетляли вдоль Максаковой лощины. Санний след хотя и занесло позёмкой, но чувствовалась твердь наезженного пути, и ноги бежали сами собой. Чем выше Надёжка поднималась из низины, тем становилось страшнее: лунная даль расширялась, бежала по холмам, и нигде ни огонька, ни дымка — дремучая тишина кругом. Только снег визжит под ногами, и казалось, этот скрипучий визг заполнил всю землю от края до края. Стараясь идти осторожно, она еле-еле попевала за Зиной, а та как заводная: только солома в худых валенках мелькает! До лесу добежали, у Надёжки и дух вон. Отдышаться бы, да Зина подгоняет, начала снег отаптывать около ясеня, шепчет:

— Давай вот этот смахнём. Стоит косо — хорошо падать будет.

Надёжка ничего не ответила, молчаливо соглашаясь, и — за пилу. То ли в горячке, то ли не заметила как, но показалось, что дерево спилили быстро, будто оно само завалилось. А как хряснулось, обе замерли, только сердце колотится — не унять. И не успели затихнуть потревоженные сучья, где-то в стороне раздаётся такой же треск падающего дерева, только глуше, и от далёкого треска Надёжке сделалось веселей, словно рядом трудился близкий человек, и вместе они делали общее дело. Чуток прислушавшись и оглядевшись, они выпилили из дерева три бревна, волоком вытащили их на опушку, потом на дорожку и уложили на сани, увязали.

— Полдела сделали, — утерлась Зина, — давай ещё одно завалим.

Спилили дерево и для Зины, размахали на части, макушку и сучья воткнули в снег и, уложив и увязав на санях брёвна, накатанной дорогой, вившейся вдоль опушки, вышли к шоссе и потащились по нему, увязая в перемётах. Едва вошли в Пушкарскую слободу, как стая псов окружила баб, чуть ли не за пятки хватают.

— Счас я вас... — Надёжка схватила топор и замахнулась на них, но, отскочив, те изошли хрипотой и кинулись в новую атаку.

— Не обращай на них внимания, — сказала Зина, — так они быстрее отстанут... У них, окаянных, свадьбы сейчас... И война им нипочём!

Собаки и правда скоро отстали, и они прошли всю Пушкарскую слободу молча. Только когда дотащились до базарной площади и дорога пошла под уклон, к Проне, Зина предупредила:

— На раскатах не зевай, а то потом собирай брёвна в снегу, куёхтайся с ними.

До реки через Затинную слободу сани будто сами бежали — Надёжка едва поспевала за ними, когда же перед мостом снова по-настоящему впряглась, то и усталости будто не чувствовала. А как от моста поднялись чуток, то новая слобода началась — Нижняя. Вошли в неё, а что дальше делать — Надёжка не знает. Спросить бы у Зины, но та, как загнанная лошадь, дышит с хрипотой и пар изо рта струёй бьёт... За церковь свернули в проулок, выехали на соседнюю улицу, и Зина остановилась у темнеющей окнами избы, перевела дыхание.

— Здесь старик одинокий живёт... Я уж как-то возила ему дровишек... Дай-ка ещё спрошу, может, возьмёт. — Зина постучала в окно и, пока дожидалась ответа, сказала Надёжке: — Ты, в случае чего, не обращай на старика внимания... Он такой, паразит, липучий...

Не открывали долго. Надёжка уж хотела сказать Зине, чтобы постучала ещё, но тут за дверью раздался глухой голос:

— Кого нелёгкая принесла?

— Дядя Серафим, это я — Зина из Князева... Дровишек с подругой привезли... Не возьмёшь?

— Пилёные?

— Нет, бревнами.

— Тогда распилите и в сарае сложите, а мне на холоду стоять неохота... И без меня управитесь.

Старик так и не вышел на улицу, но Зина знала, что надо делать... Они распилили брёвна, перекололи кругляши и сло-

жили в поленницу: две пилы в длину, одна в высоту и полпи-
лы каждое полено. Если так сложить, то будет кубометр дров,
а по-местному, — рядок. Сейчас до рядка не хватало чуть-
чуть.

— Знать бы — лишнее брёвнышко прихватили! — вздох-
нула Надёжка, но Зина не отозвалась.

Они ещё чуток помолчали, отдыхая и приходя в себя, и
Зина стала собирать инструменты, увязала их на санях, что-
бы не сползали. Надёжка хотела спросить о расчёте за дрова,
о том, когда старик будет расплачиваться, но не спросила.
Только когда уж подошли к Проне, притворно спохватилась:

— Ой, а что же твой Серафим не заплатил-то?

Зина неожиданно рассмеялась:

— Больно ты, девка, скорая... Думаешь, всё так просто? За
ведро гнилья-то знаешь как наломаешься? И это ещё ничего
бы. А то в следующий раз придём, а дровишек-то в рядке
убавится. Охапки две-три хозяин приберёт, а потом доказы-
вай... А доказывать будешь, так и вовсе пошлёт куда подаль-
ше. Не мы одни такие хваткие. Считай, пол-Князева дрова
возит, да ещё в других местах не спят. Так что... — Зина не
договорила, а Надёжка больше ничего и спрашивать не ста-
ла. Только перед самым Князевом остановилась, шепнула:

— Зин, я чего придумала-то?..

— Что такое?!

— В следующий раз-то так подгадаем, чтобы сразу рядок
привезти, даже с гаком! Старый рядок доложим, новый по-
ставим, чтобы за два рядка получить!

— Так-то бы хорошо, да разве рядок допрёшь, пусть и вдво-
ём? Третью часть-то тянешь — сил нету, а то... — засомнева-
лась Зина.

— А куда нам спешить... Ночь-то большая, мы потихо-
нечку да не торопясь, зато через раз будем по ведру домой
привозить... Поди плохо! — Надёжка говорила и говорила, а
Зина будто и не слушала. Вскоре она замолчала и поймала
себя на мысли, что говорила для себя, а не для Зины: успоко-
ить хотела, да только покоя как раз на душе и не хватало, и
чем ближе было Князево, тем делалось тревожней, обида под-
ступала. Ведь её ждут с едой, а она плетётся с пустыми рука-
ми... Попробуй объясни!

Договорившись встретиться через ночь, Надёжка попрощалась с Зиной, пошла к себе и увидела в замёрзших окнах
едва заметный свет... Пока убирала сани и инструмент, из
избы вышел Григорий, стал помогать. Закрыв сарай, он спро-
сил, обжимая на животе телогрейку:

— Картофь привезла?

Надёжка ничего не ответила, пошла в избу, а свёкор в сенях спросил ещё раз:

— Что молчишь-то? Картофь, спрашиваю, привезла, ай нет?!

— В другой раз обещали заплатить, — уже в избе тихо ответила она, а Григорий повысил голос:

— Как это в другой раз? Ты хвостом-то не верти, договаривай!

— Не кричи — ребят разбудишь! — подала из-за перегородки голос Акуля. — Аль по-хорошему спросить не можешь! Надьк, Расскажи всё по порядку...

Она рассказала, но, похоже, не особо поверили ей... Пока рассказывала, присевши на приступку, потихоньку отогревалась и не могла отогреться... Даже больше. Показалось, что там, в лесу и на заснеженном большаке, было теплее, душу грело что-то необъяснимое, а тут, в избе, на сердце лежал холод, и будто огнём горели одеревеневшие на морозе ноги. Пока она снимала мокрые обмотки и лапти, Акуля легла досыпать, а Григорий залез на печь и оттуда наблюдал за снохой. Надёжке хотелось есть, но не нашлось сил без приглашения заглянуть в печь или поискать что-нибудь в кухне на лавке. Она так и легла голодной, только напилась холодной воды и никак не могла отогреться. До самого рассвета, когда нужно идти на работу, ей снился свадебный стол и Павел, кормивший из своих рук.

Утром есть совсем не хотелось, будто она действительно напилась во сне, и без аппетита пожевала сухую картофелину и попила чаю с заваркой из чабреца, показавшемуся горьким-прегорьким. Ни свёкор, ни свекровь не разговаривали, и это оказалось к лучшему, потому что ей тоже не хотелось с ними трепаться.

В этот день с наряда её послали на снегозадержание. Идти пришлось на самое дальнее поле, почти к Огибальне. Налазившись ночью по снегу, Надёжка сейчас шла сзади всех баб, сначала разговорчивых, но в лошине приумолкших. Только выйдя наверх, к водоразделу, они повеселели и, прыгая с комлыжки на комлыжку, подшучивали над Надёжкой. Но той сегодня было не до шуток: обмотки к утру высохнуть не успели и теперь холодили ноги, озноб растекался по всему телу. Да и спать хотелось... Всё-таки они успели до темноты разрисовать поле извилистыми снежными валами, и к вечеру приумолкли самые бойкие говоруньи. В село возвращались молча. Перед крайними домами их догнал Фокин, и какая-то из баб попыталась подъехать с ним, но тот подстегнул лошадь и крикнул:

— Куда, куда, толстопятая!

Поравнявшись с Надёжкой, усмешливо посмотрел на неё, и в его глазах горела радость, будто он знал что-то весёлое и забавное, но до поры до времени не говорил об этом и теперь радовался имеющейся тайне.

— Эй, бабы, догоняй! — крикнул он, проехав вперёд, и кое-кто хотел догнать, но Фокин задиристо свистнул и пустил мерина вскачь.

Фокин укатил, но Надёжка успела запомнить его насмешливое выражение. И в этот вечер, и наутро ей постоянно казалось, что Фокин, ехидно шурясь, где-то рядом, преследует её, хотя что ему надо, она не знала и не могла предположить, что вражда Фокина с Григорием может как-то отразиться на ней.

Прошло два дня, как Надёжка первый раз ходила с Зиной. В ночь надо вновь собираться, хотя и не было особого желания. Она, наверное, и не пошла бы, но, раз обещала, надо. После работы зашла к Зине, напомнила ей и пошла собираться. Старики ни о чём не расспрашивали, никак и ничем не помогли. Только Сашка с Бориской вертелись рядом: Сашка помогал завязывать на лаптях верёвки, а Бориска робко заглядывал ей в глаза и недоверчиво спрашивал: «Мнямня?» От участия детей, от их неуклюжей, но приятной помощи хотелось плакать. Плакать хотелось и от молчания стариков, говоривших своим насупленным видом о подозрении, словно она не в лес собиралась, а на гулянку. Надёжка поняла их мысли, но никак и ничем не выдала себя, только когда собралась уходить, так сказала Сашке, словно Григорий с Акулей были далеко и не могли услышать:

— Вы уж бабушку с дедушкой слушайте, они плохенькие — им помогать надо!

Григорий от её слов закричал, заворочался на печи, но ничего не ответил, а едва сноха вышла из избы, следом выкатился в сени и захлопнул за нею дверь. Мол, на тебе! Надёжка постояла на крыльце, послушала, как свёкор вернулся в избу, зачем-то толкнула запертую дверь и пошла в сарай, вывезла сани, взяла пилу, топор, верёвку и пошла к Зине. К дому подошла, а та уж у крыльца стоит:

— Что так долго?

— Ребята раскапризничались.

— Ладно, потопали...

За село вышли, а в поле позёмка шуршит по-змеиному, вокруг ног кольцами вьётся. Но такая погодка в радость. Самая подходящая погодка. Пока шли через перемёты, пилили ясени и укладывали брёвна на сани, Надёжке казалось, что кто-то наблюдает за ними, и она оглядывалась, смотрела

в темноту, но ничего не замечала, а только выбрались на шоссе, как увидела догонявшую лошадь... Лошадь уже рядом, и Фокин с саней слезает...

— Здорово поживали! — неожиданно громко раздался его голос, а они молчат, не знают, что сказать.

Хмыкнув, Фокин подошёл к Надёжкиным саням, оглядел брёвна, ощупал их, провёл рукой по срезам. Молчком выдернул топор, рассёк веревки и спихнул брёвна в снег. Надёжка замерла, а Зина, охнув, подбежала к леснику, оттолкнула от саней, заголосила:

— Ты что же, хрен старый, делаешь-то? Рехнулся, что ли?!

— Помалкивай, девка, — целей будешь!

— Ты кто такой, чтобы молчать?

— Так-то?! — Фокин поднял валявшийся топор, подошёл к Зининым саням и у неё порубил веревки, раскатал по снегу брёвна и вернулся к своим саням: — Больно разговорчивые стали! Чтобы на глаза мне больше не попадались, сучки военные! Ишь, моду взяли! — Фокин хрястнулся в кошку, стеганул вожжами лошадь, а Зина принялась ругаться вдогонку. Ругалась так ловко, что Надёжка рассмеялась.

— Что ты грохочешь, когда плакать надо! — цыкнула Зина.

— Да ты любого мужика руганью перешибёшь! Где и научилась-то?

— Невелика премудрость — матерком ругаться... Что с дровами делать будем?

— Не знаю...

— А кто знать-то будет? Начинай верёвки распутывать, может, из обрубков свяжем кое-что.

— А Фокина-то разве не боишься? — удивилась Надёжка.

— Пускай он страшится — он мою самогонку жрал, а не я его!

— Так мы дрова в слободу повезём?

— А то куда же! Здесь бросать?

Уверенность Зины передалась Надёжке, у неё прошёл испуг от встречи с Фокиным... Увидев его, она сперва горестно решила, что всё, отъездила в лес, и подумала, что опять придётся оправдываться перед свёкром, но теперь верилось, что всё обойдётся, довезут они сегодня дрова до места, разживутся чем-нито, порадуют детишек и стариков.

Лыковые веревки оказались слишком грубыми, чтобы из них можно было связать что-нибудь подходящее, но два недлинных конца всё-таки скрутили: всё лучше, чем ничего. До Пушкарской слободы добрались, а в слободе будто всё вымерло, даже собак не слышать, и чудится, что за каждым домом кто-то прячется. До базара ехали, боясь словечко об-

ронить. А как покатались сани к Проне, то и на душе легче сделалось, чуток потерпеть осталось — за мостом уж Нижняя слобода чернеет порядками и один впереди некрутой подъём. Только бы сил хватило от моста выкарабкаться... Чуть ли не ползком ползли и кости, казалось, под верёвкой трещали. Остановились дух перевести, а, глядь, впереди лошадь чернеет и кто-то навстречу от саней идёт. Поближе подошёл — Фокин! Остановился рядом.

— Я вам что говорил?! — И к саням, развернул, толкнул назад к Проне. Сани на мост не попали: одни скатились на лёд, другие около моста нырнули в кювет, перевернулись, а бревна вразбег...

— Надька, помоги! — прохрипела Зина и кинулась на Фокина, сшибла с ног. — Потащили, хватай его за ноги!

Куда и зачем тащили лесника, Надёжке было невдомёк, но раз подруга что-то надумала — надо помочь, нельзя одну оставлять... А Зина что-то бормочет, и не понять: то ли ругается, то ли подбадривает. У моста выволокли брыкавшегося Фокина на лёд, а лесник, похоже, и не упирается особенно, будто и тут решил поиздеваться над бабами. И только когда подтащили к чернеющей проруби, перевернулся ногами вперед.

— Дай ему, Надьк, пинка, чтобы не кочевряжился! — попросила Зина и страшно заругалась, и толкала Фокина коленями, локтями, вцепилась в воротник полушубка, и Фокин неожиданно выскользнул из него и этим ещё больше озлобил Зину, а Надёжка... Надёжка всё более не понимала происходившее, и только когда лесник упёрся ногами в край проруби, то сердце у неё, казалось, оборвалось... Фокин словно почувствовал, что творится у неё на душе, просипел:

— Надя, не губи, прости — всю жизнь за тебя буду Богу молиться...

Не дожидаясь от них пощады, воспользовавшись коротким замешательством, Фокин вывернулся, подножкой сбил Зину на снег и на четвереньках пополз от проруби, потом вскочил на ноги, подхватил валявшийся полушубок, чуть дальше поднял шапку и припустился к лошади.

Бабы догонять его не пытались, обе сидели на снегу и не могли отдышаться. Когда чуток успокоились, Надёжка спросила:

— И вправду, что ли, хотела утопить его?

Зина ответила не сразу, повздыхав, призналась:

— Надо бы этого гада под лёд пустить, да... — Она не договорила, поднялась на ноги. — Пошли, девка, брёвна собирать! Ночь у нас с тобой сегодня очень весёлая, кому рассказать — не поверят!

Они вытащили наверх брёвна, сани; у Надёжкиных саней один копыл оказался сломанным, она подбила его топором, но полоз всё же шатался.

— Не горюй, — успокоила Зина, — впереди дорога ровная, доберёмся, осталось немного.

Как и в прошлый раз, Серафим долго не открывал, а скрипнув дверью, недовольно проворчал, выглянув из черноты сеней:

— Что зря тревожите? Распилите сначала, тогда и стучите! — и хлопнул дверью.

— Не лучше Фокина. Такой же гад! — прошептала Зина. Прошептала зло, будто Серафим чем-то обидел её

Распилив брёвна и ощупкой сложив дрова в сарае, Зина и Надёжка повеселели: и прежний рядок доложили, и новый поставили — не зря столько мучений приняли. Зина сходила за хозяином, тот опять долго не выходил, а когда сошёл с крыльца, то и в темноте по согнутой спине и привычной шее было видно, что он чем-то недоволен. Сухой и невысокий, а ноги в широких валенках переставлял устало, будто пришёл откуда-то издалека. Он четвертями измерил длину, прислонился животом к дровам, измеряя высоту поленницы, сказал негромко:

— Надясь по дворам милиционер ходил, вынюхивал что-то... Так что теперь, если доведётся, в лесу пилите, а здесь нечего собак дразнить!

— Как же их доведёшь-то тогда?! — удивилась Надёжка. — Разбегутся сани на раскате, собирай потом поленья в снегу?!

Старик ничего не ответил. Ещё раз смерил рядки и позвал за собой:

— Пойдёмте в избу. — Но в сенях остановил: — Пойдите здесь...

На этот раз вышел быстро. Высыпал картошку из вёдер в подставленные мешки: сперва Зине, потом Надёжке. Зина начала картошку ощупывать. Глядя на неё, и Надёжка сунулась в мешок. Картошка была не мороженой, твёрдой и тёплой. Щупая её, она почувствовала, как от радости дрожат пальцы. Вынесла картошку к саням, аккуратно уложила и накрыла хохлом от мешка. Зина в сенях задержалась и, отнекиваясь, о чём-то говорила с Серафимом. Наконец вышла к Надёжке, сказала, словно извинилась:

— Ты иди, догоню...

— Что случилось-то?

— Иди, иди! — раздражённо повторила Зина. — Сказала, догоню!

Дверь захлопнулась, Надёжка осталась одна. Постояла-постояла перед крыльцом и тихонько пошла к мосту. За

церковью остановилась, оглянулась. Нет, не видно Зины. За мостом решила подождать её. Подогнала сани к чьему-то амбару, села на них, поправила мешок, а рука сама к картошке тянется; и радость на душе растёт, и домой сильнее хочется... Подождала — нет подруги. Только собралась идти дальше, слышит, кто-то снегом скрипит. Зашла за амбар, пригляделась: вроде человек и сани за собой тянет. Так и не узнала прошедшую мимо бабу. Когда та прошла мимо, вышла на дорогу, а от Прони новый человек поднимается — Надёжка опять к амбару. И опять баба, и походка знакомая.

— Вера? — от амбара позвала Надёжка, а баба остановилась, замерла.

— Надёжк, ты никак? Ох, напугала! — раздался знакомый голос.

— Ты-то что тут делаешь?! — удивилась и обрадовалась Надёжка.

— Дровишки в слободу возила... А ты как здесь очутилась, кого ждёшь-то?

— Тоже дрова возила. Мы с Зиной Филимоновой вдвоём... Должна подойти сейчас.

— Дождешься её! Жди, пока она всех слободских стариков пройдёт!

— Зачем ты так...

— А что, разве неправду говорю? Нашла с кем связаться! Будто у тебя сестры нету!

— Да откуда же я знала, что ты тоже в лес ходишь? Ты ничего и не говорила.

— Теперь знай. Пошли домой!

— Верок, я обещала подождать её. Нехорошо получится.

— Ну, смотри, — осерчала сестра, — ты не ребёнок, чтобы учить. Делай, что хочешь.

Вера ушла, а она только теперь поняла, для чего осталась Зина у Серафима, и пожалела, что не пошла с сестрой. Действительно, сколько можно ждать эту Зину! Надёжка постояла ещё чуток и поплелась в Князево. К базару подошла, и вдруг мысль стрельнула: «Я же картошку поморожу!» Быстро скинула фуфайку, сняла кофту и укрыла ею мешок. Собралась идти дальше, слышит — кто-то из-под горы поднимается. К забору на всякий случай прижалась, а как человек поравнялся, то и гадать перестала: «Конечно, Зина!» К ней навстречу заторопилась, а та в сторону от неё.

— Зина, это я!

— Ой, господи, всё ждешь?!

— Сама же сказала, что догонишь.

— Да мало ли, что скажу... Думала, догадаешься, а ты как девчонка.

Надёжка немного помолчала и осуждающе спросила:

— Чего в этом Серафиме нашла? Старый ведь он.

— Думаешь, под таким крючком лежать охота?! Он ведь, паразит, знает, что у меня детишек куча и что им жрать нечего, вот и пользуется этим!

— Всё равно нехорошо...

— Ха! Тебе можно говорить, — встрепенулась Зина, — у тебя мужик живой, а моего где искать? Где, спрашиваю?! Молчишь... Вам всем чего не говорить... Тут наемни Олег Никодимыч опять вызвал в сельсовет. Спрашивает: «Будешь почту носить или нет?» — «Нет, не буду. Люди меня бояться стали, хоронятся, будто им похоронки сама выписываю!» — «Ладно, тогда иди в колхоз работать, — говорит, — нечего у Советской власти на иждивении сидеть. Если в ближайшие дни на работу не соизволишь явиться, то выселим». — «Не выселишь, я детишек государству рашу!» — «Государство о твоих детях позаботится, — страшать начал, — а на территории нашего сельсовета тебе никто не позволит вредные примеры сеять!» — Зина остановилась, ткнулась лбом Надёжке в плечо, затряслась всем телом.

— Что ты слушаешь его, — вздохнула Надёжка, — он само всю жизнь не работал: то в комбед писарем был, то, как колхоз открыли, в хате-лаборатории сидел, а теперь вот в сельсовет перебрался... Кого бы дельного послушать, прости господи.

Мало-помалу Зина успокоилась, зато у Надёжки посмурнело на душе. Почему-то вспомнилось, как по первому снегу возила два мешка картошки в Выселки. Весенний долг возвращала. Как едва спаслась от одноглазого Алексея... Сначала-то всё хорошо шло: он сам картошку в подпол высыпал, предложил супчика горяченького похлебать и вдруг, ни слова не говоря, подхватил на руки и на кровать потащил, целоваться полез, а Надёжка — как и сообразила-то! — хватя зубами за ухо! Чуть кровью не захлебнулась. С мужика сразу вся прыть слетела. За ухо схватился, орёт благим матом, а она быстрее в сенцы, оттуда на улицу, подхватила сани и бежать без оглядки. Потом всю дорогу плевалась и рот от крови отмывала. К дому стала подходить, хватилась — мешков нет. У одноглазого второпях забыла! В избу тихонько вошла, а свёкор чуть ли не обнюхивает: «Чтой-то у тебя, девка, весь плат-то в крови? Ай подралась с кем?»

И правда, полушалок в крови оказался... Еле отстирала, а старикам сказала, что по дороге упала и носом стукнулась...

За Пушкарской слободой Зина неожиданно рассмеялась.
— Что с тобой? — удивилась Надёжка, а подруга уж хохотать начала. — Говори же, говори!

— Ох, жизнь, — успокаиваясь, вздохнула Зина. — Знаешь, что крючок-то сказал, когда уходила? Не знаешь, конечно. Так слушай: «За доброту твою, — говорит, — даю тебе дополнительно полведра картошки. Самую крупную отобрал... — И добавляет: — Передай своей товарке, — тебе, значит, — что, если она у меня вот так-то останется, — целого ведра не пожалею!» — Зина тоненько засмеялась, а Надёжка стала плевать:

— И не говори больше о нём, не напоминай, а то стошнит... Приду, деду расскажу — он эту Иуду сегодня же ночью сожжёт, из огня не даст выскочить!

За разговорами бабы не заметили, как до Князева добежали. Через мост проскочили и начали прощаться, неожиданно для самих себя крепко обнялись, а Зина опять прослезилась. Надёжка же молчит — душа заткнулась от чужих слёз, и не хватило сил говорить ненужные слова, а нужные не находились. Расстались, словно сёстры, но только разошлись, и сразу она забыла сегодняшнюю нескончаемую ночь, захотелось быстрее домой, опустить мешок с картошкой посреди избы: нате, мол, ешьте! Не зря ваша сноха столько мучений приняла!

Как и в прошлый раз, она ожидала увидеть в избе слабый свет, заранее удостовериться, что её ждут, думают о ней... Но нет: изба угрюмо чернела, и Надёжке уж не хотелось подходить к ней, стучаться и ждать, когда откроют. Трижды она стучала в оконную раму, прежде чем услышала хлопнувшую в сенях дверь.

— Кто там? — еле слышно спросила Акуля и, когда сноха отозвалась, громыхнула задвижкой, распахнула дверь: — Опять никак пустая?!

После обжегшего вопроса она сразу хотела отдать картошку свекрови, чтобы та убедилась, что не зря их сноха пропала, но не отдала мешок, сама отнесла и положила посреди избы и, как гостя, села на лавку в красном углу. Следом в избу вернулась Акуля, и Григорий спросил у неё с печки:

— Принесла она чего или нет?

— У неё спроси! Ей со мной зазорно разговаривать!

— Надька, что молчишь-то? — спросил Григорий.

— Разве в словах дело... Зажгите свет — сами увидите. Что попусту языком трепать.

— Сейчас так зажгу, что три дня сиделку в воде отмачивать будешь! Ты спичек-то привезла, чтобы свет палить?!

— С вами не соскучишься... Будто мне самой охота попусту ночами не спать.

— Так бы сразу и сказала, — смягчился Григорий и начал слезать с печи. Потом зашуршал спичками и, боясь сломать тоненькую половинку, осторожно чиркнул по коробку, зажёл моргаску и, слюнявя обожжённый палец, подошёл к мешку, тяжело опустился на колени и зацепил пригоршней несколько картофелин. — Надёха, мать твою в кривую ногу, настоящая картошь!.. И крупная, зараза! Мать, иди сюда, посмотри — картошь, натуральная картошь! Ах, Надёха, ах, молодец, дай-ка я тебя расцелую! — Григорий хотел обнять сноху, но Акуля пуганула:

— Куда лезешь, старый, не видишь, на ней лица нет, не продохнёт девка!

— А ты какого... стоишь?! Накорми её! Или сама не догадаешься — учить надо!

Не дожидаясь жены, Григорий пошёл к печке, взял ухват, отбросил заслонку и начал доставать из печки чугуны, но Акуле его рвение показалось оскорбительным.

— И-эх, нос-то суёшь в бабьи дела. Цепляешься за что не надо! — насмешливо отчитала она Григория.

Тогда он полез на печку, нашёл опорки и понёс снохе.

— Вот, накось, Надёха, — опустился он на колени и стал помогать развязывать веревки и снимать лапти. Её это смутило.

— Папань, зачем... Я сама! — отстранилась она, а пока разувалась, Акуля успела налить миску чуть тёплой поспы.

Но не еда сейчас грела Надёжку, а неожиданное внимание стариков. Внимание это удивило и обрадовало. Сперва ей показалось, что они своим ухаживанием смеются над ней, но, приглядевшись, заметила, что всё делается искренне, старательно, наперегонки друг перед дружкой, словно добытое ею ведро картошки всколыхнуло в стариках что-то такое, отчего нельзя вести себя по-иному... Едва она поела и взглянула к Нинушке в люльку, Григорий подхватил сноху под руки и повёл к кровати:

— Спи ложись, отдыхай, а за девкой мы последуем. — И сразу напустился на Акулю: — А ты чего рот раззявила? Печь затапливай и картошь вари!

— Рано ещё...

— Затапливай, говорят! — и Надёжке: — А ты, дочка, спи спокойно... На работу разбуду, спи.

Надёжке от такого внимания спать расхотелось. «Эх, сейчас бы письмо Павлу написать, рассказать ему обо всём...» И вслед за этой отчетливой мыслью она почувствовала, что

проваливается в тёмную, мягкую яму... Сон сковывал тело, а далекая, едва различимая мысль билась и билась: «Завтра напишу, обязательно-обязательно...»

Проснулась она от яркого солнца, светившего в боковое, морозное окно, и не поняла сразу, где находится, что с нею? Спят, что ли, все? Тишина-то какая! Надёжка заворочалась, поднимаясь с постели, потянулась до ломоты, тряхнула головой, и показалось ей, будто в эту минуту вступила в новую, неведомую жизнь, будто всё, что произошло до сегодняшнего дня, давно выпало из памяти, а новая жизнь — светлая и радостная — только-только началась. Теперь живи и не тужи!

— Беги маманьку-то обними, — услышала она шёпот Григория и тотчас увидела слезавшего с печки Сашку. Только успела накрыть голые плечи, а сын уж рядом, кинулся на шею — не отцепишь.

— Сашка, Санька! Ты что же делаешь-то? Что с тобой, мой хороший? — притворно запритчала Надёжка, но причитала, радуясь в душе буйности сына, радовало и его внимание, скорее всего, не самим придуманное.

Наблюдая, как они возятся, Григорий радовался вместе с ними, радовался и Бориска, прыгавший на дедовых коленках. Когда Сашка наигрался, Надёжка глянула на свёкра, и он сразу откинулся назад, будто и не смотрел только что на резвящихся сноху и внука.

— Папань, сейчас утро или день? — спросила она озабоченно.

— Да уж обедать пора... — затаившись, отозвался Григорий.

— Как обедать?! — Будто ошпаренная, Надёжка соскочила с кровати. — Чего смеёшься-то?!

А Григорий и вправду улыбнулся.

— Всё, девка, пропала теперь — выгонят из колхоза за неявку на работу! Как пить дать выгонят, — зубоскалил Григорий и чуток посерьёзней добавил: — Это бабка во всём виновата... Хотел тебя утром разбудить, да она не позволила. «Не слышишь разве, как девка во сне мается!» — говорит. И то правда, ты всё утро вскрикивала, убежала от кого-то, что-то про Фокина болтала. Может, он обидел чем, так скажи, сейчас пойду к нему, кишки на кулак накручу!

— Нет же, нет, — поспешно отозвалась Надёжка и стала одеваться. — Ничего такого не было.

— А то смотри, ежели что! Иди, садись есть. Уж больно картошь хороша, рассыпучая!

— На работу надо бежать.

— И не думай. Зубарев первый прицепится: что да почему? Сегодня совсем не ходи. Заболела, мол, и всё! Никто ничего не скажет, а так только начальство баламутить.

Управившись с Нинушкой и убрав кровать, Надёжка пошла в кухню, достала из печи противень печёной картошки и долго ела, посыпая картошку крупной солью. (Григорий на днях нашёл во дворе коровий лизунец, помыл его, раскрошил, истолок в ступе и последние три дня соль ели досыта, сколько хотелось.) Надёжка подбирала на столе крошки, когда пришла Вера и, внимательно посмотрев, спросила:

— Чего на работу не вышла? Не заболела ли случаем?

— Животом девка мается... — за сноху ответил Григорий, но Сашка его продал:

— Mamka проспала! — известил он. — Ночью за картошкой ходила. Полное ведро принесла! — и прищёлкнул языком.

Вера удивлённо взглянула на сестру:

— На самом деле проспала?

— На самом деле. Так и есть.

— А я еле обеда дождалась, вся испереживалась: вдруг, думаю, случилось что! До дому-то как добралась? Зину ненаглядную долго дождалась?

— Да, считай, и не ждала... А потом наперегонки быстро добежали.

— На работу-то сегодня пойдёшь?

— Да вон, — показала Надёжка глазами на печку, — не пускает.

— И не пушу, — подтвердил Григорий. — Коли сразу опоздала, то и нечего срамиться!

— И правильно, — согласилась Вера и повернулась к выходу. А когда Надёжка вышла проводить, сообщила сестре новость: — Люба-то завтра уезжать собралась! Как ни уговаривала — она ни в какую. Приди вечерком, может, тебя послушается.

— Приду, хотя чего мы её держим. Я на её месте давно бы к мужу ускакала. А то одного оставила, и вроде так и надо. У меня бы терпения не хватило тут сидеть!

Вера ушла, а она до самого вечера ходила из угла в угол и не знала, куда себя деть. Была бы Акуля, то и забот никаких, а она, как сказал Григорий, ещё утром, воспользовавшись тем, что сноха не вышла на работу, заторопилась в Высокое к сестре. А без свекрови Надёжка чувствовала себя неуютно, чего-то не хватало, и чтобы она ни принималась делать, казалось, всё делает не так, хотя и дел-то особенных не намечалось. Какие зимой дела, тем более что во дворе ни скотины

нет, ни птицы... Вспомнила о письме Павлу и решила сейчас же сесть за стол. Писала долго, радостно, хотя письмо оказалось неурочным. А вот захотела, и всё тут! Закончив с письмом, решила сварить к ужину картошку, поискала в кухне, но не нашла.

— Папань, куда вы картошку-то подевали? — спросила у свёкра.

— Ищи вчерашний день, — вздохнул Григорий. — Сама же в обед последнюю доела!

У Надёжки от такого известия всё оборвалось. Это что же получается?! Она отдала столько сил, переживаний, а то, что добыла с таким трудом, слизнули за один день! Хорошо, ничего не скажешь... В этот момент Надёжка возненавидела Григория, вспомнив, как он подгонял Акулю топить печь, и подумала неприязненно: «Лишь бы брюхо набить, а там хоть трава не расти!» Вслух же, конечно, ничего не сказала и единственное, что немного грело, это то, что ребята вволю наелись! С этими грустными мыслями она пошла к Вере, хотя идти не хотелось... И уже по дороге вспомнила, что давно не появлялась у сестры, даже и не думала в последний месяц-два, как она живёт, есть ли письма от Алексея, а ведь каждый день видятся на наряде, а всё вскользь, да и не разговоришься очень-то на людях.

В избу к Вере вошла, поздоровалась и не знает, где притулиться. Верины девчонки с печки глазют, Любин Володька на полу с тощей кошкой играет, Галя в уголке на лавке сидит, мальчонку своего на коленях держит, а сами сестры в кухне посудой гремят, ужин собирают. Услышав Надёжку, из кухни вышла Люба, чмокнула сестру в щёку, а сама радостная, румяная, и глаза голубые даже в полумраке светятся.

— Всё, Надёк, завтра уезжаю! — радостно объявила Люба, всё равно что похвалилась. — Коля письмо на днях прислал, пишет — соскучился очень. Комнату ему обещают.

— Э-эх, девка, — вздохнула Вера, — работала бы и работала в колхозе... Вот успокоилось бы всё, встало на свои места, тогда и езжай на здоровье, а так... — Вера не договорила, а через малую паузу продолжила: — Ведь летось триста трудодней выработала! Тебя бабы-то за свою считать стали... Э-эх!

Но Люба Веру не слушала, а посматривала на раскрытый чемоданчик из красной ольховой фанеры. Он сейчас больше всего интересовал её, словно не будь его, она с места бы не тронулась. А чемоданишко хотя и мал, но и тот почти пустой: кой-чего из бельишка да детская одежонка. Но не этим была богата в последние дни Люба. Богатство её — в ожидании скорой встречи с Николаем, в готовности сломать все труд-

ности на пути к нему. Уж сколько раз представляла встречу с мужем, и всякий раз она виделась по-иному, ибо за долгие месяцы, какими разделила их война, не оказалось ни одного похорожего дня. Вместе с бабами Люба ходила на снегозадержание, вывозила на поля навоз, вместе с ними пахала на неповоротливых, упрямых быках, косила хлеба, молотила, веяла, возила зерно по осенней слякоти в Хрущёво... Все эти разные заботы сплелись в густом потоке жизни, потому что по-другому жить было нельзя, сил не хватало на какую-то другую жизнь. А в эту зиму, когда получила за триста два трудодня наволочку ржи, она почувствовала, что дальше так не может, не имеет никакого права стеснять сестру при живом муже, хотя и не знала, собираясь к нему, что её ждет. Но будет ли кусок хлеба, не будет — ей всё равно, главное, жить станет спокойно и перестанет думать, что объела кого-то.

— Завтра проводишь? — спросила Люба у Надёжки и, не дожидаясь ответа, добавила: — Я с почтовиком договорилась, обещаю подвезти.

— Проводить-то недолго, как бы на станции не застрять, — засомневалась Надёжка.

— Во-во, — поддержала Вера, — насидишься на станции, мальчишку заморозишь — вот тебе и будет Москва... Там не матушка родная ждёт! Одумайся, пока не поздно.

— Нет, нет, нет, — упрямо повторила Люба и замотала головой, — сказано же: завтра еду. И всё тут.

Спорить с ней более не стали. Невольник, как говорится, — не богомольник!

Распрошавшись с сёстрами и стёжкой выйдя на большак, Надёжка услышала догонявшую лошадь и посторонилась, уступая дорогу, и вдруг по заваленной назад дуге узнала фокинского мерина, ещё дальше полезла в снег, но лошадь рванулась в другую сторону, по целине описала дугу и выскочила впереди на большак. Надёжка еле разглядела пригнувшегося к головешкам человека... Не знала она, что Фокин увидел её раньше, и не догадывалась, что своим появлением переполошила его. Не могла она предположить, что Фокин ещё с прошлой ночи не пришёл в себя, и больше всего его мучила обида! Он, крепкий мужик, поддался двум бабам, унизил себя, просив у них пощады. А за что, собственно, просить-то? За то, что исправно несёт службу, не даром ест казённый хлеб и весь день куролесит по лесу, охраняя его?! И вслед за этими «правильными» мыслями в голову лезло совсем другое. От кого его охранять-то, когда, считай, ни одного справного мужика в селе не осталось! От баб, что ли, стеречь, от детишек? Ведь о князевских бабах весь район знает! Клима Сте-

панова, в чьём обходе они лес воруют, устали в лесничество вызывать. А у того одна отговорка: «Коли не справляюсь с охраной — увольняйте!» — «Дак ещё и под суд отдадим!» А тому хоть бы что: «Отдавайте, — говорит, — а с бабами воевать не буду!» Это Фокину хорошо: обход у него на дальних куличках — за деньги туда никого не заманишь! Вот и жил бы поживал себе спокойно, а он, дурная голова, снарядился баб гонять в чужом объезде. Что, всех перегонял или половину? Но, признаваясь самому себе, Фокин знал: не все ему бабы нужны... Ему хотелось поймать Надёжку, ославить официально на весь район, злость на ней сорвать, утереть нос соседу, пузатому борову Григорию, чтобы знал на будущее: помнит о нём Фокин и ещё не раз даст о себе знать, так прижмёт — вздохнуть сил не будет. Всю зиму Тимофей мечтал зажать соседа в кулак, а вышло чуток по-другому, отчего весь сегодняшний день просидел в лесу, а не петлял, как обычно, по стёжкам-дорожкам. Апатия навалилась. Ничего не хотелось делать. И больше того: в лесу он понял, что война быстро не закончится, ему и не хотелось, чтобы она заканчивалась, только не мешало бы увидеть Михаила, спросить у него по-отцовски о воинском житье-бытье, уму-разуму научить. Нет, Фокин не обижался на Бога и каждый вечер молился ему, милостиво определившего сына в похоронную команду. Хоронить убитых, конечно, — работа несладкая. Зато целей будешь, хотя и у них, бывает, на минах подрываются. Тут уж не угадаешь. Зато в таком деле, если быть с головой, на всю жизнь можно обеспечить. Всего полгода прошло, как Михаил после госпиталя попал в эту команду, а уж сколь посылок прислал! Первую-то Фокин когда получил, от радости заплясал. Помнится, вспорол мешковину, а из неё барахло всякое посыпалось: обмотки, ненадёванные кальсоны, прожжённая ушанка, солдатская телогрейка и несколько кисетов махорки — подарки не ахти какие, если не считать махоры, а всё равно радостно: сын прислал! Тряпье Фокин отдал Елизавете и та убрала его в чулан, а ночью Фокина словно кто надоумил... Он встал раньше Елизаветы, взял из чулана телогрейку, вспорол подкладку, а под ней — Фокин чуть не задохнулся — деньги! Бумажки и новенькие, и замусоленные, но все они казались одинаково хорошими... Ушанка тоже оказалась не пустая... Сложив деньги в толстенную пачку, Фокин хотел показать деньги жене, похвалиться, но перешил себя: телогрейку и шапку положил на место, а деньги припрятал. А посылки шли и шли. В первых Фокин находил деньги, а после стали идти и без них, и всё чаще он появлялся в отделении почты, где его уж стали узнавать... И тогда он

написал Михаилу письмо, в котором, как мог, замаскировал свои мысли, давая понять, что не надо слать посылки так часто, уж лучше одну в полгода, но как первую... Сын писал, что понял его, отца своего, понял, что перелётные птицы нечасто летают, но посылки слать продолжал, правда, теперь больше на родственников: и в Князево, и в соседние деревни.

За последнее время денег у Фокина скопилось много, и теперь, как виделось ему, надо их умело сохранить, не соваться с ними... Хотя разве удержишься! Вот не думал покупать корову, а купил, хотя уж была одна, да и кто бы отказался: всего за мешок муки досталась, но такая, что стыдно кому сказать — на санях привёз... Корове той хозяева всю солому со двора потравили, впору хоть избу раскрывать, а тут Фокин подвернулся — обещал мукой снабдить. Правда, осмотрев корову, отдал половину от обещанного, но хозяева и этому были рады: подохнет бурёнка — ничего ведь не получишь... А коровёнка-то удистой оказалась, оклемалась у Фокина, первое время хлебушкой её подкармливал, не жалел, раз такое дело, и всё удивлялся людской глупости. Ведь неужели хозяева коровы не могли додуматься до того, что, зарежь они корову, у них бы и мясо было, и на хлеб с картошкой обменяли — всю зиму бы прожили без горя. А мешок-то муки, если семья большая, за месяц разойдётся, даже и на месяц не хватит. Глядя на ожившую коровёнку, Фокин в мечтах уносился ещё дальше, даже подумывал о том, чтобы по дешёвке купить ещё одну. А что: месяц подержал, подкормил и продал на мясо, пока в инспекции не пронюхали. Деньги никогда лишними не будут. Ему уж виделась и новая изба, и двор рубленый, и кладовка каменная. А более всего хотелось вставить золотые зубы, как у первого секретаря райкома. «Только у Бирюкова всего-то два резца, на больше не наскрёб, — размышлял Фокин, — а я себе весь рот золотом отчеканю. Чтобы простому смертному, такому, к примеру, как Григорию-пузану, и взглянуть страшно было! Но сразу всего, конечно, не добьёшься, да и не стоит соваться без нужды, чтобы у людей языки от зависти не чесались». Последнее время Фокин так и делал, только вот вчера маху дал, пытаюсь поймать соседку с дровами. «Поймать-то поймал, а что толку? Себе хуже и сделал. Душу с места стронул, волнение на себя навлёк. Надёжка-то ещё ничего, не болтливая, а уж Зина... Той только палец дай — всю руку оттяпает, зараза! От них, баб этих проклятых, подалее держаться надо. Пускай, что хотят, то и вытворяют!» — Настроив себя за день такими мыслями, Фокин, встретившись вечером с Надёжкой, даже машинально свер-

нул с дороги, загнал мерина в снег, а после клял всех подряд и больше всех — Бога, некстати пославшего соседку.

Не знал Фокин, что и соседка от этой встречи впала в смятение. А как в избу вошла, Григорий перца добавил:

— Долго, кумушка, по дворам шатаешься! В лес-то собираешься? Или нам с бабкой намыливаться? Чего молчишь?

— Так сани-то сломаны... Забыла вчера сказать.

— Хватилась! Сделал я сани, пока ты дрыхла. Два копыла заменил, наклёску. Что же думаешь, только ты одна заботливая, а мы с бабкой совсем никчёмные стали?

— Чего же я без верёвки сделаю?

— Другую нашёл, не тужи попусту!

Надёжка не знала, что сказать, а Григорий, чуток помолчав, спросил, сощурившись:

— Ты или нарочно её топором иссекла? Не дури, девка, а то юбку-то задеру, новую верёвку не пожалею.

Она опустила на лавку, закрыла лицо руками, готовая разреветься, а свёкор неожиданно сделался ласковым:

— Чайку бы попила на дорожку для внутреннего согрева... Тут бабка мои штаны приготовила. Не брезгуй, стиранные они. Надевай — всё равно что на печке сидеть будешь.

И ругань свёкра, и его назойливое участие — все это одинаково раздражало и злило Надёжку. Хотелось сказать ему, упрекнуть, что на его брюхо разве навозится она картошки. Никаких сил не хватит. В нынешнее время не до жиру — быть бы живу, а у старика щёки румянцем пылают, в пору плясать... И ещё со штанами пристаёт, встал рядом:

— Вот, накось, надевай и не дури!

Спасибо Акуля заступилась.

— Что пристал-то, репей?! — оттолкнула она старика. — Чего к ней лезешь-то? Рехнулся никак! Ты где видел, чтобы баба в мужичьи штаны залезла? Затеихе своей отнеси! Той всё равно, в чём хвостом вертеть.

— Тьфу! — плюнул Григорий. — Хочешь как лучше, а они ещё кочевряжатся.

Старик полез на печь, в избе установилось неопределенное молчание, только Нинушка гугукала у ребят на кровати, и Надёжка подумала, что, быть может, не пойдёт сегодня в лес, отдышится чуток, но нет — теперь Акуля подступила:

— Не слушай его — у тебя своя голова есть. Собирайся потихоньку. Вон они, — указала на внучат, — как птенцы ненасытные, нешто легко смотреть на них... Взрослый-то потерпит без харчей, а им как объяснить. У них одно на уме: мняня!

Слова свекрови не убедили Надёжку и не поддержали. С обречённостью подневольного человека вышла на улицу, со-

брала инструмент и впряглась в сани. Когда проходила мимо Зининой избы, захотелось постучать, позвать с собой, но не было такого уговора меж ними. В эту ночь Надёжка всё делала одна: и пилила ясени одноручной пилой, выбирая какие потоньше, и выносила их к саням, и увязывала. А когда выбралась на большак, ей очень захотелось, чтобы появился Фокин, порубил верёвку, сани, раскидал брёвна, но до самой слободы так никого и не встретила. Только за Проней кто-то догнал, тоже с дровами, но, не желая быть узанным, обогнуть не стал, а чуть позже свернул на боковую улицу.

В несколько изб постучала Надёжка, но нигде ею не нуждались и говорили что-нибудь обидное, а то и вовсе не открывали и не отзывались. Хочешь не хочешь, а вспомнился Серафим, и она пожалела, что подумала о старике. Стала ругать себя. Уж лучше дрова бросить, чем к нему идти кланяться! Провались он!

Нежданная удача всё же приспела к ней в эту ночь. Она уж возвращалась, бесцельно и безразлично плетясь слободским большаком, когда увидела выросшую впереди старушечью фигурку.

— Дровишки-то продаёшь, милая? — спросила старушка.

— Рада бы, да никто не берёт...

— Вези вот в этот проулочек.

В переулке сани застряли, но Надёжка на радостях не стала с ними мучиться, а развязала верёвку и на плечах перетаскала брёвна старушке во двор, хотела распилить на поленья, но хозяйка остановила:

— Ты уж, милка, не трудись... Я не одна живу — мы со сношенькой сами потихоньку перепилим, не велики господа... Да и нельзя теперь шуметь. У нас тут наемни, не приведи господь, милиционеры поймали кого-то — тоже дрова возили... Говорят, теперь судить будут! Тебе сразу заплатить или как?

— Если хотите, могу ещё привезти дровишек — тогда уж за всё и рассчитаетесь.

— Тебя когда ждать-то?

— Через ночь, если буду жива-здоровая.

— Сама решай, тебе виднее...

Надёжке бы радоваться, но радости ничуть. Даже сегодняшняя удача не принесла душе облегчения, потому что через ночь надо опять идти в лес. Обещала! Да, обещать-то обещала, а вдруг новая облава? И на малых ребяташек власти не посмотрят... Под жужжание нерадостных мыслей Надёжка не заметила, как добралась до Князева. Она не знала, который идёт час, только по истаявшей луне и сгустившейся вдруг темноте догадалась, что рассвет близок. И сразу вспом-

нилась Люба, её сегодняшний отъезд, и сердце захолонуло от шемящей грусти, будто и сама собиралась ехать, но в последний момент кто-то решил, что она никуда не поедет. Этот «кто-то» словно знал, что судьба обрекла Надёжку на терпение. Но хорошо терпеть до твёрдого срока, назначенного самой ли, судьбою или ещё кем-то. Уж сколько таких сроков прошло: то ждала зимы сорок первого, когда погнали немца от Москвы, то осени сорок второго и новой спешившей зимы, когда в народе только и разговоров было, что о Сталинграде. Там такое, говорят, творится, что конца войны и не видно. Только все думают о нём, а вслух никто не говорит. А Надёжка не знала от чего это: от силы ли, от слабости? А может, всяк смирился и пустил мечты на самотёк, куда кривая вывезет?! Может, устали люди ждать, привыкли? Но можно ли привыкнуть к смертям и страданиям? Нет, привыкают к вольготной жизни, к праздникам, когда их много, а к поту и крови не привыкнешь, если, хотя бы во сне, хочется вздохнуть во всю грудь, и чтобы жизнь после такого неправдоподобного передыха новой стёжкой вела, а не путалась старыми следами.

Яркий свет в Вериной избе ошеломил Надёжку. Увидев его, она обмерла душой, не доходя до крыльца, остановилась, глубоко вздохнула, словно пропитывалась светом, осветившим забытое довоенное время. Она оставила сани у крыльца, постучала и, войдя следом за Верой в избу, зажмурилась от света, прищуркой оглядела Любины вещицы на полу, сидевшего на кровати Володьку, вцепившегося в варёную картошку. Рядом с кроватью, через лавку, на столе стоял чугунок горячей воды, около чугуна кружки. В деревянной миске лежало несколько картошек в мундире. Надёжка невольно облизнулась, проглотила горькую слюну и почувствовала на лбу выступивший пот.

— Садись, поешь с нами, — позвала Вера.

Надёжка осторожно пошла к столу, стучая заледенелыми лаптями, и первым делом напилась горячей, чуть сладковатой, как показалось, воды. Как от хмельного, сразу сделалось жарко, а чуть позже, когда она сняла полушалок и фуфайку, закололи иголками ноги, отходившие с мороза, а под лаптями зачернела вода.

Едва она съела картофелину, как захотелось спать, но спать сейчас нельзя; вот-вот должен подъехать почтовик, и уйти, не проводив сестру, не годилось. И она сидела: притихшая, неразговорчивая, савёло поглядывая на сестёр. Надёжке казалось, что она всё-таки засыпает и потому изба наполняется темнотой. Но это заканчивался в лампе керо-

син, а подлить было нечего. Когда в избе запахло горячей тряпкой, Вера сняла с лампы стекло, зажгла от красного фитиля лучину, а фитиль загасила. От лучины сразу стало сумрачно, но и с ней жить можно: мимо рта, как говорится, ложку не пронесёшь.

В сегодняшнее утро Вера отъезжавшую сестру уже не отговаривала. Признаваясь себе, Вера понимала: устала она от многолюдья. Вроде бы и свои, родные, а всё какая-то неловкость на душе. Одна-то что сделала, а что нет — не перед кем отчитываться, а при Любе да Гале не сделаешь абы как: им надо пример подавать, чтобы с молодости учились всё правильно делать, чтобы не смеялись над ними люди. А если не получается что-то, так подскажет им, поддержит, заставит поверить в себя. Она ведь старшая. Это хорошо, если рядом есть кто-то старший... Вера это стала понимать, когда не стало матери и ушёл на фронт Алексей. Как хорошо раньше было: чуть что не так — к матушке бежишь, поплачешься ей — и на душе легче, и как дальше жить знаешь. Да что там матушка! Вера и по Алексею стала тосковать в последнее время. Очень хотелось рассказать ему о Фёдоре, нареветься досыта, уткнуться мужу в плечо, хотя и знала, что недотыка её Алексей, а всё-таки привычный человек, детишкам отец. Хотелось услышать знакомое-презнакомое «...Д-дать...» — и, не дожидаясь, пока он что-нибудь скажет, заранее догадаться, что от него услышишь, и замахать руками: мол, замолчи — и так всё ясно... В последние день-два Вера даже стала завидовать младшей сестре: ведь счастье-то какое с милым дружечкой поговорить. Вера сочла бы за счастье просто посидеть рядом с Алексеем, а от него и письма не дождёшься. Сообщил в прошлом году, что в дальних местах служит, и что письма туда долго идут, но не по году же! Когда Вера начинала думать об Алексее, ей казалось, что его давно нет в живых, а начальство не сообщает, не хочет множить её горе... А может, он с бабой какой спутался. Вон у Дуськи Фроловой муж склады военные охраняет в тылу, и на складах тех с местной бабёнкой сошёлся. Прямо так и написал домой: не ждите меня! Вера сравнивала Ваньку Фролова со своим и не могла сравнить: Фролов-то ни одной бабы не пропустит, а Алексей... Никакого сравнения.

Наверное, десятый раз выйдя за утро из избы, Люба вернулась, радостно выдохнула:

— Едет!

И сразу начали одевать Володьку. Он неожиданно заревел, начал вырываться. Любу это непослушание смутило, и она тихо говорила сыну:

— Вот приедем в Москву, папке нашему всё расскажу — пусть тебе стыдно будет. Пусть!

Наконец мальчишку одели, закутали в шаль, оставив щёлочку для глаз, и вышли из избы: Люба с сыном на руках впереди, за ней Вера с чемоданчиком, а сзади, чуть замешкавшись, Надёжка с Галей. Сани уж скрипели на мосту, и оттуда доносился лошадиный храп. Вскоре, осадив коренника, возница остановил сани напротив избы и, пока бабы шли стёжкой к большаку, он, едва видимый в тулупе, поправлял упряжь на пристяжной; казалось, что тулуп ходил вокруг лошади сам по себе.

— Садись сюда, — сказал возница Любе, подвинув мешок с почтой к задку саней.

Люба расцеловалась с сёстрами и Галей, неловко забралась в сани, ей подали сына и, пока она с ним усаживалась поудобней, возница хлестнул коренника. Люба что-то крикнула сёстрам, но её слов они не разобрали, чуток постояли на большаке, пока сани не въехали на Отруба. Сразу стало не о чем говорить. Надёжка в избу не пошла, кинула на плечо верёвку от саней и поплелась домой. Вера что-то сказала вслед, но она не расслышала. Одно-единственное желание всё затмевало: хоть часок, хоть полчасика поспать до работы, потому что небо на востоке — в той стороне, куда укатила Люба — начинало чуть-чуть желтеть. А когда совсем рассвело, Надёжка уже собиралась на работу, а Любаша подъезжала к Сохе. Оставался один перегон до Больших Полян, а там уж и Хрущёво рядом.

На станции Люба застряла. Расплатившись с возницей пятью варёными картошками, которые он сразу же съел, она, как до войны, решительно подступила к кассе, но окошко оказалось закрытым, а над ним висела бледно-розовая листовка: «Берегись сыпного тифа!» Весь день Люба смотрела на это предупреждение, и к вечеру ей показалось, что на руках проступила розоватая тифозная сыпь... До вечера Люба промаялась на станции. Прижимая Володьку и придерживая чемодан с узелком, неоднократно выходила на заледенелый перрон, но поезда проходили мимо. Из вагонов на неё насупленно смотрели часовые, Люба махала им, словно они могли остановить состав. Правда, дважды останавливался пассажирский поезд с замёрзшими окнами, и оба раза Люба не могла уехать: тамбуры были забиты людьми, а стоять на одной ноге с ребёнком на руках до Москвы — разве выдержишь!

В перерывах беготни по перрону Люба заходила на станцию отогреть сына и сама отогревалась. За весь день она

не видела, чтобы в кассе продали хотя бы один билет. Сколько ни стучала Люба в засаленное окошко, ей всякий раз отвечал недовольный женский голос: «Билетов нет!» Она и кассиршу видела только раз, когда та куда-то уходила. Она оказалась пожилой, усталой женщиной в чёрной шинели и сером полушалке. Когда женщина возвратилась, Люба, положив спящего сына на скамью, подошла к ней, спросила, чуть ли не плача:

— Когда же поезда-то свободными будут?!

— Жди, милка, жди — к концу войны, может, дождёшься! — вздохнула кассирша.

Хорошо ждать, когда есть надежда, а когда её нет? К вечеру Люба решила покормить Володьку — он весь день сухарь грыз — и сама поест. Повернувшись спиной к соседям по скамье, Люба достала узелок с едой: несколько картофелин и завязанную в тряпочке соль. Хотела отколупнуть маслица из горшочка — Верин подарок — но не посмела. Масло Вера берела ещё с ноября, когда доилась корова, на самый-самый случай, а теперь отдала сестре да ещё пристыдила, когда та не хотела брать подарок: «Как же это с пустыми руками заявишься!» Сейчас повертела-повертела Люба горшок да убрала подальше. Картофелину начала чистить. Очистила — отдала сынишке, а глаза подняла — рядом мальчуган лет пяти стоит. Хоть бы что сказал или спросил, а то молчит и смотрит пронзительно, будто и не картошка у Любы в руках, а сладость необыкновенная. От его взгляда Люба съежилась, повернулась боком. Для себя картофелину очистила, а нет сил рта открыть, и есть сделалось стыдно при нём, словно украденное... Поборов в себе скупость голодного человека и налившись неожиданной радостью, Люба повернулась к мальчугану, спросила:

— Как тебя, курносенький, зовут-то?

— Ми-ша, — еле-еле пролепетал мальчик и, опустив глаза, покраснел.

— Есть хочешь?

Мальчик молча кивнул, а Люба отдала ему очищенную картошку, а сама взяла другую. Мальчик побежал в угол к старухе, с которой он с утра тоже маялся на станции. Покосившись в их сторону, Люба увидела, как старуха отобрала у мальчика картофелину и громко зашептала:

— Беги ещё спроси...

Поглядывая на картофелину в бабушкиных руках, мальчик нехотя повернулся, направился к Любе, но близко не подошёл, а застыл в сторонке, молчаливо уставившись в пол. Люба словно ничего не заметила:

— Ещё хочешь? — и, не дождавшись от мальчугана ни слова, ни вздоха, не увидев его глаз, отдала вторую картофелину. Третью чистить побоялась. Володька же и одной наелся и попросил пить. Люба налила из бачка в свою кружку воды, долго грела кружку в руках и понемногу поила сына. После завязала узелок, связала его с чемоданчиком и стала ждать неизвестно чего.

В сумерках, когда надвигавшаяся ночь грозно дышала в замороженные окна, а входные двери стали скрипеть суше и злей, на станцию вернулась кассирша, четверть часа назад закрывшая никому не нужную и бесполезную кассу. Кассирша отряхнула с полшалка иней, поправила под ним волосы и подошла к Любе, сказала негромко, но начальственно:

— Гражданочка, пойдём со мной!

Если бы не тон кассирши, не её решительность, то Люба и не подумала бы слушаться, тем более что кассирша говорила голосом того человека, который отвечал весь день, что билетов нет, но сейчас это был совсем другой голос. По-настоящему женский и даже чуть виноватый. И Люба пошла за ней, взяв на руки спавшего сынишку, а кассирша понесла её пожитки. Когда вышли на перрон, кассирша пошла впереди:

— Иди за мной... Попытка — не пытка. Глядишь, и уедешь... В тупике сейчас эшелон с углем на Москву стоит, литерный пропускает, пойдём попросимся. Баба ты молодая, глядишь, и пустят в теплушку... К кому едешь-то?

— К Николаю.

— К мужу, что ли?

— Угу...

Кассирша ни о чем более расспрашивать не стала и заговорила лишь около состава, вызвав из конвойного вагона начальника конвоя — невзрачного сержантишку в помятой шинели и в шапке с опущенными клапанами.

— Товарищ лейтенант, — расчётливо повысила кассир сержанта в звании, — вот попутчицу вам привела... До Москвы девка добирается. Ребёночек у неё слабенький. Взяли бы?

— Какой я, тётка, лейтенант? Не положено посторонних людей перевозить! А таких — тем более. Триппер от них только ловить!

— Она у вас приберёт, постирает... Весь день девка мается.

Сержант оглядел кассиршу, Любу и подошёл к вагонной двери, крикнул:

— Микола, здесь баба просится до Москвы... Возьмём?

— Молодая?

— Подходящая...

— Нехай едет, — одобрительно раздалось из вагона, а в отодвинутую дверь высунулось щекастое лицо немолодого красноармейца.

— Ну, вот видишь — берут, — шепнула кассирша Любе и громче — сержанту: — Чего ждёшь? Помоги ей забраться!

Сержант обхватил Любу за талию и, делая вид, что подсаживает попутчицу, начал шупать её. Люба развернулась и свободной рукой наотмашь стеганула сержанта. Хотела по шее, но сержант увернулся, только шапку потерял. Но это его не обидело, только развеселило.

— С такой бабой и повоевать интересно, — радостно сказал он, не обращая внимания на хохотавшего мордастого Миколу, — а то, кого ни возьмёшь, — все без боя сдаются, как немцы под Сталинградом.

Кассирша передала Любе вещи и сказала что-то одобрительное. Когда Люба скрылась в вагоне, а Микола собрался закрыть дверь, кассирша повернулась к сержанту, зло сказала:

— Вас бы, кобелей, на передовую! — и, словно девчонка, поскакала через рельсы.

Как только Люба вошла в вагон, от неожиданной жары ей сделалось нечем дышать. Показалось, в баню попала. А тут ещё Микола к раскаленной печке подталкивает, какой-то ящик поставил и усадил на него. Люба сняла с сынишки пальто, боясь, что тот вспотеет, да и сама расстегнулась.

— Ты, дивчина, не спеши раздеваться... С мороза оно всегда жарко кажется, а попривыкнешь, ещё и знобко делается.

Люба промолчала, не желая ввязываться в разговор и давать повод для новых расспросов. «Чем меньше с ними говорить, тем лучше будет, — решила она. Не ребенок — поняла, чему веселились охранники. — Ведь у них одно на уме. А вот кассирша-то? Она-то зачем повела к этому поезду. Дочь-то свою, коснись, уж наверное бы на пассажирский посадила, не пихнула бы солдатам... Хотя, что солдаты. С ними как поставишь себя! Сама хвостом крутить не будешь, кто тебя тронет? Насильничать-то не каждый решится...»

— Ты, дивчина, глухая кабыть?.. Или придуряешься? — напомнил о себе Микола, а Люба, оторвавшись от набежавших мыслей, испуганно взглянула на придвинувшегося красноармейца, но при слабом свете коптилки, сделанной из гильзы от снаряда, разглядела лишь его прищуренные, как у азиата, глаза и ничего не ответила. — Тьфу, — плюнул тот, — раскорячилась... Хоть мальчика мало-мало пристрой. Чего он на руках мотается?!

«Не дождётесь, — подумала Люба, — всю дорогу, назло вам, так просижу!»

Другой красноармеец, молчавший до этого, спросил, куда она едет, откуда, но, не дождавшись ответа, вскоре отстал. А тут пришёл в вагон сержант, поплотней прикрыл за собой дверь и стал отогревать руки.

— Долго ещё стоять будем? — спросил у сержанта Микола.

— Сейчас тронемся... Кажется, и о нас вспомнили... — ответил сержант и повернулся к Любе: — Укладывайся, девка. Долго так не просидишь!

— Она, должно быть, того, — сказал Микола и крутанул пальцем у виска. — И глухонемая к тому ж.

— Не приставайте к ней, — негромко сказал сержант, — её, видать, и так Бог обидел.

Любаше от слов сержанта сделалось смешно. Чтобы не рассмеяться, она уткнулась лицом в шаль, так и сидела, пока вагон неожиданно хрустнул, дёрнулся и тихо-тихо поплыл. И от этого движения сладко заняло сердце, захотелось с кем-нибудь поговорить. «Вовочка, милый мой Вовка, мы ведь едем, слышишь, — к папке нашему едем!» — про себя шептала Люба. Она чувствовала, как из глаз бежали ненужные сейчас слёзы, но не могла остановить их, только глубже зарылась в шаль.

Хотя ехали всю ночь, и дважды состав подолгу стоял на каких-то станциях, дорога не показалась Любаше длинной. Во время стоянок менялись часовые. Они приходили с постов закуржавелые, молчаливые и, отогревшись у печки, заваливались спать. Никто из них за всю ночь ничего не спросил у попутчицы, а матерщинничали при ней так, словно её и не существовало. Она так и не прилегла, только, наверное, под утро положила Володьку на нары и сама сидя вздремнула рядом с ним. Всё-таки заснула, потому что не почувствовала, как остановился поезд. И если её кто-то долго и настойчиво не толкал бы, то она и вовсе разоспалась.

— Вставай, глухая тетеря, вставай, — сквозь дрему едва разобрала она слова Миколы, увидев перед собой его широкое лицо, и сразу будто током кольнуло.

Пришла в себя быстро и первым делом вспомнила о чемодане с узелком. Целы... Поглядела на сынишку — спит.

— Приехали, приехали, — говорил Микола и для пущей убедительности показывал на руках, что, мол, всё — дальше хода нет. Москва!

Решив до конца не выдавать себя, Люба согласно закивала, что всё поняла. Мол, спасибо вам, люди добрые, — и поклонилась. Микола похлопал по плечу, помог спуститься из

вагона и подал сынишку, вещи. Когда Люба очутилась на снегу, ей очень захотелось сказать спасибо, сказать вслух, но она лишь слабо помахала красноармейцу, а тот в ответ стал показывать, куда нужно идти. Его совет оказался кстати, потому что у неё глаза разбежались: кругом рельсы, огней нет и ни одной живой души вокруг. Хотя начинало светать, но был тот зимний предрассветный сумрак, когда всё вокруг размывается и не понять, где что. Любаше сперва показалось, что её и не в Москве ссадили. Только по множеству дымов над трубами она вскоре поняла, что да, действительно добралась! Долго шла вдоль забора, вышла к воротам, около которых топтался часовой. Заметив на охраняемой территории постороннюю, часовой окликнул Любу, подозвал:

— Тётка, ты откуда появилась? Чего по путям разгуливаешь, а ну документ покажь!

Люба молча достала из внутреннего кармана кофты паспорт, отдала часовому. Тот повертел его в руках и спросил:

— А пропуск имеешь?

— Какой ещё пропуск?

Пока Люба объясняла, откуда она едет и к кому, часовой подозрительно посматривал на неё, потом спросил:

— Мне пропуск нужен, а не твои объяснения. Хочешь, чтобы в комендатуру сдал? Это мне недолго!

Люба опять начала твердить, к кому она добирается, и часовой не выдержал, пугнул:

— Чтобы глаза мои не видели тебя здесь! Топай назад к тем вон ящикам. Там лаз есть. В него и прошмыгни, а через контрольный пункт не пропущу. Железно говорю! Ступай, ступай, пока никто не увидел, а уж если кто заметит из начальства — враз арестую...

Любаша подхватила и без оглядки назад. Пока бежала вдоль забора, ждала окрика, но не услышала и, разыскав в заборе лаз, раздвинула доски и выбралась на пустырь. От лаза по нему петляла тропинка, ведущая к серым сумрачным домам, темневшим в отдалении. Скоро вышла на какую-то улицу, смешалась с рабочим людом и через полтора часа ходьбы оказалась на Конной площади. Подходя к ней, Люба сориентировалась, узнала автобазу, где работал Николай. Подойдя к воротам, из которых один за другим выкатывали грузовики, Люба остановилась, не зная, что делать. Попыталась заглянуть в ворота, но тут из распахнувшейся двери вышел усатый охранник в коротковатой шинели.

— Гражданочка, чего тут надо? — окликнул он.

— К мужу я приехала... Мухин его фамилия.

— Не знаю такого... А может, и знаю... Кем он работает?

— Он по моторам у меня!

— Егор Иваныч, — окликнул охранник напарника, сидевшего за дощатой перегородкой, откуда вкусно пахло варёной картошкой, — позвал бы Мухина. Тут жена к нему. С ребёнком!.. А ты зайди сюда, погрейся пока, — позвал усач, — какой интерес морозиться!

Любаша зашла в проходную и прижалась к стене, пропуская второго охранника, недовольно взглянувшего на неё.

Николай появился быстро, словно дожидался жену за дверью. Остановившись на пороге, он на секунду замер, вытирая замасленные руки, и осторожно шагнул поближе, словно боялся спугнуть... На Любашу в этот момент навалился стыд, а когда Николай обнял её и прилюдно поцеловал, то она покраснела и заплакала... Всклипывая, вспомнила о сыне.

— Подойди к папке, подойди, — приговаривая, подтолкнула его к Николаю. А Мухин, увидев перед собой крошечного человечка, которого ни разу не видел, даже на фотографии, присел перед ним на корточки и поманил к себе. И маленькая живая душа послушно пошла на зов. Мальчишка ткнулся лобиком отцу в колено и тихо, но внятно произнёс по слогам:

— Па-па...

Мухин подхватил сына на руки, прижал к себе и вдруг засмеялся, обращаясь к усатому охраннику:

— Михалыч, смотри, сын-то у меня уж говорит всюю! Ой, бутуз, ой какой бутуз вырос!

Глядя на Николая, Любаша окончательно прослезилась. Ей вспомнилась дорога, вспомнилось Князево и всё то время, на которое их разлучила война.

— Только что с поезда? — спросил немного успокоившийся Николай, не выпуская сынишку из рук.

— С него, — вздохнув, откликнулась Любаша, продолжая разглядывать мужа.

— Долго добиралась? — спросил он и не дал ответить — передал Володьку с рук на руки: — Побегу отпрошусь... День-то сегодня какой, вот так день, — говорил он сам себе, толкая спиной дверь проходной. Он так и вышел, не переставая смотреть на жену, будто боялся потерять.

Вернулся скоро, и Люба заметила, что он не переодевался, лишь накинул на плечи телогрейку военного образца. (Люба еще не знала, что Николай жил рядом с автобазой и не пользовался раздевалкой. Так было удобней.) После жарко натопленной проходной, в бараке, куда Николай привёл жену и где жил с октября сорок первого, когда в Москве ввели осадное положение, Любе показалось сыро и зябко. Пока добиралась в Москву, то в мыслях представляла, что Николай

уже получил отдельную комнату. Комната сухая, в кухне керогаз — рай, который и представить трудно... Но рая не было. Его заменяла скрипучая металлическая кровать в середине барака, заправленная армейским одеялом. Правда, ещё днем Николай с кем-то договорился и вечером переселился к стене, отгородив угол мешковиной. Весь день Люба хотела спросить: неужто и она будет жить среди мужиков?

Но прошёл день, другой, а она так и не спросила. Да и как спросишь, когда Николай, уложив с вечера и её, и сынишку на кровать, сам устраивался рядом на полу. Разговорчивость первого дня с него сошла, и теперь он ходил молчаливый, неприветливый. Казалось, что не рад приезду жены. Мог за весь день не произнести ни слова, только вечерами, когда соседи по бараку заигрывались с Володькой, он чуток веселел, но из-за ревности спешил взять сына на руки. Тот на руках и засыпал. Днём же Николай пропадал на автобазе, приходил с работы поздно, и если в первые дни прибежал до обеда навестить семью, то через неделю задерживался до глубокой темноты, хотя дни прибавились, и вечерами солнце подолгу освещало купол церкви Калитниковского кладбища. В эти дни Люба освоилась с жизнью на птичьих правах, и, чтобы не скучать без дела, топила в бараке печи, подметала и мыла полы. Пыталась постирать и починить одежду кое-кому из мужиков, но те стеснительно отнекивались. Правда, это им не мешало заглядываться на Любашу по-особенному, и она, когда мужики собирались после работы в бараке, старалась лишний раз не мелькать перед ними.

Прошло две недели, но она так по-настоящему и не почувствовала, что приехала к мужу. Ведь как муж и жена они почти не жили, если не считать нескольких раз, когда он ранним утром водил её на территорию автобазы, договариваясь с охранниками, и те пускали их в свою дежурку, где общий топчан на полчаса становился их брачным ложем.

В начале третьей недели Николай прибежал с работы в неурочное время. Он был взволнован, таинственно улыбался и, не успевшая она что-либо сообразить, сразу подступил с вопросом:

— Где горшок с маслом?

— Зачем он?

— Нужен, если спрашиваю! Комендант обещал отдельную комнату выделить. Сама понимаешь.

Масло — Верин подарок — Люба берегла для Володьки и несколько раз уже давала ему, подкармливала, и ей очень не хотелось расставаться с заветным горшком, потому что никаких иных запасов не имелось, но не могла она и Николая послушаться.

— Так горшок-то уж начатый, — попыталась схитрить Люба, но у неё ничего не получилось.

— И такой сгодится, — твёрдо сказал Николай. — Давай сюда!

Люба достала из-под кровати завёрнутый в тряпицу горшок и, передавая из рук в руки, постеснялась взглянуть на мужа.

«Смотреть комнату» они отправились на следующий день. На трамвае доехали до Лефортова. Николай узнал у прохожих, где находится Денисовский переулок. Оказалось, переулок небольшой, а нужный дом нашли не сразу, потому что искали жильё, а им оказалась бывшая конюшня, как объяснил прохожий.

— Зачем, дед, напраслину возводишь? — напустился Мухин на пожилого мужика, тащившего мешок стружек.

— Ты меня спросил — я тебе ответил, — тоже осердился тот, — чего ещё надо?

— Ладно, разберёмся, — помягче сказал Николай, больше, наверное, для собственного успокоения, подхватил на руки Володьку и Любу за собой потянул: — Пошли!

В здание вошли, а глазам зацепиться не за что: от стены до стены голо, только в глубине что-то нагромождено из фанеры и досок. Приглядевшись, заметили двух разговаривающих мужиков. Те тоже заметили их, и один пошёл навстречу.

— Комендант, — шепнул Николай Любе и поставил сына на пол.

Комендант щеголял в красноармейской шапке со следом от звездочки, в длиннополой шинели, но и в ней казался ниже Мухина, не отличавшегося ростом.

— Думал, не дождусь, — улынулся комендант и, как давнему знакомому, подал Николаю руку, — а ты видишь как — всем семейством... Ну, начнём тебе жилплощадь выделять. Сколько вам профсоюз-то подкинул? — спросил он, будто не знал.

— Двенадцать метров...

— Двенадцать так двенадцать, — он отошёл в сторонку, ткнул пальцем вниз, указывая на меловую линию: — Вот здесь у тебя, простите, у вас... будет одна стена, а здесь, — он сделал три широких шага, — будет другая да плюс ещё от окна четыре шага... Три умножить на четыре — получится двенадцать, — радовался комендант собственному остроумию. — Как всю площадь распределим, — продолжал он, весело поглядывая на притихших Мухиных, — так все вы, новоиспеченные жильцы то есть, соберётесь и договоритесь меж собой какие стены ставить, до какого размера расши-

ритель окна, решите дело с отоплением... Пока могу посоветовать конкретно только одно: не теряйте времени и наломайте себе кирпича на печурку. Могу и адрес подсказать. Он простой: развалины Христа Спасителя, прости Господи... Вопросы есть? Нет. Вот и хорошо. — Комендант мелом начертил на бугристом полу отведённую жилплощадь, написал на ней «Мухины» и на прощание сказал: — Всех вам, товарищи, благ. Обживайтесь помаленьку.

Мухины не заметили, как остались одни, и никто из них не решался заговорить первым: Николаю сделалось стыдно за всё происшедшее, а Любе показалось, что их просто обманули. Так и вышли молчком на улицу.

Над городом кипело ярое мартовское солнце. На южной стороне улиц блестели первые лужи, на крышах уютно перегаривались голуби, но Мухины ничего не замечали.

Если Москва наводнилась лужами, то среди белых снегов вокруг Князева весна только-только наклонулась: лишь почернел от навоза большак, да за ночь на соломенных крышах частоколом вытягивались кроваво-мутные сосульки. Люди с надеждой и страхом дожидались половодья и следующих за ним весенних работ. В каждом дворе прикидывали, что где сеять, где что посадить. Хозяйки готовили семена овощей да в подполах перебирали остатки картошки и гадали: как бы до травы дожить и огородишко суметь посадить. Иные надеялись на сады и с февраля держали в тепле пучки вишен и яблонь, пытаясь обнаружить завязь.

Савины ни о чём этом не думали: картошки нет и взять её в эту весну негде. Той картошки, какую Надёжка добывала в обмен на дрова, хватало только на то, чтобы не пухнуть с голоду. Перед зимой надеялись на Верину корову, но с ней вышло неладно: при отёле недосмотрели, и корова съела послед, болела долго. А тут и с кормом совсем плохо стало. Григорий перевозил Вере остатки сена, перед мартом раскрыл полкрыши над сенями, где, помнилось ему, солому клали мелкую и травянистую. Вот и получилось: вроде бы и с коровой были, а молока от неё надаивали меньше, чем от козы. Так что зиму пришлось сидеть без молока. Теперь, главное, корову до травы продержат, хотя бы летом молочком подкрепиться. (Телёнка, кое-как попоив две недели, Вера сдала в счёт налога, и о мясе оставалось только мечтать.)

Нынешнему солнышку Надёжка радовалась по-особенному. Она ждала этой поры, когда устанавливается наст, а дороги делаются скользкими, лёгкими — сани сами бегут. Это хорошо. Плохо другое, о чём не хотелось думать. Теперь,

когда снег вот-вот сойдёт и по ночам не стало сильных морозов, дрова в слободах брали неохотно и платили за рядок меньше: полведра наполовину прелой картошки. Но когда нигде ничего не добудешь, приходилось и на эти полведра соглашаться. Или-или. Надёжка последнее время даже стала Зинке-почтальонке завидовать: в лес та не ездит, Военного оставила на соседскую старушку, а сама приладилась ходить с бабами на работу и всё «хи-хи» да «ха-ха». Ничем её не проймёшь. Но, как-то собираясь в лес, вспомнила, что, считай, неделю не видела Зину на наряде. «Может, заболела девка?» — подумалось. Решила навестить, когда собралась в лес. К её дому подошла, а в окнах темень. Тихонько постучала. Никто не отозвался, только через минуту ли, две затеплился в избе огонёк. Надёжка прошла в сенцы, ошупкой нашла дверь в избу, а в избе — сразу почувствовала — не топлено. Зина сидит на кровати одетая и держит на руках завёрнутого ребёнка. Надёжку увидела, посмотрела испуганно.

— Что же печь-то не топишь, фарья?

— Сил, Надь, нет... Ослабла я что-то, совсем ослабла. Спасибо, что зашла.

От их разговора заворочался в люльке самый младший. Сначала запыхтел, а, чуток передохнув, заголосил по-настоящему.

— Видишь, — вздохнула Зина, — и Военный голос подал. Живой ещё!

От крика младенца на печке зашевелились остальные ребяташки, высунули носы из-под тряпья.

— Поднимайтесь, родимые, — позвала их Зина, — надо бы печку протопить.

Ребята зашевелились, но слезать не спешили.

— Сидите уж, — остановила их Надёжка, — у вас сейчас силы, как у чилей на морозе.

Она принесла из сеней охапку сукастых поленьев, а ребята кинули с печки сухое полешко. Надёжка исщепила его ножом, положила щепу в печку под дрова. Сушняк загорелся быстро, но и сразу сгорел. Пришлось новое полено щепить.

— Этак я у тебя все спички переведу! Чего же не догадались дрова в избу-то занести? Сейчас без мучений обошлись бы! — Надёжка начинала сердиться, потому что время шло, а она всё ещё торчала в чужой избе, хотя уйти и ничем не помочь тоже не могла.

— Думаешь, нам до дров, — равнодушно отозвалась Зина, — когда у нас какой день крошки во рту не валялось... Ты уж не сердись. Без тебя совсем бы окочурились, а теперь хоть водички погреем. Тепленькой попьём. Не жди, когда дрова раз-

горятся — теперь сами справимся... А спички-то у меня есть, Серафим снабдил. Не бедствуете спичками-то? А то могу отсыпать.

Спичек у Савиных почти не было, и каждое утро, когда Фокин уезжал в объезд, Акуля ходила к Елизавете за углями, но сейчас у Надёжки не повернулся язык что-нибудь просить в этом доме. Даже если Зина сама дала — не взяла бы. Ни за что.

— Есть у нас спички, есть. Свёкор на что, на что, а на табак со спичками промаха не даст.

— Сама смотри... Ты уж иди, коль собралась, чего на меня глядеть.

Вышла Надёжка на улицу, а вокруг темень — в лес расхотелось, но постояла у чужого крыльца, огляделась и вспомнила родившееся минуту назад желание: кровь из носа, а сегодняшней заработок разделить на два двора. И с этой мыслью полетела в лес, пилила, рубила, таскала брёвна. Сани такие нахрястала, что еле-еле с места стронула. Считай, рыдок за раз везла, а в голове стучало: «Обязательно, обязательно сегодня повезёт — без ведра не вернусь, хоть до утра по слободе буду ползать, в ногах валяться, а с божьей помощью найду совестливого человека!» Так и вышло, как загадывала Надежка: до самого утра таскалась она по слободским улицам. В одном только ошиблась: никому дрова не были нужны! Уже рассветало, когда она остановилась у дома священника, хотя позавчера здесь отказали. Но что оставалось делать? Хоть полведёрка, хоть десять картошек — всё лучше, чем ничего. Она стучала робко, тихо и поэтому, наверное, долго не открывали. Наконец донесся вздох открывшейся двери и раздался из сеней голос матушки:

— Кого Бог послал?

— Купите дровишек... Хорошие дрова — ясенёвые!

— В дровах не нуждаемся. Не беспокойте нас.

— Матушка, — ахнула Надёжка, — сжальтесь над нами: детишки голодные, старики немощные с голоду пухнут. Смилуйтесь!

За дверью установилось напряженное молчание, а Надёжка наступала:

— Откройте, взгляните, какие дрова! Где таких найдёте? И много не прошу. Взгляните, не пожалеете.

Дверь открывалась долго, медленно и будто с неохотой выпустила из чёрного зева женскую фигурку в чёрном же одеянии с накинутой на плечи телогрейкой. Матушка подошла к саням, оглядела их и покачала головой:

— Как же ты, родимая, довезла столько? Кто ж тебе помогал?

— Одна я, — стыдливо ответила Надёжка, будто сделала что-то предосудительное, притягав такую махину.

— Дрова-то хороши, да только особой нужды в них теперь нет. Снег-то вот-вот сойдёт.

— Да вы возьмите — к следующей зиме пригодятся. Много не прошу.

— Чего же за них хочешь?

От такого прямого вопроса она растерялась. Сказать, что хочет за дрова ведро картошки — отпугнёшь. Попросить меньше — будешь после ругать себя.

— На все воля божья — сколько дадите, — еле слышно сказала она.

— Если хочешь, дочь моя, возьми полведра капустного листа и ступай с Богом. Рада бы щедрей отблагодарить твои страдания, да возможности такой нет.

От этих слов у Надёжки перехватило дыхание, и, не помня себя от ярости, она крикнула:

— Сука ты, матушка! Подавись...

— Храни тебя Господь, чадо неразумное, — осеняла она Надёжку крестным знамением, но та не обращала на неё внимания и приговаривала, скидывая с саней бревна:

— Подавись, сука, подавись...

Надёжка не помнила, как добежала до Князева, как рухнула на кровать. В туманном, обморочном забытии не чувствовала, как её будила свекровь, свёкор что-то говорил о работе. Она до полудня пролежала в постели, не отвечая ни на внимание стариков, ни на ласку детей. Надёжка не собиралась плакаться, рассказывать о случившемся ночью, но каким-то образом старики всё знали, а она дивилась, словно издали прислушиваясь к буйству Григория. Не дождавись, когда сноха оклемаётся, тот собрался в Пронск... Акуля, привыкшая к его выходкам, сперва смотрела спокойно на сборы, но когда старик забрал последние спички и сунул за пояс топор, то переполошилась.

— Топор-то хоть оставь, — пыталась она уговорить мужа, — когда ты перестанешь позорить-то нас, каторжанин. А спички-то на что последние взял? Потерять хочешь?!

Если бы Григорий огрызнулся, то Акуля могла бы точно сказать, что никуда тот не пойдёт, но он упрямо молчал. Это совсем испугало старую. Она ведь помнила, как он скрипел зубами, когда они поутру слушали Надёжкин рассказ. Она будто бы бредила во сне и говорила не с ними, а с Павлом, жаловалась ему. И когда сноха упоминала имя сына, Григорий заливался по-бабьи слезами, потому что не одну Надёжку обидели, нет. Обидели всех их: и его самого, и

Акулю, и Сашку с Бориской, и крошечную Нинушку то ж. Даже и Павлу досталось от этой общей обиды... Григорий не сразу поверил словам снохи и ждал, когда она поднимется и пойдёт на работу, но та словно рассудка лишилась. И тогда он решил известить всю поповскую семью, а дом их сжечь. Будь что будет. Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Акуля сунулась вдогонку за мужем, но тот так зыркнул на неё, что она не заметила, как залетела в избу и села, будто ошпаренная, на лавку. Испуганные внучата облепили бабушку, но она не обращала внимания на них и упрямо твердила:

— Это надо, что надумал, старьй?! Совсем опозорить нас решил! — и мелко-мелко вздрагивала плечами.

Акулю никто не останавливал и не уговаривал. Она вдоволь наплакалась и сама успокоилась. Швыркая носом, подошла к Надёжке, дотронулась до плеча:

— Встала бы... Так совсем прокиснуть можно. Поднимайся — обедать будем.

Надёжка услышала слова свекрови, но не отозвалась, потому что ей почему-то показалось, что Акуля смеётся над ней.

— Вставай, девка, вставай. Я ныне лапшу из курицы сварила... Помнишь, на Рождество съели полкурицы, а ныне время подошло остатки доесть. Ребят покормить надо. Думала, все за столом по-людски посидим, да попробуй деда нашего теперь догони.

Акуля не знала, что Григорий дошёл только до Пушкарской слободы. Дальше идти не мог, едва у крайних домов догнал Зину. Он ещё издали заметил, что она делала что-то непонятное и жуткое, отчего он, много чего выдавший в жизни, содрогнулся и заробел. Остановился. Приглядываясь, хотел подойти ближе, поравняться с ней, но не мог перебороть себя. А Зина, передохнув, пошла дальше и следом за ней тронулся Григорий, но на бабу он не смотрел, а впилился глазами в то, что она везла на санях. Смотрел неотрывно, потому что на санях лежал неестественно прямой и неподвижный полуголый ребенок лет двух или трёх. «Как Бориска наш, только совсем уж тошенький», — подумал Григорий, пройдя с десяток метров за санями и никак не сумев объяснить, что же так поразило его. Когда же он догадался, что ребёнок неживой, то эта догадка едва не подкосила. Он только-только понял, что Зина куда-то везёт своего мёртвого сынишку!

— Стой, курва! — догнал он её и загородил дорогу. — Что наделала с мальцом? Говори!

Зина даже глазом не повела.

— Стой, говорят!

Опять никакого внимания. Тогда Григорий схватил Зину за плечо, остановил, а у неё глаза безумные, смотрят широко и мимо.

— Зинка, ты что же делаешь-то, мать твою в кривую ногу... Растолкуй, что случилось-то? Куда мальчика волочешь?

— Куда надо...

Пытаясь что-либо узнать, понять, Григорий не заметил, как пошёл слободой, и вдруг увидел, что на них смотрят люди, а какая-то встречная старушка упала на колени и стала отбивать земные поклоны... И Григорий отстал. Он забыл о мести, ради которой отправился в Пронск, забыл о годах, забыл обо всём на свете и чуть ли не бегом пустился в Князево. Вместо него быстро собралась толпа зевак. Не в силах побороть любопытство, люди все же отстали от Зинаиды, шли поодаль, заворожённые необычностью зрелища.

Зина остановилась напротив сельсовета, взяла мальчонку на руки, поцеловала в лобик и направилась к крыльцу. Ногой отшибла дверь, вторую и ввалилась в помещение. Председатель сельсовета находился на месте. Увидев на руках Зины посиневшее негнушееся тельце, Олег Никодимович попятился, привстал над стулом и прижался к простенку. Наверное, минуту не мог выговорить ни слова.

— Тебе... что надо? — охнул прерывисто.

Вместо ответа Зина положила сына председателю на стол, и по её спокойному внешне лицу покатались слёзы... Со вздохом отчаяния она кинулась на Олега Никодимовича, прижала к простенку и стала душить, приговаривая:

— Ты этого хотел? Тебе крохи ребячьи поперёк горла стали! Выселить грозился! Теперь делай, что хочешь. Ты — Советская власть!

— Звони, в милицию звони! — хрипя, закричал он перепуганной не меньше его секретарше, выглядывавшей из-за дощатой перегородки.

Секретарша стала крутить ручку аппарата, показывая исполнительность, и приговаривала:

— Так он со вчерашнего дня не работает! Сломался. Не работает аппарат...

Олег Никодимович всё-таки кое-как вывернулся, когда Зина устала душить его. Загородившись от неё стулом, председатель в пиджаке выбежал на улицу. Какой-то мальчишка засмеялся, но большинство собравшихся насупленно расступились и продолжали чего-то ждать. Милиция приехала быстро, через полчаса. С ними был и Олег Никодимович в вытертой милицейской шинели без погон. Спрыгнув с сажней, он решительно повёл за собой двух милиционеров, но те

ступали за ним неохотно. Едва они поднялись на крыльцо, как следом ухлестнулись самые любопытные.

— Вот, — ввалившись в сельсовет вместе с кучей народа, указал Олег Никодимович на ребёнка и на сидевшую рядом со столом Зину, — явный вызов всем нам! К тому же применение силы против советского работника! — и показал разорванную рубаху.

Милиционеры в таких случаях действуют просто и привычно: берут под руки и приглашают пройти с собой. Но тут растерялись: кого брать первым? Ребёнка или мать?

— Чего ждёте? — прикрикнул на них председатель. — Везите её в отдел!

— Одну?

— Двоих!

Олег Никодимович, не дожидаясь милиционеров, хотел сам взять ребёнка, но Зина кошкой прыгнула на него, вцепилась в жидкие волосы. Один из милиционеров, тот, что посуше, стал их растаскивать, а другой, щекастый, принялся выгонять из сельсовета любопытных; одни выбежали сразу, но кое-кто и задержался. Первый милиционер оттащил Зину от председателя только тогда, когда она потеряла сознание и обвисла в его руках. Милиционер растерянно замер, не зная, что делать.

— Ироды! Вы что над бабой издеваетесь?! — крикнул из сеней обросший сутулый старик и сразу же выскочил за дверь, когда щекастый милиционер спросил:

— Это кто тут такой разговорчивый завёлся?!

От его вопроса-окрика толпа поредела, но самые отчаянные остались у сельсовета, лишь на всякий случай толклись чуть в стороне, давая понять: мы здесь — всё видим и слышим! Стычка закончилась тем, что доходной милиционер стал приводить в чувство Зину, ему помогала секретарша, а второй милиционер собрался в Пронск то ли за подмогой, то ли за советом. Когда он сел в сани, с крыльца сбежал Олег Никодимович и плюхнулся рядом. Пацаны засвистели ему вслед, а бабы и старухи стали плевать.

Вернулся милиционер без Олега Никодимовича, но с целой делегацией: председатель райисполкома, начальник милиции и ещё какой-то мужик в штатском. Встречал их на крыльце оставшийся милиционер, приведший к этому времени Зинаиду в чувство и теперь куривший. Увидев предрику, он бросил окурочек в снег, встал и, пропуская начальство в сельсовет, козырнул. Председатель райисполкома, поскрипывая кожаным пальто и белыми бурками, зашёл в сельсовет и, увидев сидящую около ребёнка Зину, представился:

— Здравствуйте, гражданка. Я председатель райисполкома Соловьев... Что у вас случилось?

Зине видеть никого не хотелось, и не сразу подняла голову.

— Вы расскажите, расскажите, пожалуйста, — мягко попросил Соловьев, и от его неожиданной просьбы, заботливого голоса Зина зарыдала...

Возвращаясь в Князево, Григорий не знал и не мог догадаться, что же произошло с бывшей почтальонкой. Где это видано, чтобы покойника голым по улице возили! Около дома Григорий встретился с Надёжкой. Перед этим она, кое-как придя в себя, встала с постели, начала помогать Акуле собирать на стол. Когда свекровь достала из печи чугунок с куриной лапшой, а ребята наперегонки кинулись к столу, Надёжка вспомнила о Зине, о её полуживых детишках, вспомнила и о том, как собиралась поделиться с Зиной картошкой... Всё вспомнила. Поэтому и есть не смогла: налила в махотку куриной лапши, оделась и собралась к Зине. А только к крыльца сошла — свёкра увидела.

— Ты куда это? — спросил он подозрительно, заметив под фуфайкой у снохи что-то припрятанное.

— К Зине Погремку схожу... У нее мальчишка приболел.

— Возвращайся назад! Делать нечего. Мальчишка у неё помер или сама что сделала с ним... Дьявол её разберет! Рехнулась — мёртвого в Пронск на санках повезла. Надо додуматься!

Надёжка в первый момент не поверила Григорию, но, вспомнив, как выглядела вчера Зина и её ребятишки, устоять на месте не смогла.

— Папань, в избу иди — обедают все, а я всё-таки к Зине сбегаяю.

— Говорят же — нет её!

— Тогда хоть за ребятишками посмотрю.

— А что за пазухой-то прячешь?

— Да так кой-чего...

— Весь дом растащила!

Она более не стала пререкаться со свёкром — быстрее к Зинину дому. В избу вошла, а в ней тишина. В люльку заглянула — Военный молча лежит, на печке шторку отодвинула — трое старших спят в обнимку. Надёжку услышали, подняли головы.

— Где наша мамка? — спросил старший.

— Скоро придёт... Вы не заботьтесь. Я пока вам поесть принесла. Вставайте, ребятки, поднимайтесь.

Она взяла из люльки вялого младенца, положила на руку и остальных ребятишек вокруг себя собрала, начала кормить.

Черпать из махотки неудобно, надо в миску бы налить лапши, но ведь остынет! А как холодную-то хлебать? Ребятишки заворожённо смотрели на ложку, а младенец молчаливо посапывал, но когда ложка долго к нему не приходила — начинал ворочаться и пискливо требовать новую порцию. Не так уж и много оказалось лапши, разве хватит на всех досыта. Добирая остатки младенцу, Надёжка видела, с какой жадностью и тоскливой болью в глазах смотрят на ложку старшие и, чтобы не распалять оживший в них голод, она отослала их на печку:

— Лезьте, ребятушки, грейтесь, а то от двери-то дует.

Они послушно забрались на печь, но и оттуда продолжали взглядами травить душу. Зато Военный уснул быстро, едва обчмокал последнюю ложку. Накормив детишек, Надёжка и сама почувствовала нестерпимый голод. Пошла в кухню помыть махотку и не удержалась — выпила ополоски, и есть захотелось ещё сильнее. Она не знала, где Зина, что с нею случилось, когда вернётся, и верить ли словам свёкра? Но что бы ни случилось, а Зину надо ждать — ребят одних не бросишь. А пока затопила печь. Пока растапливала её и носила с улицы дрова, разогрелась и на душе сделалось посветлей. Ребятишки все спали, и, когда дрова прогорели, Надёжка прикрыла задвижку и тоже на печь забралась, притулилась с краешку. Заснула.

Все проспали до сумерек. Зина вошла в избу тихо, но её слышали: Надёжка слезла с печи, Военный заворочался, ребятишки разлепили глазёнки. Больше всех удивилась Надёжка, увидев Зину; она пришла одна, без ребёнка. Хотелось спросить о мальчишке, но не хватило духу. «В больнице, наверно, оставила», — подумала она, не веря в рассказ свёкра. А вокруг Зины, едва та опустилась на лавку, собрались ребятишки, младенца она взяла на руки и, обняв всех, запричитала:

— И что мне теперь сказать людям?! И к кому же мне теперь головушку свою приклонить? Нет у нас защитника-батюшки, не от кого нам выслушать доброго совета... Не стало у нас Мишеньки — закопали его в холодну землю... И встретит сегодня он нашего батюшку, расскажет о жизни горькой... И станут они вместе плакать — нас вспоминать... И слов мы от них больше не услышим... И не будем знать, о чём они печалятся...

Дальше Зининых слов разобрать было нельзя, потому что вся изба загудела от разноголосого рёва, и Надёжка не выдержала, выбежала на улицу, закрыла уши... Она не знала, сколько так простояла: минутой ли, час ли! Когда, колотясь от

внутреннего озноба, вернулась в избу, в ней было тихо, только чуть-чуть всхлипывал старший мальчишка, а Зина, успокаивая его, нежно гладила по голове:

— Не плачь, кровиночка моя, не плачь... Нам сейчас тётка Надя блинов напечёт, всех нас блинами тёпленькими накормит.

Мальчик перестал всхлипывать и посмотрел на Надёжку: мол, чего же ты стоишь? Блины пеки, раз мамка велела! А та ничего не понимала: из чего их печь-то?!

— Вот, возьми, — подала Зина небольшой узелок. — Пять фунтов муки за Мишу дали. Помощь. Соловьёв сам выписал. Говорит: «Не плачь, мать, мы тебя в беде не оставим!» Добрый человек. Нашего прохвоста сельсоветчика заставил самого могилку Мишеньке долбить. Когда могилку выкопали с помощью добрых людей, Соловьёв приехал и говорит сельсоветчику: «Больше вы Советской власти не нужны, идите в сельсовет и сдайте дела своему секретарю!» А прохвост на колени бухнулся, ноги ему целует, да только тот и смотреть на него не желает: повернулся и пошёл. А прохвост ползком за ним, ползком и кричит на весь Пронск: «Чего же мне теперь делать?! Чего мне теперь делать-то?» Негодяй!

— Успокойся, Зин, — стала уговаривать Надёжка подругу, а та дрожит, руки-ноги трясутся, как у порченной.

— Хочу успокоиться, да не могу. Не могу! Начинаю вспоминать — сразу всю колотить начинает.

— Ладно... Вот что скажи... В чём блины-то заболтать? Иди-ка покажи.

Зина поднялась, пошла в кухню, вновь затопила печь, но не нашла подмазки для сковороды. Тогда решили сварить поспу вместо блинов. Когда она была готова, Надёжка ела вместе со всеми, но удовольствия от еды не получала... А Зина будто догадалась, что стесняет её, и успокоила:

— Ешь, ешь, не думай — и ребят твоих не забудем. Всем хватит!

Возвращалась она домой, когда всё село спало. Под кофтой несла полмахотки теплой поспы, а с ней были не страшны любые ворчания Григория. И удивительно: старики не спали.

— Уж думали, не придёшь сегодня, — участливо сказал свёкор. — Бабка лапши куриной оставила. В печке стоит лапша — тёплая должна быть. Ребята весь день от загнетки не отходили.

— Папань, разбуди их! Поспы им принесла от Зины. Ещё горячая!

Григорий зажгёт моргаску и, пока расталкивал внучат, приговаривал:

— Вот так Зинка, вот так хват — в любом деле вывернется. Иди, кто ушлый, добудь муки, а она, пожалуйста, — ешьте на здоровье... Чего она говорит-то? — спросил Григорий у снохи, но той расхотелось говорить, но и не ответить нельзя. Сказала неопределённо:

— Хорошего у неё мало.

Два дня Надёжка не появлялась на работе, а на третий Григорий сам её погнал. С рассвета ходил неразговорчивый, чем-то озабоченный. Хотел подступиться к снохе и не знал как. Григорий понимал, что наломалась девка за последнюю зиму, но ведь она молодая, здоровая, сильная — ей работать и работать. «Мне бы сейчас её годы!» — завистливо подумал Григорий и решительно, даже зло сказал снохе:

— Долго будешь телеса-то распаривать?! Зерно в кладовых стали к севу готовить, бабы огрузились все, а тебя лень одолела. Прележни скоро появятся!

Надёжка как будто и не слышала свёкра: молча встала, молча же отправилась на наряд. Она понимала, что всю жизнь не пролежишь, когда-никогда, а идти придётся — надо семью кормить, хотя то, что заработаешь, получишь ох как не скоро, и получишь ли?

Григорий будто знал, что сноху направят веять зерно, хотя семена ещё с осени подготовили: ни соринки, ни травинки. Но если сверху спустили указание, надо ещё раз через веялки пропустить — никуда не денешься. Вот и гоняют бабы с утра до вечера ненавистное колесо. Пока работают — зерно жуют. Зерно горчит от пыли, а им оно сладким кажется. Наесться им, конечно, не наешься — только аппетит разожжёшь. Поэтому, когда домой идёшь, хочется с собой взять. Надёжка попала работать с Густей.

— Возьми, насыпь куда-нибудь — ребятишкам напаришь, — шепчет-заботится. Сестра двоюродная всё-таки!

— Да куда же насыпать-то? — мнётся Надёжка.

— За пазуху... Подпояшься потуже — полпуда унесёшь. Все бабы так делают.

— Ладно, сыпь...

Дважды Надёжке выпадало веять зерно, и дважды она приходила домой, огрузившись им. Григорий сразу повеселел. Собрался отвезти на санках зерно на Погореловскую мельницу, да не стал народ дразнить. И ещё по одной причине не повёз: не хотелось делиться с мельником гарницей. Сам решил зерно истолочь в ступе, даже Акуле не доверил. Когда истолок, правда, кое-как, то убрал муку в сундук, а ключ оставил у себя, сноху же предупредил:

— Если увижу, что будешь муку Зинке носить — голову отшибу!

После этих слов свёкра Надёжка вдруг поняла, как он надоел. Надоел настолько, что не хотелось ни говорить с ним, ни замечать его. Из-за этой усталости она промолчала, никак не отреагировав на обидное предупреждение, только подумала: «Быстрее бы новый день наступил, чтобы уйти на работу».

Но ходила она на наряд, как назло, недолго. На другой день весь живот расцвёл разнокалиберными чирьями, и все они — и с зёрнышко величиной и с вишню — причиняли невероятные страдания, лишали сна. Акуля перепробовала все средства: и подорожник заваривала, и полынь пополам с конячником, и распаренный конский навоз прикладывала к чирьям. Дважды приходила Елизавета и заговаривала болезнь — ничего не помогало. Одни чирьи лопались, заживали, а рядом начинали краснеть и вздуться новые. Извели совсем. Как-то, когда Надёжка две недели не выходила из дома, появился сам Зубарев. Он сделал вид, что зашёл к Савиным случайно, поговорил с Григорием кой о чём, а после, собравшись уходить, вроде невзначай, к слову, спросил о Надёжке, притаившейся в спальне:

— Куда сноха-то ваша подевалась? Ни дома её не видно, ни на работе! Или случилось что?

— Простудилась... — нехотя ответил Григорий, а Сашка, выглянув с печки, уточнил:

— Она зерно из кладовых за пазухой таскала... Чирьи её замучили! Вон в спальне прячется...

Григорий коршуном взглянул на внука, но Зубарев сделал вид, что не расслышал Сашкиных слов и от неловкости стал теревить повязку на глазу.

— Ну, ладно, — приглушив голос, сказал председатель, направляясь к двери, — передайте снохе, что вечерами все, кто веял зерно, у Симы Кругленькой в бане собираются — чирьи отпаривают. Пусть и она сходит... Дома-то какой резон сидеть, когда посевная на носу да и огороды скоро подоспеет время копать, — и захлопнул за собой дверь.

Зубарев заботился не зря: посевная действительно пришла неожиданно. То паводок шумел, и неделю сырые туманы ходили, а то вдруг растеплилось и на берёзах да черемухах почки набухли. Сев подошёл. К этому времени кое-кто из хворавших баб поправились, а те, каких ещё мучили чирьи, на работу не выходили. Среди них и Надёжка. Зубарев в эти дни таскался по селу мрачный. А тут и Егорка Петухов прохода не стал давать. Его поставили вместо

Олега Никодимовича (всё равно, мол, из одноногого не работник, так пускай хотя бы в сельсовете сидит), и это назначение неожиданным образом изменило его. Был он Егоркой Петуховым, а сделался Егором Кирьяновичем. И если кто-нибудь теперь называл его не полным именем, то он не стеснялся поправлять, даже и старших по возрасту, делая особое ударение на произношении отчества. Жить Егор перебрался в Пушкарскую слободу, заколотив свой дом в Князеве, поселился в сельсовете и спал на топчане, соорудив его за лежанкой из двух досок. «Всех баб в Князеве обскакал, — зубоскалили над Петуховым князевские старики, — теперь до Пушкарской добрался. А для секретарши своей отдельный топчан сгондобил, чтобы всегда под рукой была...» На эти разговоры Егор не обращал внимания, а дело повернул круто: раздобыл где-то портфель жёлтой кожи, приладился носить его на ремешке за спиной, потому что руки костылями заняты, и чуть что — раскрывал его на людях, давая понять, что столь серьёзный предмет носит не зря.

Эти превращения с Петуховым корежили Зубарева. Больше всего обижало то, что сам же, сам рекомендовал его после смещения Олега Никодимовича! Вот и угадай поди... А Петухов, как узнал, от чего пошли чирьи у иных баб, проходу не давал Зубареву. Как где увидит — скок, скок поближе и прямым текстом:

— Что, председатель, думаешь с бабами делать?

— А что с ними сделаешь, Егор... Кирьянович? У них и так одни беды кругом. Что же мне, их под суд отдавать?

От председательских слов Егор оглядывался, словно кто-то мог подслушать, и, перейдя на шёпот, продолжал наступать:

— Тогда хоть на правлении их разобрать нужно. Укорот хатугам надо дать обязательно. Оставлять без принятия мер — это не по законам военного времени. Нам этого не простят, самих могут за попустительство привлечь.

— А ты не подумал, Егор, — Зубарев хотел добавить «Кирьянович», но по отчеству называть не стал, — ты не подумал о том, что вот соберутся бабы, все соберутся, по каким ты шастал, и тебе сопатку набьют?

— Не посмеют. Я — Советская власть!

— Ты за них не отвечай. Бабы народ дурной. Стоит только одной бучу поднять... Второй год с ними управляюсь... А ты не успел оглядеться, а уж за всю Советскую власть говоришь. Давай сейчас с тобой договоримся до конца, чтобы к этому больше не возвращаться: хочешь, иди, заявляй на баб и на

меня заодно. Я в это ввязываться не желаю! — ничего более не сказав, Зубарев уверенно повернулся и твёрдо пошёл вдоль порядка.

Если по-хорошему, ему бы надо по-иному поговорить с Егором, посоветоваться, если уж он так лихо за всё взялся. А поговорить-то есть о чём! Ведь с двоих будут спрашивать. Как выполняется план по заготовкам верхушек картофеля, например, как и сколько подготовлено коров для упряжи? Но не получилось такого разговора, что-то не состыковалось.

Поэтому, чтобы не терять времени, Зубарев и решил сегодня же, после стычки с Петуховым, обойти всех, кого намечал подключить к этим неотложным делам. Первой выбрал Надёжку: надо бы её от греха подальше отправить на работу. Направляясь к ней, он неожиданно решил поговорить с Григорием, зная, что старик быстрее и правильной поймёт, что к чему.

Когда Григорий вышел на крыльцо и выслушал председателя, то ничто не отразилось на его лице.

— Если велишь, сообщу снохе, чтобы на работу бежала, раз уж Егорка залубуется, — сказал старик равнодушно, — только интересно знать, какой же дурак велел на коровах гарцевать?!

Зубарев развёл руками.

— Всё-таки скажи! — допытывался Григорий.

— А то сам не знаешь... Сверху дали указание, а тут что хочешь, то и делай!

Григорий понятиливо покачал головой:

— Коли так, то ничего не поделаешь... А сноху выгоню на работу. В этом не сомневайся. А то ожирела совсем. Как лев от пшаничных пышек стала.

На следующий день Надёжка отправилась на наряд, и им с Верой выделили на обучение рыжую коровёнку. Когда её вывели из полураскрытого коровника, то она пошатывалась и словно по необходимости дважды трянула головой, когда ей на шею одевали колодки, а на большее, наверное, сил не хватило. Хотели запрячь её, но сани не подошли — грязь кругом, а на телеге ездить рано. Решили пока приучать к колодкам. К концу дня догадались к верёвкам привязать нетяжёлое брёвнышко и стали месить грязь вокруг коровника. Коровёнка за день до того натаскалась, что к концу дня безропотно ходила за бабами, словно всю жизнь проходила в упряжи.

Курс обучения прошли за два дня, так как к вечеру второго коровёнка совсем выбилась из сил и упала в грязь. Её кое-как подняли, перегнали на сухое место. Бабы оборвали вокруг скотного двора едва вылезшую из земли молодую крапи-

ву, собрали потерянные зимой клочья сена и соломы и отнесли своей ученице. К закату солнца коровёнка оклемалась, а на следующий день в сводке, отправляемой в район с Мать-Грунькой, всю зиму работавшим при правлении рассылным, появилось сообщение о ещё одной единице подготовленного к посевной тягла.

Это поручение для Мать-Груньки оказалось последним, потому что с завтрашнего дня он выгонял стадо. Выгонял без Григория, взяв в подпаски смышлёного мальчишку с Отрубов. Как сельчане ни просили Григория, как ни уговаривали, насулив бог знает что, тот ни в какую. И на людях, и дома жаловался и бранил «набухшую жилу», а на самом деле хорошо помнил, как рассчитывались с ним в прежний год. Теперь же, в новом сезоне, он бы и того не собрал. Не те времена. Жизнь пошла самотёком, и конца и края этой напасти не видно. Даже и наступившая весна не радовала, а нагоняла тоску. Да и как не тосковать, когда картошки даже на посадку не было. Он дважды посылал сноху в Нижнюю слободу копать ночами огороды, и дважды она приносила по полведра полугнилых очисток. И всё. Никакого просвета. Тогда Надёжка принялась за свой огород, но Григорий не разрешил копать. Зачем, когда сажать нечего? Только последние силы разжижать. А их едва-едва на работу в колхозе хватало. От непосильной работы и забот Надёжка чувствовала, как не по дням, а по часам уходят силы. Бывали дни, когда с утра до вечера крошки во рту не валялось. От голода ноги начали пухнуть. А в колхозе надо пары пахать и яровые сеять, а она только-только от чирьёв отмучилась. И не скажешь никому, не пожалуешься — всем несладко.

Когда пахали дальние поля, то домой ночевать не ходили — силы берегли. Или договаривались и отправлялись по очереди. Как-то Надёжка ночь в поле отдежурила, а следующим вечером побежала домой. Сперва-то хотели все вместе, да поле не успели допахать, не вышло по задуманному: несколько баб остались ночевать возле коров и быков, а остальные в село двинулись. Сначала ходко шли и впереди всех — Надёжка, но мало-помалу она стала отставать. Бабы тоже пошли медленно, но она их подогнала: «Чего со мной колготиться? До темноты сама доберусь не спеша. Если бы не мозоль на ноге, ещё неизвестно, кто бы кого ждал!» Не было у Надёжки мозолей, а соврала потому, что стыдилась признаться в усталости. И она совсем отстала. Едва перешла шоссе, приткнулась на обочине, раскинулась на молодой траве, а в голове всё плывёт, кружится, перевёртывается: деревья растут из неба, вместо облаков — перелески и чьи-то рессор-

ные дрожки катят по шоссе вверх колёсами, а жеребец бежит по воздуху... Но вот утих грохот колёс по булыжнику, дрожки съехали на грунтовую обочину и остановились. С них кто-то спрыгнул и подошёл к ней.

— Что с вами, гражданочка? — услышала она далёкий-далёкий голос и, взглядевшись, вдруг увидела, что всё вокруг сделалось настоящим. И мужик стоял перед ней настоящий: в обтянутом кителе, с бритой головой и взгляд имел свирепый.

— Здравствуйте, — он чуть заметно улыбнулся, — я — Бирюков, первый секретарь райкома партии. Что с вами? Вам плохо?

— Чтой-то голова закружилась... — стыдливо призналась Надёжка.

— Давно не ели? — спросил Бирюков и, не дожидаясь ответа, перекинул со спины на живот полевую офицерскую сумку, достал что-то завёрнутое в хрустящую бумажку. — Вот возьмите, подкрепитесь.

— Дяденька, что это?

Бирюков грустновато улыбнулся:

— Шоколад, милая... Очень полезен. А вы откуда? Может, вас подвезти?

— Из Князева. Слыхали?

— Как не слышать! Колхоз имени Калинина!

Она радостно кивнула, будто встретила земляка, и, всё ещё не решаясь попробовать шоколад, от которого плыл удивительно вкусный запах, поднялась с земли: Надёжку более радовал не гостинец, а радовала возможность быстро добраться до дому. В дрожках она всё-таки не утерпела и чуть-чуть откусила шоколада, хотя перед этим решила весь отдать ребятам. Потом ещё разок торопливо приложила, словно шоколад могли отнять. В этот момент она забыла о детях, обо всём на свете, потому что не хватило сил противиться голоду. Минуту ли, пять ли Надёжка находилась в необыкновенном состоянии, когда показалось, что рождается заново. Она чувствовала, как светлеет голова, как тело наливается силой. Ей хотелось ещё откусить от помятой плитки, но теперь она окончательно контролировала себя и только одна мысль о детях билась в сознании: «Обязательно довести до ребят эту сладость. Самой умереть, а довести!»

Они почти догнали ушедших вперёд баб, и, испугавшись, что они увидят её, она попросила:

— Остановите...

Осадив жеребца, Бирюков спросил, явно сожалея о чём-то:

— Как ваша фамилия, гражданочка?

— А на кой она вам, дяденька?! — усмехнулась Надёжка и спрыгнула с дрожек, еле удержавшись на ногах.

Бирюков усмешливо покачал головой, сел поудобней и отпустил поводья. Дрожки унеслись, а Надёжка схоронилась в зеленеющих придорожных кустах, боясь быть замеченной бабами.

В доме с её приходом все оживились. Огня в избе не зажигали с половодья, но тут не удержались, запалили несколько лучин и при колеблющемся свете, от которого уже успели отвыкнуть, Надёжка разделила на пятерых остатки шоколада. Ребята проглотили его сразу, зато старики удовольствие растянули, а Акуля даже убрала крошечный кусочек к завтрашнему чаю. От неожиданного угощения все разговорились, повеселели, только Григорий оставался мрачным, и когда веселье схлынуло и все улеглись спать, он сказал в темноте задним числом, ни к кому не обращаясь:

— Живут же люди...

Если бы Григорий знал, что в ближайшие дни жизнь его круто изменится, он, наверное, не стал бы завидовать, тем более что и в его жизни бывали дни, когда он жил на зависть другим. Но давно прошли те времена.

Через два дня после встречи с Бирюковым Надёжку вызвали повесткой в военкомат. Повестку принесла бывшая секретарша Олега Никодимовича, которую Егорка Петухов, придя к власти, окончательно выжил из сельсовета. Полненькая и сытая новая почтальонка остановилась у дома Савиных и спросила у игравших около сарая ребят:

— В этом доме Надежда Савина живёт?

— Маманьки нет, она на работе, — отозвался Сашка, — пошла коровам хвосты крутить!

— А ещё старшие есть?

— Вон бабка на бахчах возится, — недовольно кивнул Сашка куда-то за угол, будто Акуля занималась нестоящим делом.

— Позови её...

Сашка юркнул в калитку и вскоре вернулся с Акулей. Та молча уставилась на почтальонку, успевшую подойти к окну и разглядывавшую своё отражение в стекле.

— Вот вашей дочке повесточка... В военкомат её вызывают, — сказала почтальонка, не глядя на испуганно попятившуюся Акулю.

— Ой, — выдохнула старуха, — думала, что с сыном случилось... Всё сердце оборвалось.

Пока Акуля приходила в себя, почтальонки след простыл, а на старуху вдруг навалились обычные сомнения, вызывае-

мые у неё любой казённой бумагой. Истолковав всё по-своему, она побежала в избу и бухнулась у двери на пол.

— Дед, дед, ты где? — позвала она и запричитала: — Это что же такое на свете делается-то? Сноху-то нашу сношеньку на фронт забирают!

Молчавший на печи Григорий сразу отозвался:

— Что вопишь, мать твою в кривую ногу? Чего, спрашиваю, глазищи-то закатила?

— Закатишь, — взвизгнула Акуля, — когда последнюю кормилицу уводят.

— Дай сюда, — спустившись с печи, выхватил он повестку, — и замолчи, кому говорят! Очки мне найди. Грамотей какой-то нацарапал — ни хрена не разберёшь.

Повестку Григорий прочитал быстро, но никак не мог сообразить, к чему бы эта бумага, что за ней кроется. Всё-таки растерянность от жены скрыл и сказал, словно о несостоящем:

— Чепуха. В санитарки будут агитировать. Всем бабам, какие помоложе, такие писульки присылают.

Разговор на этом закончился, и Акуля вроде бы успокоилась, отправилась на бахчи, а Григорий не находил себе места. Он ещё и ещё читал повестку, силясь представить, что спрятано за простыми с виду словами, и не мог догадаться. Лишь одно знал точно: что-то с Павлом случилось. Какая-то беда нависла над сыном, а сразу говорить не хотят. Подгоняемый этими мыслями, Григорий незаметно ушёл из дома и отправился в Панькин Угол, где Надёжка сеяла овёс. «До вечера далеко, — думал он, — ещё успеет девка до военкомата добежать». Он и повестку прихватил с собой на всякий случай. Как оказалось, правильно сделал, и сноха с поля отправилась в Пронск.

Перед военкоматом Надёжка умылась у колодца, пригладила волосы и, когда отворила обитую дерматином тяжёлую дверь, то ног под собой не чувствовала от волнения.

— Вот, — подала она повестку дежурному военному с двумя маленькими звёздочками на погонах; форма показалась Надёжке необычной, никогда ранее она не видела такую.

Тот заглянул в бумагу и, прихрамывая, повёл Надёжку за собой по коридору. Перед нужной дверью остановился, заглянул в кабинет:

— Товарищ майор, к вам по повестке.

— Пригласи, — услышала она негромкий, приятный голос из-за двери.

— Заходите, — подтолкнул Надёжку лейтенант.

Она вошла. За столом у зарешёченного окна увидела красивого розовощёкого военного постарше возрастом, чем первый, и решительно остановилась.

— Давайте вашу повестку! — попросил майор и, заглянув в неё, вышел из-за стола и торжественно подал культяпую руку, на которой Надёжка успела разглядеть два пальца: — Поздравляю, Надежда Васильевна! Ваш муж офицером стал! От него на ваше имя получен денежный аттестат. Крупную сумму переслал. У вас дети есть?

— Трое.

— Вот видите — не забывает их отец... У вас с собой какой-нибудь документ, удостоверяющий, извините, вашу личность, есть?

— Нету...

— Тогда вам придётся побывать в сельсовете или в правлении вашего колхоза и взять справку о том, что вы и есть Савина Надежда Васильевна. Ещё раз извините. Надеюсь, вы поняли меня?

Она выскочила из военкомата обиженной: получалось, что без какой-то бумажки ей не верят! Начальству бумажка дороже, чем живой человек. Но обижаться сейчас некогда, надо быстрее в сельсовет бежать. На своё счастье, застала Петухова на месте, но тот стал кочевряжиться:

— А почему я знаю, что тебе справка нужна? Что же тебе в военкомате запрос не дали? Так, мол, и так — выдайте гражданке Савиной справку. Всё стало бы ясно и понятно. А так что с тобой делать?

— Сейчас в военкомат сбегаю. Они, должно, забыли! — и Надёжка повернулась к выходу.

Егорка остановил:

— Ладно, не ходи никуда... Что с вами, темнотой, поделаешь!

Пока он выписывал справку, она представляла себе Павла. Её муж — офицер! Это слово казалось ей загадочным, значительным, таким, что и вслух-то его страшно произнести. А свёкор-то как обрадуется, задёргает всех, окаянный. Ей аж смешно сделалось, когда вспомнила свёкра. Это надо — в Панькин Угол не поленился прийти! В военкомат собирался. Надо бы его взять — порадовался бы старик.

Выхлопотав справку, она вернулась в военкомат и, прежде чем открыть дверь, нерешительно затопталась перед ней. Счастливое предчувствие и неожиданное волнение, свалившиеся на неё, заполнили и сердце, и мысли. Дальше всё происходило как во сне: она медленно раскрыла дверь, встретилась взглядом с дежурным лейтенантом, тот махнул — мол, ступай-ступай, и она крадучись, боясь собственных шагов, пошла по коридору к знакомому кабинету. Майор ждал. Он легко поднялся со стула, Надёжка подала ему справку, но он,

не взглянув на неё, начал открывать сейф. Открыв — положил на стол две большие пачки денег.

— Здесь две тысячи, — сказал майор, поглядывая на деньги, — можете пересчитать, как и полагается в таких случаях, и вот здесь распишитесь. — Он поставил галочку на казённом бланке серой бумаги, обмакнул перо в чернильницу и пригласил Надёжку расписаться. Пока она, нагнувшись, долго подбирала букву к букве, красивый майор рассматривал её спину, талию... Когда же Надёжка положила ручку на стол, он неохотно отвёл взгляд, посмотрел роспись и промокнул пресс-папье: — Ещё раз поздравляю!

Она вышла из кабинета и пошла по коридору, держа деньги, как кирпичи; ей казалось, что её вот-вот окликнут и деньги отберут. Сидевший у выхода лейтенант подсказал:

— Деньги убрать надо — дело к вечеру идёт.

Надёжка понятиво закивала, положила деньги за пазуху, но пачки были толстые и слишком выпирали. Тогда она сняла платок и понесла их в узелке, как носят еду.

Она не шла, а летела домой и не заметила, как промахнула Пушкарскую, как добралась до расставанных вётел и испуганно ойкнула, увидев, что кто-то выбирается из ближнего отрожка. Присмотрелась — свёкор!

— Папань, чуть от испуга не умерла... Разве можно так?! — Она опустилась на траву и вдруг заулыбалась.

— Чего скалишься-то? — рассвирепел Григорий. — Рассказывай, зачем в военкомат вызывали?

Она вместо ответа развязала платок и молча показала свёкру деньги.

— Что это? — опешил тот.

— Папань, разве не видишь?

— Где взяла?

— В военкомате дали... Павел прислал!

— Пашка?! Сын мой Пашка прислал?! — Григорий заморгал, не находя больше слов от удивления, и опустился на траву рядом со снохой: — Рассказывай, девка!

Пока, захлебываясь от радости, Надёжка тараторила о том, что узнала в военкомате, Григорий повторял и повторял:

— Мой Пашка — офицер! Офицерское звание заслужил! Поди, полком командует!

Угорев от счастья, от возможности высказывать радость друг другу, они спустились с холма в село и, проходя мимо избы Кости Кривошеева, Григорий остановился:

— Стой, Надюха! Константин всю войну на брони сидит. Трактористы в МТС хорошо зарабатывают — у него должна мука быть. Что нам деньги? Давай муки купим!

И Надёжка согласилась.

Они постучали, но хозяина дома не оказалось. Открыла его худая, глазастая жена.

— Здравствуй, Авдотья, — горделиво поздоровался Григорий. — Говорят, у вас мука на продажу есть?

— Мука-то есть, да только, Григорий Тимофеевич, — хозяйка ещё больше округлила тёмные глаза, — дорогая она нынче, не всякому по карману, — и всем своим видом сказала: «Зря притащился, старик, откуда у тебя, гольтяпы, деньги?!»

Державший узелок при себе, Григорий развязал его, но деньги пока не показал:

— Чего мы в сенях стоим? Веди, хозяйка, в избу! — Григорий первым нырнул под притолоку и, дождавшись, когда войдут Авдотья с Надёжкой, выложил деньги на стол: — Вот, считай! Ровно две тыщи. На все муки давай!

Кривошеева удивлённо посмотрела на деньги, на Григория с Надёжкой:

— Вам какой же муки-то? Пшеничной или аржаной?

— Пшаничной! — резанул Григорий рукой по воздуху. — Где наша не пропадала. Гулять так гулять!

Пока хозяйка пересчитывала деньги, Григорий нервничал, жалеючи поглядывал на мелькавшие в чужих руках бумажки.

— Ну что же, — замялась Кривошеева, закончив считать, — по нынешним ценам на эти деньги могу вам продать пуд... Да и то, пожалуй, многовато — хозяин ругаться будет... Ну да уж ладно.

— Ты в своём уме? — присвистнул Григорий. — За две тыщи — пуд?! Хотя и дорогое всё нынче, но и денег много — на мешок потянут.

— Григорий Тимофеевич, я ведь вас не неволю.

— Тьфу, зараза, — плюнул Григорий. — Надёжка, пошли отсюда!

Они поспешно вышли из избы и молча прошли несколько дворов. Первой заговорила Надёжка:

— Папань, на что нам деньги-то, когда ребятишки с голоду пухнут, а сами еле ноги передвигаем! Помрём, и деньги никому не понадобятся. Разве Павел нам для того их прислал, чтобы мы кубышку набивали!

— Ловкая какая, — огрызнулся старик, — чужим добром-то распоряжаться. Сын-то мой эти деньги под пулями заработал! Тебя туда, мокрошелку, послать! Узнала бы!

Надёжка ничего не ответила. Ничего более не сказал и Григорий. Но когда прошли мост и стали подниматься на порядок, он нерешительно остановился, отдал деньги снохе:

— Ладно, иди, забирай муку, а я здесь тебя подожду. Видеть её не могу!

— Правда?! — радостно выдохнула она и быстрее к Кривошеихе, пока свёкор не передумал.

Она без стука вошла в дом, положила деньги на стол и словно попросила извинения:

— Мы согласны...

Кривошеиха пошла в чулан и принесла в избу полмешка муки и безмен. Пока она искала, во что отвесить муку, неожиданно вернулся Григорий. Он, не доверяя снохе, подержал муку на ладони, понюхал, кинул щепотку в рот, а когда хозяйка насыпала муку в мешок и стала взвешивать — проверил. Только после этого сграбастал мешок и позвал сноху:

— Пошли отсюда!

На улице Григорий быстро забылся, сделался улыбчивым, первым здоровался со встречными и всех ставил в известность:

— Здорово жили, уважаемый! Приходи сегодня к нам на блины. Павел-то денег прислал, муки вот купили! Приходи блины есть. — И, сделав впечатляющую паузу, торжественно добавлял: — Сын-то мой офицерское звание получил!

Люди недоверчиво смотрели на Григория, а он и не замечал их взглядов: говорил и говорил. А перед своим крыльцом крикнул чуть ли не на всё село:

— Мать, где ты? Принимай от сына подарок!

Сашка услышал Григория первым. Он выбежал на крыльцо, замер, присматриваясь к деду, и, убедившись, что он не пьяный, — нырнул в сени. Вскоре оттуда показалась Акуля. Григорий опустил мешок у порога, растопырил руки, поймал жену и неожиданно обнял её и поцеловал. И, странное дело: какое-то время Акуля не вырывалась из объятий, покорённая забытым обхождением, и, ещё не зная, что произошло, тоже заулыбалась и мягко спросила:

— Отец, что с тобой сегодня случилось? Толком-то рассказать можешь!

— Праздник у нас сегодня, мать! Праздник! Наш с тобой сын офицерское звание получил. Много денег прислал. Затапливай печь — затевай блины!

— Да вроде бы поздно печь-то топить... Завтра бы с утра!

— Ты что, мать, или не довольна? — с напускной строгостью спросил Григорий и шагнул в сени: — Пошли, пошли, будем блины печь!

За дедом первым увязался Бориска. Он оглядывался на мать, бабушку и восторженно говорил: «Дедыка — мнямя, дедыка — мнямя!»

Пока Акуля просеивала муку, Григорий принёс с улицы дрова, сам начал растапливать печь, торопливо и поэтому дольше обычного высекал кремнями искру, потом до боли в ушах дул на ватку и, когда она затлела, раздул пламя, подставив пучок соломы. Когда дрова разгорелись, Григорий посчитал дело сделанным и, счастливый, уселся на лавку. Глядь — кто-то в избу идёт, в сенях шебуршится.

— Заходи, кто там? — крикнул Григорий.

Только сказал, дверь растворилась, и вошёл Костя Кривошеев.

— Доброго вам здоровьица, люди добрые, — поклонился он и опустил на пол поклажу. — Ты уж, Григорий Тимофеевич, извиняй за мою бабу! Не по-людски поступила: лишку с вас за муку взяла! Раз так, ещё пуд мучки принёс. Так будет по совести. Думаешь, не понимаю, как вы бедствуете!

— Не мы одни, — вздохнул Григорий, — все так. Время-то какое!

— Вам-то особо достается без коровы... — тоже вздохнул высокий, носатый Кривошеев. — Акулина Михайловна, освободи мешок, сделай доброе дело.

Вся семья заворожённо смотрела, как Кривошеев пересыпал муку в подставленный мешок и отряхивал мучные руки. Всё походило на сказку, и не было сил оторвать взгляд от мешка. Неожиданно Акуля заплакала. Она взяла Кривошеева за руку, прислонилась к нему, запричитала:

— Какой же ты, родимец, желанный, уважительный! Меня, бабушку замшелую, по имени-отчеству величаешь! В каком-то веке я услышала имечко батюшки моего, царствие ему небесное... Садись с нами, желанный, отведай блинчика горячего, раздели радость, уважь нас, старых, уважь!

Кривошеев стеснительно попятился к двери:

— Спасибо, хозяйка, за приглашение, только идти надо — корову загонять. Она такая у нас дуроломная, на волков ещё напорется.

Было заметно, что Костя Кривошеев стесняется находиться в чужом доме, что разговор с хозяевами ему в тягость. Он и ушёл тихо, вовремя почувствовав, что сейчас им не до него. Ребята, Григорий, Надёжка — все ждали, когда Акуля начнёт печь блины, и нетерпеливо смотрели, как она забалтывает муку. Когда собралась ставить сковороду на угли, оказалось, что нечем подмазывать сковороду. Хочешь не хочешь, а пришлось идти к Елизавете — просить кусочек сальца. Слава богу — не отказала... Самый первый блин разделили на ребят: и Нинушка, сидевшая у матери на коленях, и Сашка с Бориской, топтавшиеся около бабушки, съели, обжигаясь,

свою долю, словно и не было ее. И с такой жадностью, что Григорий не смог на них смотреть и, чтобы заглушить приступ тошнотворного голода, вышел на крыльцо и закурил. Но курить не хотелось, он и на крыльце чувствовал, как пахнет в избе печёным тестом, и запах этот кружил голову. Неожиданный обморок подсёк его чувства и он, будто со стороны, увидел подошедшую сноху. Она, улыбаясь и откусывая блин, что-то говорила, а он не мог смотреть, как она ест и улыбается.

— ...Пошли, папань, в избу, — услышал Григорий голос снохи, показавшийся ему слабым-слабым. — Ребята наелись — теперь наш черед.

Пошатываясь, он пошёл в избу, сел на приступку и, когда сноха подала ему блин, ему показалось, что это Павел стоит перед ним. Григорий даже расслышал его слова: «Ешь, батя, ешь! Теперь вы с голоду не помрёте! Всегда буду помнить о вас...»

Григорий ел блины до тех пор, пока Акуля не остановила:

— Отец, передохни, разве можно столько трескать — кишки завернутся! Что тогда делать будешь?

— Не завернутся, — мычал Григорий, справляясь с очередным блином. — Чаю бы вскипятила, чем оговаривать.

— Есть когда с твоим чаем куёхтаться, если с двух сковородок блины не успеваю снимать!

— Чугунок недолго поставит.

Григорий просил чаю, но ему уже ничего не хотелось. Только спать. Наевшись, он вышел в сенцы и напился из ведра, тихо вернулся в избу, осторожно пробрался на печь, словно его могли турнуть оттуда, и моментально заснул. Проснулся среди ночи от жары, распаренный, вышел в сенцы и долго пил. Потом выбрался на крыльцо и никак не мог надышаться утренним воздухом... До рассвета Григорий просидел на крыльце, подавшись набевшим грёзам. Они сладостно грели душу, ласкали мысли и наливали тело силой. Когда под застрехой заворочались чили, Григорий пошёл будить Акулю.

— Вставай, мать! — нетерпеливо толкнул он её. — Скоро Надёжке на работу — блинков ей испеки... Да и сами поедим. Не надоели ещё, как хорошо в охотку-то.

Акуля поднималась нехотя, а Григорий не торопил: сам нарубил дров, долго раздувал огонь, воды принёс на всякий случай — и всё делал с желанием, никто его не подгонял. Когда Акуля занялась блинами, есть не спешил, радостно поглядывал, как растёт румяная стопка, и часто выбегал на улицу, смотрел, не выгоняют ли стадо? Когда же над селом раздалось хлопанье кнута, Григорий собрался на выгон.

— Мать, — поторопил он жену, — заверни-ка мне блинков в холстину! Пойду Васятку угощу и разных прочих людей. Пусть знают, что нас сын не забывает!

При упоминании о сыне Акуля неодобрительно покачала головой:

— Добрый нашёлся... Кроме сына, о тебе что-то не больно кто вспоминал!

А Григорий будто и не слышал её.

— Блинку-то каждый будет рад, — заулыбался он, — да только блин без масла — не блин. Маслица бы к нему — вот дело! Уважь, сбегай ещё разок к Елизавете, попроси!

— Фокин должен быть дома. Каково ему на глаза попадаться!

— Придумай чего-нибудь...

Вскоре Григорий шёл на выгон, аккуратно придерживая блюдо с блинами. Увидев Мать-Груньку, по привычке занявшего место на бугре перед Барским садом, поднялся к нему.

— Здорово, Васёк! Как поживаешь?

— Здорово... Я бык, а ты корова!

— Ну, малый, совсем заважничал. Помнится, попроще был... Блинков тебе принёс... Павел-то мой денег на муку прислал, денег много — ты столько никогда и не видел! Офицерское звание мой сынок получил. Это тебе не шутка, брат... А ты ешь-ешь... Павел-то в письме наказал: как деньги получите, так первым делом Васятку, тебя то есть, накормите. Чтобы до отвала малый наелся! Вот так-то, брат.

Пока Григорий подробно рассказывал, как вчера покупал муку, подошёл Мать-Грунькин подпасок — тоже за блины принялся. Тут вскоре и скотину стали выгонять. Увидев Григория, люди подходили поближе, интересовались, не надумал ли старый скотину пасти, но вместо ответа тот угощал блинами, рассказывал о сыне, и к тому времени, когда блины закончились, Павел, по словам Григория, уже командовал дивизией.

— Одного не пойму, — принародно удивлялся Григорий, — откуда у него такая хватка?! Попробуй любого каждого поставь такой силой владеть — сразу коленки затрясутся. А Павел-то справился. Ушлый он у меня! Ему грамотёшки побольше — фронтом бы поставили командовать...

Люди охотно принимали угощение, а к словам Григория не прислушивались особо: мало ли чего наговорит старик. Не болтает ничего обидного — и ладно. Некоторые, правда, завидовали и не верили, что Павел дослужился до какого-нибудь высокого чина, так — лейтенантишком каким-нибудь стал, ну, может, старшего дали, а уж разговоров-то...

Дивизией командует! Язык-то без костей... Понятно, что Григорию вслух об этом не говорили: посмеивались потихоньку, но старику до этого никакого дела. Пусть посмеются люди, а он теперь будет каждый день блины есть и пироги всякие. Вот так-то!

Вернувшись с выгона, Григорий загорелся новой мыслью: надо и на наряд сходить! Когда сказал об этом Акуле, та обозвала дураком.

— Знаю, какой есть, — миролюбиво проворчал он, — а ты всё-таки послушай меня, дурака-то... Это что же получается: те, у кого скотина имеется, ещё и блинами сегодня лакомилась, а те, у кого ничего, — шиш проглотили! Чудно получается. Так что, хочешь не хочешь, а ещё блины пеки, пока я не осерчал, а то хуже будет. Ты меня знаешь!

Повздыхав, Акуля занялась блинами, а Григорий заглянул в спальню и достал из сундука сапоги, галифе серого сукна, сшитые к свадьбе Павла, и, подумав, решил надеть сынову голубую атласную рубаху, в которой тот венчался. Она хоть и была чуток мала, зато очень нравилась Григорию. Всё хорошо — одна беда: пояска подходящего не оказалось, чтобы рубаху подобрать, но и тут старик не растерялся: порывшись, нашёл в сундуке красивую тесьму, подпоясался. Оттолкнул Акулю от вмазанного в кирпичи зеркальца, пригнулся, осматривая себя. Пока прихорашивался, пришла с пруда Надёжка, громыхнула на крыльце тазом и в доме переглянулась с Акулей. Стали смеяться на пару. От удовольствия на лавку сели.

— Чего трещите-то? — напустился на них Григорий. — Ребят, окаянные сороки, разбудите!

— Ничего, им пора вставать, — прыснула Акуля. — Дед, чем подпоясался-то?

— Не видишь разве?

— Вижу, тесьмой... Из неё бабы подвязки делают! Ха-ха-ха.

Григорий оглядел себя, потрогал поясок и сорвал:

— Смеётесь, курвы!

— Над тобой не хочешь, а рассмеёшься, — веселилась Акуля. — Уж не выдумывай, а подпояшься настоящим ремнём, коли собрался на люди идти, а то удумал.

Сконфузившийся Григорий отправился в спальню, нашёл Павлов брючный ремень и, вернувшись, закричал на жену:

— Блины готовы? Готовы, спрашиваю? Молчишь... А то смешно ей сделалось. Пеки быстреей.

Григорий не стал унижать себя разговорами с женой, вышел на крыльцо. Она сама позвала:

— Отец, ты где? Две стопки напекла! Вместе с Надёжкой иди, а то сам-то блины по дороге растеряешь.

— Ещё чего надумала? Один пойду! В поводырях не нуждаюсь!

Григорий старался идти по селу как можно медленнее. Увидев же у крыльца Густю, остановился, угостил её блином и в который уж раз за утро рассказал о Павле. Поговорив, он и далее ступал не торопясь, торжественно, но дошёл до конторы почему-то быстро. Дверь оказалась закрытой, и он уселся на крыльце. Вскоре стали бабы подходить. Они уже всё знали, но всё равно притворно удивлялись, благодарили Григория, желали доброго здоровья и ему, и Павлу. Григорий цвёл.

— Блины — чепуха... Скоро Павел шоколаду пришлёт... Вот тогда по-настоящему разговееетесь, — обещал он, забыв цену словам.

Заметив подошедшего Зубарева, Григорий поднялся с крыльца, прикрыл оставшиеся блины холстинкой, а перед председателем раскрыл:

— Угошайся, Фёдор Иванович!

Зубарев взял кусок блина, вздохнул, понюхав:

— Благодарствую, Григорий Тимофеевич! Рад за Павла — всем князевским мужикам нос утёр!

— Отважный парень, — растаял Григорий. — Он у меня ещё на финской орден отхватил... Теперь в Герои метит!

— А что, получит! — поддакнул Зубарев. — Передай, Григорий Тимофеевич, привет от всего колхоза. Напиши, что ждём. Обязательно напиши.

— Об этом не беспокойтесь, — Григорий поискал глазами среди баб Надёжку и, найдя, указал пальцем: — Слышала, что председатель говорит! Придёшь с работы, за писанину садись!

Григорий и сам хотел написать. Ещё вчера. Но решил прежде дождаться письма от Павла. Деньги, конечно, хорошо получить, но и письмо хотелось почитать, узнать, когда офицерское звание дали, какой чин присвоили, сколько звёздочек будет носить на погонах; Григорий ещё зимой слышал, что в армии ввели новую форму, и, как до революции, стали носить погоны... Ближе к вечеру, когда появилась Надёжка и хотела взяться за бумагу, свёкор отговорил (Григорий берёт тетрадные листки и выдавал их только для писем, даже на сигарки не использовал).

— Сочинять письма сейчас не время, — сказал он озабоченно, — подождём, что Павел напишет... Сперва сестре бы мучки отнесла, а то не по-родственному получается.

Когда Надёжка собралась к Вере, Григорий остановил:

— Заодно уж и в Городище сбегай... О невестке-то своей совсем забыли... Родственнички!

Упоминание о невестке стегануло Надёжку. Она и сама в последнее время не раз думала о ней, да всё недосуг было сходить и узнать, как Митины сиротиночки перебиваются. Сейчас Надёжка и радовалась за свёкра, потому что сама никогда не решилась бы нести муку из дома, и обиделась на него, подумала: «Хорошо быть добрым, когда есть от чего. А вот попробуй-ка быть заботливым, когда сам помираешь с голоду...»

Надёжка занесла Вере два фунта муки, собралась дальше бежать, а Вера не пустила одну:

— Пошли вместе!

— Конечно, пошли... Вдвоём-то веселей.

Они шли ходко, беспечно. Казалось, дай крылья — полетели бы. Не заметили, как до шоссе домчались. Хотели дух перевести и замерли, увидев на обочине какого-то крупного зверя, копавшегося в земле... Пригляделись, а у зверя человеческое обличье.

— Это Степан Васильевич, — шепнула Вера и тихонько потянула сестру за собой. Но отшельник заметил их, любопытничая, начал разглядывать, будто баб никогда не видел.

— Вижу — Митины сестрички к невестушке торопятся, — донеслись тихие, но внятные слова Степана Васильевича, — сходите, сходите — много поучительного узнаете...

Сёстры ничего не ответили, а когда немного отошли, Надёжка спросила:

— Зачем он в земле-то копается?

— Корни ищет. Говорят, круглый год ими питается. На всю зиму насушивает.

— Ему-то что не жить, — вздохнула Надёжка, — вся и забота, что самого себя прокормить.

— От хорошей жизни не будешь корешки искать! Все в этом году животы подтянули, — жалеючи вздохнула Вера.

Надёжка разговор не поддержала, и до самого Городища они молчали.

Невестка сидела на крыльце и перебирала щавель. Увидев сестёр, она сделала вид, что не заметила их, а когда те поздоровались, — глазом не повела. Вера села с нею рядом:

— Как поживаете?

— Живём — траву жуём, корой заедаем...

Тут на крыльцо вышла длинноногая и остроплечая старшая дочь и сказала так, словно похвалилась:

— А у нас Колька умер... Позавчера схоронили... — Люся села на корточки и, подперев подбородок синими ручонками, выжидающе взглянула на тёток.

Невестка заплакала, а сёстры перекрестились:

— Нюра, милая, что же ты молчишь, — запричитала Вера, — не таи горе на сердце! Расскажи — легче будет... Что подеялось-то с младшеньким? Ведь такой шустренький мальчишечка бегал...

— Он животиком маялся, — пояснила Люся, — а потом помер. Травы объелся!

— Что же вы его врачам-то не показали? — укорительно сказала Надёжка.

— Был врач-то, из Пронска приходил, — Нюра утерлась рукавом вылинявшей кофты, — сказал, чтобы утром в больницу везли... А он до утра не дожид, всю ночь есть просил... — Нюра вновь заплакала, зашмыгала носом Люся.

— Не плачь, дорогая, — Вера обняла Нюру, — мальчишку теперь не вернёшь, а у тебя ещё трое. Ради них себя пожалей. Сама свалишься, кому они нужны без матери? Мы немного муки принесли. Иди, испеки что-нибудь детям!

Нюра удивленно посмотрела на Веру, потом на Надёжку:

— Мне, муки?! Где же вы раньше-то были? Хлебушком кормитесь, а мы с голодудохнем!

— Не гневи, девка, Бога! Против совести мы ничего зорного не совершили. Это вот Надёжке Павел вчера денег прислал, она на них муки купила... Ты укоряешь нас, а у наших ребятишек по весне ноги от голода пухли! Всем несладко. В Князеве, знаешь, сколько детишек за зиму поумирало?! Страшно подумать!

Нюра сникла, Вера замолчала, и в наступившей тишине неестественно громко раздался Люсин голос:

— Мамака, чего рассиживаешься? Пойдём печь топить!

От этой просьбы-приказа Нюра поднялась, обняла Веру с Надёжкой:

— Девки, спасибо, что пришли. Не забывайте нас. Пропадём без вас, пропадём!

— И ты не чуждайся, приходи как-нибудь.

Уходили сёстры под причитания рыдавшей Нюры. Её настроение передалось, и от этого не хотелось говорить. Нахлынули воспоминания. Вере вспомнился погибший сын, и она тоже была готова разрыдаться, но крепилась, не хотела показывать слёзы сестре. У той хотя и радость на душе, но сколько же она перенесла страданий и унижений, чтобы дождаться этой радости! Да и Вере от свалившихся мучений казалось, что и она не жила иной жизнью, что вся её жизнь — сплошная война с того времени, когда себя помнит. В последние месяцы Вера ловила себя на мысли, что привыкла к мучениям, казалось, что никогда не

наступит новая жизнь, при которой не надо будет с утра до вечера думать, чем накормить детишек.

Перед Князевым Вера вдруг остановилась, опустилась на луговину, опрокинулась навзничь. Она ловила взглядом в розовеющем закатном небе мелькавших ласточек и не могла уследить за ними, только плыла голова, и хотелось пить.

— Что с тобой? — испуганно наклонилась Надёжка.

— Голова закружилась...

Надёжка сразу вспомнила себя, когда недавно лежала у шоссе, и Бирюков угостил шоколадом... Она поняла, что у Веры слабость от голода, ей что-нибудь поесть надо.

— Вера, вставай, — начала поднимать она сестру, а та вдруг сделалась неподъёмной, обмякла вся.

— Ой, что это со мной, — Вера попыталась подняться самостоятельно и не смогла. — Надя, помоги, у меня куда-то силы подевались!

Надёжка подняла сестру, подхватила под руку и повела домой. У дома их встретила Галя. Подбежала к свекрови, подхватила под вторую руку, в глаза заглядывает:

— Мамань, что с тобой?

— Ничего, дочка, ничего... Это пройдёт. Вот чуток передохну — и пройдёт.

— Ей поесть надо, — сказала Надёжка Гале. — Блины готовы?

— Я вас ждала.

— Чего же ты? Иди печь затапливай, будем вашу матушку кормить.

Пока Галя хлопотала у печки, Надёжка решила добежать до дому, узнать, нет ли чего готового. Оказалось, правильно сделала: Акуля пекла на вечер оладьи, и, завернув десяток в тряпицу, Надёжка вернулась к сестре. В избу влетела, а около Веры дочери плачут и внучок ревёт.

— Чего они? — спросила Надёжка у Гали.

— Испугались, подумали, что маманька помирает.

— А ну, что это такое?! — будто всерьёз прикрикнула Надёжка на Вериних дочерей. — Вы что размякли, а? А ну, перестаньте реветь! Моду взяли... Сейчас мы другую моду придумаем — оладушки будем есть. Оладушки тёплые, мягкие — объеденье!

Надёжка дала всем по оладушку и сама съела. Оставшиеся разделила между детьми. Пока они ели да улыбались, дрова разгорелись. Скоро и блины пошли. Подмазка плохая — осадок растительного масла, но и на таком — вкуснятина! Да такая, что разъелись и всю муку перепекли. Надёжка смотрела на детишек, на Веру, на Галю как на какое-то чудо. Чудо с ними случилось, да и только! Ведь все разговорились,

улыбаются, как в праздник. А ей, Надёжке, вдвойне приятно... Ведь вся эта радость пришла от Павла, это он, желанный, постарался.

От Виноградовых она уходила счастливая и, оглядываясь на сегодняшний долгий день, радовалась ещё больше: вспомнила, как Григорий угощал сельчан на выгоне, как задабривал баб на наряде, вспомнила, как сама побывала в Городище. Хотя у невестки горе горькое, но ведь и то, что с Верой навестили её, на пользу Нюре пошло. Разве плохо, когда знаешь, что кто-то разделит твоё несчастье, что вместо озлобления и недоверия в душе расцвела надежда на лучшее. Радовало Надежку, что и Вере помогла, вся её семья вздохнула во всю грудь. А теперь, не загадывая, может, наладится жизнь, что-то изменится к лучшему. Скоро ягоды и грибы пойдут, яблоки поспеют, груши — летом жить можно. Главное, нынешнюю голодную пору пережить!

Надёжка вернулась домой усталая, но счастливая.

Акуля с Григорием сидели на крыльце: свекровь рубила в деревянном корытце коньятник, а свёкор о чём-то мирно говорил с ней. Он, заметила Надёжка, был под хмельком, но вёл себя на удивление спокойно, пытался шутливо обнять жену, и та незлобиво отмахивалась.

— Где допоздна шастаешь? — миролюбиво спросил Григорий у снохи.

— У Веры посидела.

— А в Городище ходила? Как они там?

— Плохо... У Нюры младшенький мальчишка на днях помер. Она говорит, от живота, а я думаю, что от голода.

— Как-нибудь ещё сходи к ней, мучки отнеси, а то они все перемрут.

Акуля сразу надулась:

— Больше ничего не придумал? Добрый нашёлся! Опять хочешь по чужим людям всё раздать?!

— Какие же они чужие?!

— Они жалованье получают от государства, с деньгами всю жизнь, а у тебя появилась копейка — так ты её в распыл.

— Много ли на жалованье купишь в нынешнее время.

— Ладно, всё — поговорили! Погулял денёк и хватит. А то вырядился. Сынову рубашку за один день ухлюстал... Кавалер выискался!

— А что, пойду сейчас к Затеихе и посватаюсь. Она не скажет, что «вырядился», потому что своё ношу. Павлу эту рубаху на мои деньги шили. Я заработал!

Григорий пошумел-пошумел и отправился спать. Ему не хотелось ругаться, и поэтому он берёт в себе хорошее настро-

ение и сохранил его на несколько дней, хотя Акуля более не разрешала надевать Павлову рубаху и перестала баловать блинами, а с утра пекла мучную запеканку из конятника. После блинов на такую еду смотреть не хотелось, и Григорий всё нетерпеливее ждал от сына известий, надеялся, что Павел ещё пришлёт деньжонок. Как хорошо, когда знаешь, что за спиной кто-то надёжный стоит, — враз силы прибавляются. А от силы — уверенность в себе. Как получил Григорий деньги, так на дню по несколько раз нарочно проходил мимо фокинской избы, мол, гляди на меня, завидуй, что с высоко поднятой головой хожу! Но Фокин в эти дни словно сквозь землю провалился. Вот какая сила в деньгах! Но деньги деньгами, а Григорию хотелось получить от Павла письмо, самому почитать его, подержать листок бумаги, к которому прикасались руки сына. С зимы он не прислал ни строчки. «Разве тяжело письмишко начертать? Пустяк. Коли ранен или ещё что случилось — так и сообщи. Поймём, не дурней людей. Если мать с отцом и семья не нужны — тоже напиши. Чего же отмахиваться-то?! Или деньгами захотел отделаться? Подумаешь — деньги! У меня их в молодости перебывало пропасть. Бывали случаи — счёта им не знал... Так что деньгами нас, малый, не удивишь!» — тоскливо думал Григорий.

Недели две ждали от Павла письмо, но не дождалось, и вместо него почтальонка принесла Надёжке новую повестку. Её опять вызывали в военкомат! Повестку получил за сноху Григорий и быстрее в ригу, где в этот день работала сноха. От радости он было побежал, но бежать не смог, не хватало духу. Когда поднялся за Барский сад, сил не осталось даже на то, чтобы подойти к бабам поближе, только помахал повесткой и крикнул осипшим голосом:

— Надёха, мать твою... Иди сюда быстрее!

Та подбежала, смотрит испуганно.

— Чего глазами хлопаешь? Беги в военкомат — Павел ещё денег прислал! — Григорий поднялся с травы, шлепнул сноху по спине: — Что застыла? Держи бумагу да не вздумай к Кривошеевым за мукой заходить — у других людей купим. Не связывайся с этими крохоборами!

В один миг счастье захлестнуло Надёжку. Она спустилась к ручью, умылась, и, не забегая домой, — напрямик в Пронск. Когда добралась до военкомата, то несколько минут отсиживалась в тени деревьев, пытаясь остыть. Но чем дольше сидела, тем сильнее охватывало волнение.

Она растворила знакомую дверь, замирая от нетерпения. Молча показала повестку дежурному, и тот, молча же, вни-

мательно посмотрел на вошедшую, указал рукой на полутёмный коридор. Надёжка постучала в дверь кабинета, ей откликнулись, и она несмело вошла, робко встала у двери. За столом сидел прежний румяный майор, недавно выдававший деньги. Он встал, увидев Надёжку, одёрнул гимнастёрку и шагнул навстречу, взял из её рук повестку, указал на стул. Сам вернулся на своё место и начал барабанить пальцами по столу, задумчиво поглядывая в зарешеченное окно. Наконец, взглянул на посетительницу и сказал в сторону, будто другому человеку:

— Должен вам сообщить, гражданка Савина, что ваш муж — Савин Павел Григорьевич — совершил воинское преступление... Он незаконно переслал вам деньги, и поэтому всю полученную сумму в размере двух тысяч необходимо вернуть. Они целы?

Надёжка не поняла, что говорил военный, только вопрос о деньгах дошёл до сознания, и она, радуясь, ответила невпопад:

— Спасибо... Мы на все муки купили...

— Вы, наверное, не поняли, о чём речь, — поморщился майор. — Вы понимаете, что ваш муж совершил преступление и деньги необходимо вернуть! Вы понимаете это?!

— Понимаю... Но денег нет — мы с папанькой на них муки купили... А что Павел сделал-то?

— Ничего определенного сказать не могу. Известно лишь, что ваш муж незаконным путём переслал денежный аттестат. В настоящее время ведётся следствие. Оно и поможет узнать истину и выявить виновных... Или виновного. А деньги вы, значит, истратили? Что ж, тогда свободны. Больше вопросов нет.

— Его посадили? — глядя на майора округлёнными глазами, спросила Надёжка.

— Я же сказал: ведётся следствие и, надо думать, он находится под стражей. Ещё есть вопросы?

Она выходила из военкомата, и ей показалось, что под ней проваливается пол. Когда оказалась на улице, то весь мир действительно перевернулся, и она почувствовала, что падает в чёрную яму... Сколько времени пролежала в темноте, не знала, и, прежде чем увидеть белый свет, услышала голоса чужих людей... Она почувствовала, что кто-то посадил на скамейку, взял под руки и придерживал её, когда она начала заваливаться. Кто-то другой начал брызгать водой, но вода казалась тёплой и на лице не чувствовалась, лишь по груди и животу лилась прохладной струйкой. Надёжка открыла глаза и увидела перед собой дежурного по военкомату, незнакомую старуху и майора, стоявшего чуть в стороне.

— Самостоятельно сможете до дому дойти? — спросил он.

— Дойду, — прошептала она и поднялась, стыдясь своей слабости.

— Может, вас всё-таки проводить? — вызвался красивый майор, но Надёжка замотала головой.

Она шла домой час, а может, два. Время для неё перестало существовать. Раз за разом вспоминала, что говорил майор о Павле, но ничего не вспоминалось, только застряло в сознании, что Павел под следствием. Он сидит! И ещё вспоминался взгляд майора, когда он говорил с ней. Похоже, майор радовался тому, что произошло с её мужем, словно до этого дня Павел стоял у него на пути, а теперь перестал мешать. Она долго не могла вспомнить, где видела похожий взгляд, а, когда подходила к селу, — припомнила... Перед войной это было, в ту ночь, когда возвращалась от Павла из Егорьевска и дожидалась утра на станции... Тогда картёжники отняли у неё продукты, а когда прибыл их поезд, один, самый нахальный, жестом и взглядом показал, чтобы он сделал с ней, будь у него побольше времени.

Надёжка поднялась к своей усадьбе от ручья и, не решаясь идти в избу, сидела за двором, где на неё наткнулся свёкор, заглянувший за угол по нужде.

— Чего здесь торчишь? — удивился он. — Деньги получила?

Надёжка поднялась и молча пошла к крыльцу.

Григорий остановил:

— Стой, девка, шалишь! Рассказывай, что случилось? Никак потеряла?!

— Не было денег-то, не было... Павла посадили! — крикнула Надёжка.

— Чего орёшь? — замер Григорий. — Кто это наболтал?

— В военкомате сказали...

— Пошли в избу!

Григорий повёл сноху, как нашкодившую девчонку, — за руку.

— Вот, — подтолкнул к Акуле, — расскажи матери, а я пойду в военкомат. Смотри, если что напутала!

Григорий скинул лапти, достал из сундука сапоги. Хотел и рубаху со штанами сменить, но не стал возиться. Мыслями он уже был в Пронске. Никогда Григорий не ходил так быстро. Шёл, не чувствуя под собой ног, не слыша собственного сердца. Его чувства и тело слились в единое целое, и хотелось только одного: как можно скорей узнать правду о Павле, потому что — Григорий был уверен в этом — сноха что-то страшно напутала, поставила всё с ног на голову, да и что с глупой бабы спросить?!

Распалённый, он влетел в военкомат, узнал у дежурного, где сидит «главный» начальник, и без стука ввалился в кабинет майора.

— Я — Григорий Савин из Князева, — сообщил он и зло взглянул на майора, словно сказал: «Что, попался, голубчик!»

— Очень приятно, — приподнялся тот над стулом и представился: — Майор Цwirко. Слушаю вас!

— У вас тут сноха появлялась... Зачем же девку напугали? Еле живая домой притащилась!

— Григорий... Простите, не знаю, как вас величать?

— Тимофеев сын я...

— Так вот, Григорий Тимофеевич... Ваш сын действительно совершил преступление, дав о себе неправильные сведения... А проще сказать — подделал денежные документы. Будет вам известно, что по вручении денежного аттестата получателю мы отсылаем подтверждение в финотдел той войсковой части, которая переслала аттестат... А там, где служил ваш сын, каким-то образом подтверждение попало не в его руки или его сообщников, если были таковые, а в чьи-то другие. И... Проверили — не числится в офицерах ваш сын!

— Сами же снохе говорили, что он офицерское звание получил! — простонал Григорий.

— Да, говорил, но кто мог знать, что всё так получится? Я исходил из соображений практики.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Ждать, чем всё закончится.

— Его расстреляют?

— Не должны... Скорее всего — штрафная рота.

Последние слова майора вселили в Григория надежду, хотя он знал, что штрафная рота — это тоже почти верная смерть. Но и без штрафных рот погибают люди, а, бывает, и штрафники выживают. Это уж кому как повезёт... Мимолетные мысли о жизни и смерти отошли за тын памяти, едва Григорий вышел из военкомата и увидел на улице первого прохожего. Ужасаясь, он подумал о том, как теперь ему-то жить? Ведь вся округа знает, что его сын — офицер, денег прислал, а оказалось он — вор, хоть и не для себя крал, для него же, старика, для детей своих, жены, но всё равно — вор! И Григорий обмякшим мешком опустился на траву, по-бабьи зарыдал, представляя тот позор, который теперь падёт на его семью. Уж лучше бы сына убили, а сами все они поумирали от голода, чем смотреть теперь людям в глаза... Он всё-таки чуток успокоился, перестал разводить мокроту и вернулся к майору. Постучавшись, попросил разрешения войти и замялся у порога:

— Сынок... Ты уж не докладывай людям о нашем несчастье!

Цвирко хотел подняться навстречу Григорию, но тот топорливо выскочил из кабинета. На улице старик крутнулся за угол, попал в заросли акации и черемухи, продрался через них, обогнул механические мастерские и выбежал в поле, за которым виднелся близкий овраг, заросший орешником. Дотемна старик просидел в кустах, не желая никого видеть и слышать, а как стемнело, поплёлся Котовой ложиной домой. Пройдя ложину, через дубняк подошёл к шоссе, гонимым зайцем перемахнул её и вышел в следующую ложину — Максаккову, откуда до дому оставалось чуть-чуть.

Акуля сидела на крыльце, чёрным пнём выделяясь в зелёном свете лунной ночи. Григорий сел рядом, вздохнул.

— Добился чего? — спросила жена.

— Чего добьёшься... В военкомате говорят — Пашку в штрафную роту отправят. Он денежные бумаги подделал... У нас мука осталась?

— Зачем она в такую пору?

— Нужна, если спрашиваю!

— Фунта два ещё есть.

— Неси!

Акуля сходила в избу, вынесла небольшой, завязанный узелком мешочек, отдала мужу. Григорий взял муку и обнял Акулю:

— Мать, не горюй, проживём...

Он сошёл с крыльца и через большак направился к пруду. Чуток постоял на травянистом берегу и забросил в воду мешочек с мукой. Ещё постоял, разглядывая разбегающиеся круги, и вернулся на крыльцо, сел рядом с Акулей.

— Куда муку-то дел?

— В пруд выбросил, рыбам на прикормку. Завтра с утра пойду карасей ловить.

Акуля закрыла лицо руками, плечи её стали вздрагивать, а Григорий, ничего более не сказав, отправился в сарай спать. От внезапного поступка отлегло на душе, задышалось легче. Захотелось утешить Акулю, поговорить с нею, но нахлынувшая расслабленность приятной негой окутала сознание. Когда же Григорий собрался выйти к жене, увиденное перед глазами вдруг заставило замереть душою, затаить дыхание. Он несколько минут лежал неподвижно, боясь шевельнуться и спугнуть видение... Перед ним, как живой, на кровати сидел Павел. Григорий еле-еле узнал его: сын показался маленьким, высохшим, только усы большие.

— Ты в кого превратился-то? — шёпотом спросил Григорий. — Не болеешь ли, сынок?

Павел подвинулся поближе, внимательно посмотрел отцу в лицо:

— Обо мне чего говорить... Моя песенка спета. Как вы-то? Наелись хоть досыта? Или не успели?

— Сперва-то будто и сытно показалось, а теперь кислая отрыжка замучила... На кой так сделал-то? Или думал, без твоих денег не проживём? Значит, по-твоему, все кругом дураки, а ты умный выискался, всех обхитрил! Ловок, ничего не скажешь. Да, видишь ли, хитрость-то твоя боком для нас вышла. Как теперь жить-то нам? Ты об этом подумал?

— Бать, что-то не пойму тебя, — Павел сел поудобней, прислонился спиной к плетнёвой стене, — уж больно чудно говорить стал, как ангел небесный. Послушаешь тебя, так слезьми изойдёшь. Ты сам-то помнишь, чего вытворял?! А куда девал всё? В глотку заливал да с бабами прогуливал! А я детям своим прислал деньжонок, Надёжке, тебе с матерью. Небось, за стол-то первым сядился пироги молотить. Знаю-знаю!

— Замолчи, щенок! Изыди, сатана... Счас я тебя! — Григорий стал шарить вокруг себя, пытаясь найти что-нибудь тяжёлое и запустить в этого маленького и мерзкого человека, нахально развалившегося на его кровати, но, пока возился, человечек исчез, и сколько Григорий ни всматривался в темень, кое-где рассечённую косыми лунными лучами, ничего не увидел.

Старик затаился, дожидаясь, когда снова явится он. От ожидания душа незаметно наполнилась страхом, а заполошный стук сердца и неуёмная дрожь, от которой скрипели суставы, выгнали из сарая.

Акулю на крыльце он не увидел и принялся стучать в окно. Когда открыли, Григорий оттолкнул жену, проскочил в сенцы и в избе забрался на печь. Здесь капельку успокоился, но едва Акуля перестала ворочаться на кровати, а изба наполнилась тишиной, он услышал, что кто-то шебуршит за печкой. Чем пристальнее Григорий вслушивался, тем громче и отчётливей раздавались непонятные шорохи, и показалось, что вместе с ним из сарая перебрался он... Это предположение быстро превратилось для Григория в реальность, и старик по звуку пытался определить, что задумал давешний человечек... Григорий так извёлся, что ему уж казалось — человечек сидит рядом, в сучинке, и тарашится... Григорий попытался незаметно схватить его за шиворот, но едва шевельнулся, как тот попятился и нагло улыбнулся. От его улыбки сделалось страшно, он попытался остановить народившуюся дрожь, но ничего не мог с ней поделать и, спасаясь от при-

видения, сполз с печи, добрался до кровати, где спала Акуля, подвинул её и лег рядом, спрятавшись под одеяло. Рядом с тёплым жениным боком Григорий успокоился, но пролежал недолго. Акуля на какое-то время от неожиданности замерла, когда Григорий обнял её, а потом поднялась над подушкой и грозно зашептала:

— Что делаешь? Из ума выжил? Сейчас же отправляйся на своё место!

Григорий ничего не ответил, только ту же прижал жену, а та, не зная, что предпринять и как объяснить поведение мужа, вырвалась, сказала совсем тихо:

— Надёжку ведь позову...

Ничего не ответив, старик слез с кровати, у приступок оделся и вышел из избы. Собрался посидеть на крыльце, но вернулось недавнее волнение, и он припустился вдоль порядка, ходьбой и движением отвлекаясь от дум. Восход солнца старик встретил среди зеленеющих полей, где мало-помалу душа успокоилась, минувшая бессонная ночь отдалилась и захотелось спать. Подыскав подходящее место в укромном овражке, он забрался, словно зверь на днёвку, в кусты калины и терновника, нарвал сочной травы вместо подушки и сразу же заснул провальным сном, чистым от сновидений, а проснулся в полдень от жажды. День выдался знойным, ночная роса давно высохла, зелень полей и лугов поблёлкла, а в воздухе было тихо-тихо, как перед грозой.

Пока старик дошёл до села — упрел. Проходя мимо пруда, хотел искупаться вместе с ребятишками, но лишь ступил на мостки и, едва-едва дотянувшись до воды и окатив лицо и шею, нехотя побрёл к дому. Подходил осторожно, невольно вспомнив ночные страхи. В избе никого не оказалось, а одному сидеть в ней не захотелось. Услышав в вишнях голоса внучат, отправился к ним. Они сразу окружили, но играть с ними не хотелось.

— Мать-то приходила на обед? — спросил Григорий у Сашки.

— Угу...

— А бабка где?

— Пошла на пруд полоскать твои портки!

— Чего брешешь-то? Только оттуда... Хотел сейчас с тобой одно дельце обстряпать, но раз ты врёшь, то я другого компаньона возьму — Бориску! Правда, мой хороший?

Бориска прижался к дедовой коленке и, заглядывая ему в глаза, хотел что-то сказать.

— Мнямню хочешь? — догадался Григорий.

Бориска закивал, потянул деда в избу, а тот словно ждал этого приглашения:

— Раз так, пошли с тобой домового ловить. Пускай Сашка девку нянчит.

Григорий подхватил Бориску на руки и понёс в избу. Перед крыльцом опустил и повёл за руку. Перед тем как войти в избу, Григорий стал объяснять:

— Вот что... Ты махонький и полезешь за печку, — шептал дед внуку на ухо, — как я крикну «гони», так ты начинай кричать. «А-а-а», — вот так, понял?

Бориска понятливо кивнул и спросил:

— Мнямня?

— Конечно, о чём разговор, нам бы только домового схватить! Тогда сразу все наши беды прекратились бы.

В сенях Григорий захватил мешок, осторожно вошёл в избу, тихонько проводил Бориску в спальню, но внук не согласился лезть в тёмное запечье, а когда Григорий подтолкнул, то мальчишка заревел.

— Тебе только мнямню давай! — укорил дед. — Беги на улицу! Нужен мне такой помощник, как собаке пятая нога. Без тебя справлюсь.

Так и не сообразив, зачем понадобилось деду толкать его за печку, Бориска бочком-бочком выбрался из избы, а Григорий заткнул запечье со стороны спальни одеялами и подушками. Потом принёс со двора ведро мусора и щепок, принялся раздувать в ведре огонь, решив дымом выкурить домового, и приготовил мешок на тот случай, если вдруг запечный жилец надумает спастись бегством. Огонь в ведре разгорался плохо, хотя Григорий усердно раздувал тлеющие щепки и не заметил, как изба наполнилась дымом... Испуганный крик жены старик услышал даже через закрытую дверь.

— Горим! Помогите, люди добрые... Горим! — вопила Акуля, и, услышав её, Григорий тоскливо подумал, что всё, теперь домового не поймать.

Старик увидел мелькнувшую в дыму жену, услышал, как она отбросила крышку сундука и стала выгребать из него добро.

— Теперь по миру пойдём! Все пропало, по миру пойдём! — причитала Акуля, а Григорию от её суеты сделалось смешно.

— Бабка, чего разъездила? — негромко спросил он.

Услышав рядом насмешливый голос мужа, Акуля кинулась к нему и вцепилась в волосы:

— Что же делаешь-то, кровопивец? Из ума совсем вышел? — Акуля споткнулась об ведро, рассыпала тлеющие щепки, а Григорий уж хохотал, постанывал от смеха.

— Горишь, мать твою... Вся юбка обгорела! — кричал он, но неожиданно через малое время сказал тихо и спокойно: — А ну пошла вон... Будешь над ухом вопить, и вправду избу сожгу!

Акуля выкатилась в сени, а Григорий собрал веником тлеющий мусор в ведро, вынес за двор и затоптал. Дым из избы выходил долго. Он наполнил сени, клубами выплывал из распахнутой двери, и Григорий отправился в сарай, чтобы ничего не видеть. Ему в этот момент хотелось одного: лечь, закрыть глаза и помереть, потому что не знал, ради чего теперь жить. Ещё несколько дней назад всё в нём цвело, он мечтал о встрече с сыном, и мечты те не оставляли места ничему другому... И всё обрушилось. Сынов нет — ни одного, ни, считай, другого. Есть, правда, внуки, сноха, но старик знал, что он им не нужен. Им бы только ругаться. Он такой, он сякой, а они во всём правы. О жене и говорить нечего. Той только лаяться... Когда Григорий услышал голос пришедшей с работы Надёжки, позвал её:

— Слышишь, старуху поищи, поговорить с ней надо...

Вскоре Акуля тихо вошла в сарай, встала рядом:

— Чего звал-то?

— Слово тебе нужно сказать. Слушай и запоминай. Я помру скоро... Так ты хоронить не ходи. Не заслужила!

— Э-эх, — вздохнула Акуля, — думала, поумней что придумаешь, а ты как был брехлом, так им и остался... Помирай — слёзы лить не буду. Чего от тебя хорошего видела?! Одни матерки всю жизнь слушала да в синяках ходила!

Он и не ожидал услышать других слов, но всё равно показалось обидно. Отвернулся, закрыл глаза, найдя в себе силы промолчать. После ухода Акули ему захотелось поговорить со снохой, подсказать, как дальше жить, но она из избы не выходила, а просить бегавших около сарая ребятишек Григорию не хотелось... Вскоре их загнали спать, закрыли сени на задвижку, отгородились от него. Мол, помирай, дед, не очень-то ты нам и нужен.

Второй день Надёжка ложилась раньше всех, чтобы не видеть глаз свекрови. Старуха ничего не спрашивала, ничего не говорила о Павле, только взглядами съедала сноху, будто та виновата во всем. Надёжка же продолжала надеяться, что произошла ошибка и нужно чуть-чуть подождать, пока разберутся. С этими мыслями и уснула, а перед самым рассветом увидела Павла. Он сидел на тесовых нарах в низкой полутёмной комнате с одним подслеповатым окошком у самого потолка. На нарах она заметила ещё нескольких чело-

век, но те все спали. Один Павел, прислонившись к серой стене, о чём-то думал, а когда она встретила с ним взглядом, то встрепенулся, приподнял голову и замер, всматриваясь в одну точку.

— Пашка, это я, — шепнула Надёжка. — Долго вас тут держать-то будут?

— Чего мариновать... Завтра на отправку оформят, на перодовую. Уж быстрей бы!

— Тебя одного погонят или ещё с кем?

— Нас вон сколько...

— За что же других-то людей неволят?

— Значит, есть за что, — Павел усмехнулся. — Так просто держать не станут... Вот что... Долго тебе находиться здесь нельзя — охранники заметят. Ступай во двор и жди до утра. Нас, должно быть, на машинах повезут. Когда на машины загонять будут — тогда и увидимся, а здесь нельзя находиться — мужики всё-таки, вот-вот просыпаться начнут...

Очнувшись ото сна, она застала от обиды, потому что очень уж хотелось увидеть Павла по-настоящему, узнать, что с ним, куда повезут, на чём и с кем, но видение всё удалялось и удалялось, а когда совсем рассвело, то от него ничего не осталось. Одно щемящее чувство обиды сохлось в груди комком.

Если бы Павел знал о Надёжкиной горести, ему бы не пришлось в это утро изводиться от одиночества. Прошедшая ночь оказалась особенной среди тех дней и ночей, когда закрылась эта карусель, а наступавший с рассветом день должен был ответить на главный вопрос, мучивший последние дни: суждено ему жить или нет? К сегодняшнему дню Павел окончательно понял, что ввязался в историю до обидного глупо, хотя сперва, как виделось ему, рассчитал верно, даже и не сам рассчитывал, а знакомый писарь-земляк из штаба подговорил и убедил, что вместо убитого накануне офицера легко можно вписать другую фамилию в денежный аттестат: мол, у государства не убудет, а семью, может, от голодной смерти спасёшь! Это дело казалось верным и потому, что все подтверждения о получении денег проходят через руки самого писаря... И, надо такому случиться, от случайной пули дуры писарь в госпиталь попал... А новому человеку на его месте на всё наплевать — своя шкура ближе к телу: сверился — не значит Савин в офицерах! Когда Павла вызвали в особый отдел, он прикинулся ничего не знающим, и это ему удалось, но всё окончательно захлестнулось, когда прочитали показания писаря-земляка. После этого рассчитывать на что-то хорошее уже не приходилось.

Утром, как он и предполагал, всех четырнадцать человек, находившихся в камере, вывели во двор армейской тюрьмы, размещавшейся в бывшем провиантском складе, присоединили к группе podobных и, пересчитав по списку, посадили на машины. Везли часа два. Примерно столько же вели под конвоем. В какой-то деревушке остановили, дали несколько минут на отдых, после чего раздали винтовки и извилистой ложиной, заросшей ольшаником, вывели к передовой. Приказ объявили такой: выбить противника с господствующей над местностью высотки. Себя же вся эта сотня озлобленных мужиков заклинала одним словом: выжить! Они по одному выскакивали из ложины, рассыпались веером, и, низко пригнувшись, бежали по не паханному несколько лет полю, спотыкаясь в бурьяне, бежали навстречу ожившим пулемётам.

И Павел бежал вместе со всеми, и некстати всплыла в памяти песня о комсомольце, уходившим на гражданскую войну. Как молитву, твердил он слова из той песни: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой». А смерть вот она — рядом. Справа и слева падали штрафники, падали по-разному: кто молчком и плашмя, кто, согнувшись и схватившись за живот, кто, выронив винтовку, продолжал ползти на четвереньках, по-собачьи скуля, а кто падал, опрокинувшись навзничь, словно ударялся о невидимую стену. Один споткнулся совсем рядом, Павел хотел поддержать, но неожиданно его самого будто ударили ломом в грудь... Павел еле устоял на ногах, но через секунду ли, две почувствовал, как ноги сами собой подломились и от боли задрожали внутренности. Опираясь на винтовку, он опустился на землю, тронул на груди гимнастерку и увидел пятерню, потемневшую от крови... Слезы радости залили ему глаза. Он радовался тому, что ранен, радовался, что остался живым и видит небо, недалекий лес и рядом с собой сломанный кустик пастушьей сумки... А когда стрельба замолкла, ему послышалось журчание жаворонка и вспомнилось родное село... Мать вспомнилась, отец, Надёжка, детишки, и он шептал им, как будто они стояли рядом: «Вы не пугайтесь раны моей. Главное — живой и вину свою искупил. Теперь в госпитале полежу и к вам приеду, сейчас отпускают после ранения. Это не сорок второй год!» — «Что ж, сынок, — нагнулся к нему отец, — позор ты большой навлёк на нашу семью, но что поделаешь. Переживём. И не такое лихо переживали. Не каждому суждено прямой стёжкой ходить... Ты только крепись, не поддавайся болячке...» — «Я креплюсь, батя, теперь для меня главное много крови не потерять...» Павел попытался разорвать нательную рубаху, но сил не хватило и стало тошнить. Когда

полегчало, он почувствовал, что лежит на чём-то горячем, и, еле дотянувшись до бока, ощутил под собой сгустки крови. От испуга он на какое-то время потерял сознание, а когда очнулся, то вместо синего неба увидел над собой большую серую скатерть...

За день Павел неоднократно терял сознание, в нём пропало ощущение реальности, он находился в неопределённом состоянии, когда ничего не хотелось. Заставлял себя ни о чём не думать, считая, что этим сбережёт силы, и продолжал ждать, когда стемнеет и придут санитары, окажут помощь.

В сумерках, когда не так страшны пулеметы ближайшего дота, санитары действительно поползли к раненым, но на затихшего к этому времени Павла никто не обратил внимания. Для него, ещё задолго до захода солнца, наступила багряно-красная ночь небытия.

Через два дня неприятеля всё-таки выбили с высоты, а к концу второй недели в Пронск пришло извещение о смерти Павла. Получив похоронку, новая почтальонка, как и приказывал Егорка Петухов, принесла её в сельсовет. Петухов с некоторых пор все приходящие на территорию вверенного сельсовета извещения сортировал и, в зависимости от степени заслуг того или иного погибшего, поручал «доводить», как он выражался, извещения членам сельсовета или, в особо важных случаях, уполномочивал себя делать скорбные заявления от лица Советской власти. На этот раз был краток:

— Это враг народа! — сказал он почтальонке. — Отнеси сама.

Но почтальонка, знавшая, как и все в округе, о случае с Павлом, не посмела в одиночку отнести извещение Савиным. Дождавшись вечера, она пришла к Вере и, вызвав её из дома, не взглянув в глаза, подала извещение:

— Вот вашей Надьке прислали...

— Что это?

— А ты прочитай...

Вера опустила на ступень крыльца, глотая слова, начала читать:

— ...Сообщаем, что ваш муж, рядовой Савин Павел Григорьевич, умер от тяжёлой раны... Похоронен в Калининской области, Шитинском районе, в пятистах метрах от деревни Ломоносово на опушке леса под берёзой...

Прочитала Вера извещение до конца, и вспомнилось ей, как получила она когда-то такую же бумагу на Фёдора, сына своего, и сил не нашлось сдержать себя, и слёзы полились сами собой. Вера не заметила, как осталась одна, и ещё долго сидела, не находя сил тронуться с места. Потом вдруг ей сде-

лалось страшно. Она совсем не знала, как сообщить сестре и успокоить её. Одна так и не решилась пойти к Савиным, сходила за Густей. Что ни говори, а вдвоём уверенней чувствуешь. А Надёжка, когда увидела и родную сестру, и двоюродную, — повалилась им навстречу, выхватила бумагу у Веры, пыталась прочесть и не смогла, рухнула на пол... Через несколько минут, нарыдаввшись, она отдышалась, поднялась на ноги, поглядела на сестёр шальным взглядом и сказала, не глядя на них:

— Девки, соберите деньжонок, к Павлу поеду...

Вера взглянула на сестру и схватилась за голову:

— Да ты смеяться, никак, вздумала над нами?! Денег ей... К Павлу поедет! Ты в своём уме-то?! А детей на кого бросишь? Совсем осиротить хочешь!

— Не дадите, пешком пойду, поползу, а побываю у муженька на могилке...

Надёжка выскочила на крыльцо, словно действительно собралась в путь, но Вера задержала, повисла на шее:

— И не вздумай, куда не пошу! Ловкая выискалась. Вот закончится война, и съездишь, поклонись, а в нынешнее время и думать не смей об этом. Все бы так раскатывали! Совсем с ума спятила!

Вера затолкала Надёжку в сенцы, Густя помогла. Вдвоём они окружили сестру и не пускали её, а та повторяла и повторяла:

— Уеду, всё равно уеду...

На шум вышел заспанный Григорий и, взглянув на баб, всё понял без слов. Когда же из сеней выкатилась Акуля, то у Григория уже не хватило сил слушать бабий крик. Зажав извещение в руке, он шмыгнул в сад, забился в вишеник и там, никому не показывая слёз, отвёл душу, выучив его до последней буковки. Он не знал, долго ли выли бабы, потому что просидел в кустах дотемна, стыдясь показаться на людях. Ему виделось, что все они узнали раньше его, что Павел погиб в штрафной роте, и теперь, чуть что не так, будут тыкать пальцем: у них, мол, вся порода такая — разбойники!

И наступившей ночью Григорий решил обмануть всех, загоревшись желанием иметь нового сына. Он не будет похожим ни на Ивана, ни на Павла, он будет особым, ничего не будет знать о жизни своего отца, а чтобы ему никто ничего не рассказал, он, Григорий, вместе с Акулей уедет из здешних мест. Куда-нибудь в Сибирь или ещё дальше. Эта мысль так обрадовала старика, так вознесла над миром, такую благодать опустила на душу, что он решил сейчас же идти к Акуле. По времени домашние должны были спать, хотя Надёжка ныне

наверняка быстро не уснет, но если это будет так, то и тогда Григорий знал, что делать: нужно заманить Акулю в сарай... Так и решил действовать. На его удачу, дверь в сенцы оказалась открытой, он тихо прошёл сенями, потянул на себя избяную дверь, и удивенное разочаровало его... Акуля с Надёжкой стояли на коленях перед зажжённой лампадкой и шептали молитвы. «Бу-бу-бу...» — передразнил в душе Григорий баб, но всё-таки опустился рядом с ними на пол и, поглядывая на жену, отбил несколько земных поклонов. На большее терпения не хватило и, раздосадованный, он ушёл в сарай. Там немного успокоился и решил всё-таки дождаться, когда бабы улягутся, но не дождался: до самого рассвета они так и не прилегли. А к утру Григория самого сморило, даже не слышал, как сноха на работу ушла. Только помнил, что косой гремела... Косить-то в нынешний год начали намного раньше обычных сроков. Как решил Зубарев на правлении, так и сделали: раз мужиков нет, а без них, если косить в срок, бабы до уборки хлеба не управятся. Ни за что.

Надёжка уже возвращалась из лугов, когда увидела бежавшего навстречу Сашку. Она сразу и не придавала его появлению значения, её мысли со вчерашнего дня были только о Павле, только о нём. Ругала себя, что поддалась уговорам сестёр и не ушла в Хрущёво. Пусть не было денег, она бы и без них доехала, по извещению. А ось, никто не посмел отказать, а отказали бы, на крыше поезда приютилась, сейчас не зимнее время... «Вот погодите, — заочно грозилась она сёстрам, — соберусь на днях и тайком уеду! А то заботливые нашлись!»

А Сашка тем временем подбежал, за подол начал тащить, даже отругал:

- Чего еле плетёшься? Не знаешь, что дед помирает!
- Откуда же мне знать? Что с ним?
- С печки упал и всё нутро оборвал... Еле дышит.

Она пошла быстрее, но после бессонной ночи, свалившихся переживаний — не было сил быстро идти, ноги подламывались. А как доплелась до избы — Акуля бежит навстречу, вся в слезах.

— Дочка моя милая, за что же горя на нас великие сходят, — запричитала старуха. — От одной раны не успели оправиться — новое несчастье! Дед расшибся... Он чего удумал-то? — Акуля приглушила голос, перестала всхлипывать: — Ты когда косить-то отправилась, я хозяйством занялась, потом ребяташки поднялись, накормила их кое-чем, и они на пруд убегли карасей кошёлкой ловить, ну а я всё по хозяйству топчусь... Щавель вчерашний решила убрать. На печь-то толь-

ко забралась, глядь — дед наш откуда-то появился, говорит: «Ложись, мать, — сына буду делать!» — и юбки у меня задирает — рехнулся старик! Ну, я, как ты думаешь, брыкнулась, толкнула его, чтобы не лез, а он на пол-то — хрясь и лежит, стонет. Я-то и говорю: «Хватит притворяться!» А он жалобно так отвечает: «Всё, мать, пропал теперь — жила нутряная лопнула!»

— Где он сейчас?

— На полу в избе лежит, разве подниму его!

Надёжка оставила Акулю и, турнув в сенях подвернувшегося Сашку, — в избу. Дверь раскрыла, а Григорий у самых приступок скособочился.

— Папань, что с тобой?

— Всё, девка, конец мне... За попом сходите, причастие хочу перед смертью принять.

— Папань, тебе на кровать перебраться надо!

— Нету сил пошевелиться...

— Помогу... Может, ещё кого-нибудь позвать?

— Не зови, нечего народ смешить. Сам попробую подняться...

Старик медленно подтянул ноги, потом долго и мучительно поднимался на дрожащих руках, а когда Надёжка хотела помочь, Акуля, наблюдавшая из сеней, остановила:

— Не надрывайся с ним! Он от своей дурусти погибает, а ты ради чего хрип гнёшь?

— Не слушай ведьму... Дай-ка мне руку... Вот так, вот так... Хорошо...

Григорий еле-еле поднялся с пола, переломившись в животе, добрался до кровати и тяжело осел на неё. Он был бледен, лоб покрыла испарина, а взгляд испуганный и тоскливый.

— Вы чего стоите-то, кого ждёте? В церковь идите! — отдышавшись, напомнил Григорий, посмотрев на сноху. — Да прежде попросите лошадь у Зубарева. Может, даст. Скажите, что последний раз старик просит. Ради Христа попросите, а то попы не любят пешком ходить — им тарантас подавай...

Вскоре бабы ушли какая куда, и старик остался один. В тишине он быстро забылся, а очнулся от чьего-то озорного голоса, распевавшего похабную прибаску. Прислушавшись, Григорий узнал Сашку:

*Дед с печки упал прямо на бабуся,
А бабуся родила девочку Марусю...*

Григорий опешил, потому что сразу догадался, что прибаску внук поёт о нём, но не мог понять, откуда Сашка всё

узнал?! Это его удивило, а не прибаска. Помнится, он в детстве распевал точно такие же... Григорий позвал Сашку, но с улицы его никто не услышал. Неожиданно внук появился в избе сам: заглянул в кухню, сунул за пазуху щавелевую лепёшку и хотел улизнуть.

— А ну, стой, кошачья душа! — остановил дед. — Это ты недавно пел под меня?! От кого слышал?

— Ни от кого...

— Ухи ведь оборву, если не скажешь!

— А чего я! Это дядя Фокин научил...

— Почему сразу не сказал? Всё выкрутасничаешь! Ладно — беги на улицу, но если ещё услышу, то встану...

— И не встанешь, и не встанешь... — Сашка показал деду язык и на всякий случай быстрее за дверь.

«Ах, змей, — думал Григорий о Фокине, — радуешься, значит, смерти моей ждёшь! Нет в тебе угомону, вражина. Но не думай, так просто не помру — прежде тебя по миру пушу, узнаешь, как насмеяться!»

Мысль о мести родилась сразу, как только старик вспомнил, что Акуля прячет за божницей коробок с несколькими спичками.

Сегодня, сейчас, прежде чем умереть, он подождёт Фокиных, ни дна им, ни покрышки, пустит по ветру всё, нахапанное ими за войну. Только для этого нужно добраться до божницы, взять спички, но Григорий чувствовал, что ему это не под силу, надо кого-нибудь просить. И спешить надо, а то Акуля заявится или Надёжка приедет. На дедову радость, в избе опять показался Сашка:

— Санёк, — позвал Григорий, — должно знаешь, что мать за попом поехала?

— Знаю, только не за попом, а за батюшкой, понял?

— Ладно, ладно — не ругайся... Вот о чём хотел попросить тебя... Сделай доброе дело — зажги лампадку, а то батюшка приедет, а лампадка не горит. Нехорошо.

Сашка внимательно посмотрел на деда — не устроил ли подвоха? — и пошёл к иконам. Забрался на лавку, с неё на стол, начал искать на божнице спички. Нашёл. Со второй спички зажгёт лампадку и хотел коробок убрать, но старик остановил его:

— Ты это... Спички-то мне отдай, покурить захотелось.

— Умный какой! Бабка спички бережёт, чтобы огонек у икон по праздникам зажигать, а ты их на табак будешь тратить!

— А хочешь, вместе покурим, пока никого нет?

Сашка посмотрел недоверчиво:

— Не обманешь?

— Чего уж обманывать, когда ты почти мужиком стал. Я в твои годы, знаешь, как смолил! Давай сюда спички и табак неси.

— А матери не скажешь?

— Главное, чтобы ты не проболтался, а у меня всегда язык на замке. Сам знаешь.

Обрадованный Сашка отдал спички деду, принёс из сарая кiset с махрой, наполовину перемешанной с крапивой и дубовым листом. Григорий долго слюнявил сигарку, а когда склеил, то предупредил внука:

— Как хочешь, а для начала разрешу тебе только разок курнуть. Много нельзя, а то помереть можешь.

Сашка был согласен на любые условия, лишь бы по-настоящему покурить, а когда, хватанув дыма, закашлялся, то неожиданно обиделся на деда, когда тот улыбнулся:

— Чего смеёшься? Вот дурень... — и выбежал из избы.

Григорий этого и ждал. Он медленно сполз с кровати, кое-как выбрался в сени. Чтобы не привлекать внимания ребятни, как назло возившейся у дома, старик вышел через заднее крыльцо и за двором сел отдохнуть, потому что совсем не осталось сил, а идти ещё далеко: нужно перейти заросший зелёным бурьяном свой огород, как-то перебраться через соседскую городьбу, а дальше по витой картофельной ботве — тоже несладко. Но это Григория особо не пугало: спички в кармане, вот только бы сил хватило... Держась за живот, он долго-долго шёл через бурьян, прислушиваясь к себе и чувствуя хлюпанье в нутре. Но ничего — кое-как добрался до городьбы, вцепился в жерди, передохнул, а когда стал перелезать, то неловко упал и сам подняться уже не смог: перед глазами поплыли красные круги, и пот залил глаза. Старик заплакал от беспомощности, от обиды... И сразу сознание помутилось. Фокинская усадьба — такая близкая! — перевернулась, сползла под бугор, к ручью. Хотя и неясно, но ещё некоторое время старик видел окружающий мир, а когда опять захотел ползти к чужой усадьбе, сознание оставило его. Когда же следивший за ним Сашка подбежал и спросил: «Деда, ты чего развалился?» — Григорий внука уже не слышал.

— Дед, а дед, — начал он тормозить его, — чего притворяешься? Всё равно не напугаешь! Ишь прищурился-то!

Сашка сидел около деда и ждал, когда тот перестанет притворяться, а как увидел вернувшуюся Акулю — к ней побежал.

— Что с тобой? — всколыхнулась она.

— Там дед лежит, затаился... — показал он в сторону фокинской усадьбы. — Притворился, что умер!

— Чего мелешь?

— Сама посмотри!

Долгим воплем огласился порядок, когда Акуля увидела Григория неподвижным. Тяжело было узнать о гибели сына, но в ту смерть пока не верилось, а старик, вот он, рядом лежит: ни глазом не поглядит, ни слова не скажет.

— Отец, ты на кой же так сделал-то? На кой, спрашиваю? Я ведь уж в Высокое сбежала, Марью позвала. Она ведь все внутренние болезни заговаривает! Ты чего не дождался-то? Или обиделся на кого? На меня, дуру старую, чего обижаться. Я всю жизнь такая. Прости меня, прости ради Бога... — разговаривала Акуля, как с живым; Сашка, взяв за руки Борису и Нинушку, стоял за её спиной, и все трое ревели в один голос.

К тому времени, когда Надёжка привезла священника, собравшиеся старики перенесли Григория в избу, Елизавета обмыла покойника, одела в голубую атласную рубашку и серые галифе. Если бы не полотенце, которым накрыли Григория, то можно было подумать, что он вот-вот поднимется с лавки и, оглядев всех, скажет: «Вы что, мать вашу в кривую ногу, рассопливились? А?»

Отвезти священника вызвался соседский старик. Отвяжав мерина от крыльца, поудобней усаживаясь, он робко вздохнул, словно извинился за Григория:

— Без причастия умер! Каково ему будет там?

— Бог воздаст всем по заслугам... — многозначительно изрёк священник и отвернулся, и до самой Нижней слободы больше не проронил ни слова.

Хоронили Григория на следующий день. Могилу выкопали рядом с Ксенофонтом Михайловичем. Как и вчера, священник был хмур, отпевал покойника будто по принуждению, а когда Акуля сунула ему три червонца, занятых у Елизаветы, то повеселел, заулыбался, а после поминок, пропустив стопочку и другую, и вовсе разговорился.

Едва разошёлся народ, и Акуля со снохой разобрались с посудой, как на обеих навалилась тоска.

— Как жить-то будем? — то ли пожаловалась, то ли спросила Акуля.

А Надёжке самой неведомо. Промолчала. Что говорить, когда вместо мыслей — горечь на душе, пустота. Жить не хотелось.

Очень быстро прошли одни поминки по Григорию, и следом вторые. Поминали старика компотом и печёными яблоками. Компот варили из груш, чтобы казался послаще. Яблоками и грушами и сами питались после поминок. Сашка,

правда, прилачился ходить с Бориской на пшеничное поле за Барский сад и осмыгивать колоски. Когда же их поймал косорукий объездчик по прозвищу «Не расти трава», то Сашка из осторожности в поле стал ходить один. Сам, конечно, наедался до отвала, а брату с сестрой приносил мягкого зернца чуть-чуть, но на него не ругались: себя кормит — и то хорошо.

Чем длинней вытягивалась череда дней, тем сильнее подступала безысходность и обречённость. Не осталось сил надеяться на что-то лучшее, потому что за два года войны столько порушилось надежд, столько сладких грёз похоронено в постоянном ожидании, что жизнь окончательно пошла самотёком и невозможно было в ней что-либо изменить.

За работой дни летели — не догонишь. Чем ближе к осени — тем быстрее. В конце августа кое-кто стал выкапывать картошку. Савиным же о картошке никакой заботы — не сажали. В полях к этому времени зерновые скошили, часть снопов успели обмолотить, часть дожидались очереди около риг. Накрутившись у молотилки или намахавшись цепом, Надёжка приходила домой и спешила залезть на печку. Засыпая, она всякий раз думала, что так и не съездила к Павлу на могилку, заработалась, совсем закружилась.

Незаметно для себя, она стала жить иной, особой и тайной жизнью. В этой жизни всё казалось ясным, никто не просил еды, никто ничего не требовал. Всяк жил тем, к чему оказался привычным. Она набиралась сил, когда случались такие дни, ждала их и радовалась, хотя ничего особенного не происходило: это были обычные сны. Чаще всего виделась с Павлом. Она встречала его, уставляла стол вкусной едой. Если ребята не спали, тоже садились за стол, тут же старики радовались. Надёжке делалось смешно, когда Григорий начинал угощать Акулю: то пирожок ей положит, то яблочко мочёное, а та и глазом не ведёт, будто давно привыкла к такому обхождению. Она посмотрит на них, и самой хочется сделать что-нибудь приятное — за Павлом начнёт ухаживать. У того тоже радость: схватит Нинушку и ну подбрасывать — развеселится, раскраснеется, начнёт Бориску на себе возить, а Сашке завидно — крутится вокруг отца, крутится, пока тот не скажет: «Залезай и ты заодно!» Вот веселье-то! Глаз не оторвёшь...

Иногда Надёжке снился кто-нибудь из соседей, чаще всего Фокины. Как-то привиделась сноха их Василиса: зашла и ну плакаться. «Ты чего, девка?» — спросила Надёжка. «Хорошего мало, — начала та гнать слезу, — свёкор житья не

даёт, из дома гонит, говорит: «Война скоро кончится и сын мой вернётся... К тому времени, чтобы твоим духом тут не сквозило! Справную девку ему найдём, а ты порченная, гниль в тебе!» — «Ну и гад!» — крикнула Надёжка, да так громко, что от собственного крика очнулась, выглянула с печи, будто Василиса действительно пришла в гости, а вместо неё Акуля и ребята за столом сидят, как ни в чём не бывало, едят что-то и все удивлённо смотрят на неё. «Глазейте на здоровье, — подумала Надёжка, — мне от вас не тепло и не холодно! Чем глаза-то пялить, к столу бы позвали. А то Надёжка им только успевай зерно таскать, а с кашей-то они и одни управляют-ся. Ишь как скулы трещат! Смотреть на вас не хочу!» Она отвернулась, закрыла глаза и попробовала забыться, но голос Акули поднял, порадовал:

— Есть-то будешь сегодня? Или опять не емши ляжешь?!

— Мам, — позвал Сашка, — иди к нам. Пшеничка хорошо упарилась — объеденье!

Надёжка вроде повеселела, а за стол села — аппетита нет, будто только что пирогов с вареньем наелась или ещё чего вкусного. Хотела развеселиться, разогнать гнетущие мысли о Павле, но так и не смогла. Позже молчком забралась на кровать, притворилась, что уснула. Через какое-то время и правда задремала и увидела себя будто со стороны в большом и высоком зале... Множество ступенек уходило в глубину зала, ступеньки возвышались до потолка, и она замерла, когда увидела на самой верхней свёкра, а справа от него Павла. Оба — в белых одеждах до пят, и одежды колыхались, словно на ветру. Отец с сыном начали спускаться по ступенькам, она всё отчетливее видела их лица, а Павел — как живой! Улыбается, радостно поглядывает на отца. «Вот счастливые!» — позавидовала Надёжка... Когда осталось несколько метров, они остановились. Свёкор выбросил руку из складок, перекрестился и спросил:

— Как поживаешь, дочка? Как внучата, не шалят?!

Она не знала, что ответить. Необыкновенная робость заполнила душу. «Что с ними произошло? — терзалась Надёжка. — Почему они так одеты и так странно ведут себя?»

— Милая моя, — Павел подошёл совсем близко, — разве не слышишь отца? Почему молчишь? Или, может, и со мной тебе не хочется говорить? Отвечай, жду! — Павел хотел ещё что-то спросить, но оглянулся, заметив спускающегося по ступенькам человека.

Оглянулся и Григорий. Надёжка взглянула туда, куда смотрели они, и узнала в приближающемся человеке брата Дмитрия. Он поздоровался, и все мужчины сели на ступеньку. Она

увидела на всех смешные нездешние сандалии, державшиеся на слабых тесёмочках, хотела спросить, почему они столь легко одеты и обуты, но новый человек, спускающийся по ступеням, привлёк внимание. Он был высок, молод... Верин сын! Фёдор! И он здесь... Следом за Фёдором, отдуваясь и с опаской ступая по крутым ступеням, показался Ксенофонт Михайлович. Увидев его, Григорий встал, шагнул навстречу, и они по-братски обнялись, расцеловались.

— Проходи, друг, — пригласил Григорий. — Посидим, поговорим. Когда ещё вот так встретимся! — Они спустились к людям, присели.

Надёжка не понимала, зачем собираются умершие, что за интерес вместе колготиться? Ведь если созвать всех погибших и умерших за войну сельчан, то и места не хватит. А если со всего района собрать, области, со всей страны? Только подумала, глядь — ещё кто-то прыгает по ступеням. Пригляделась — не узнать. Мужчины тоже переглянулись.

— Ты кто? — сердито спросил Григорий.

— Вот и забыл, отец... Помнишь, у вас кавалеристы постоем стояли? Я один из них. Ты ещё ругался на меня...

— Вспомнил! Как беса рыжебрового не вспомнить... Погоди, а ты зачем к нам прилепился? Мы тебе не компания. Ты ведь с фронта живым вернулся. В сторону отходи!

— Отец, не спеши отпихивать... Верно говоришь, что живым вернулся, да только всегда не может везти... Той же зимой я в прорубь провалился — до весны подо льдом жил, а как лёд сошёл и растеплилось — не помню, что со мной стало: должно быть, рыбы расклевали...

— Ладно, — вздохнул Григорий, — тебе не позавидуешь... Проходи. Наш.

Не успел рыжебровый присесть, как на лестнице ещё кто-то показался. Пригляделась Надёжка — а это плотник Пантелей Иванович семенит. Тот самый, что в прошлом году народ на помочи собрал поправлять обвалившуюся избу.

— Иваныч! — обнял Григорий старика. — Что же припозднил?

— Работы много. Забыл, что война идёт — горя одни кругом!

— Не переживай... Слышал, как немцу под Курском и Орлом сопатку набили? Считай: под Москвой — раз, на Волге — два, а сейчас — три! Трижды по-настоящему лупцевали. Теперь ему не удержаться. Погонят вспять, поверь мне!

Пока мужики разговаривали, ещё кто-то подошёл — коротко стриженный. Приглядевшись, все узнали непривычно похудевшего Бирюкова.

— А тебя кто звал? — спросил Григорий у первого секретаря. — Опять шоколадом станешь хвалиться? Вон как сумка-то распухла. А ну покажь! — Григорий подступил к Бирюкову, не церемонясь, расстегнул полевую сумку и действительно достал несколько плиток шоколада: — Неплохо живёшь!

— Зачем вы так? — опустил Бирюков глаза. — Меня уж полгода в живых нет. Цвирко ещё в мае повестку доставил. А шоколад трофейный. Ешьте, товарищи, угощайтесь!

— Бать, — шепнул Павел отцу, — зачем же так говоришь-то? Ведь заберут после таких слов, сегодня же захомутают!

— Нет, сынок, нам теперь ни одна власть не страшна! Чего они с мёртвыми сделают!

— С нами-то ничего, а вдруг начнут семью притеснять?

— Эх, вы, — покачал головой Бирюков, — какие у вас, товарищи, наивные представления о людях, о жизни! Вы горды замечать только плохое, а того не знаете, что за те несколько лет, пока был первым секретарём в вашем районе, я постарел на полжизни, семью потерял. Будет вам известно — у меня сын на фронте погиб. Пошёл вместо него, и меня не стало...

Бирюков замолчал, молчали и все остальные, и в наступившей тишине отчетливо раздался стук солдатского ботинка. Все оглянулись на ступеньки, а по ним что-то небольшое прыгает, и тоже в белой накидке. Когда предмет приблизился, Григорий поднял руку:

— Стой!

Предмет остановился и оказался человеческой ногой в обмотках.

— Ты чья? — спросил Григорий.

— Я — нога Егора Кирьяновича Петухова... Он сегодня председательствует на исполкоме сельсовета, поэтому вместо себя послал и сказал на дорогу: «Ты по всем правилам потерянная нога и мне за тебя не стыдно, а поэтому иди и достойно говори от моего имени!»

...Надёжка не почувствовала, как проснулась. Её бил озноб. Подошедший Сашка поднял свалившееся одеяло и повзрослому укорил:

— Развалилась голышом... Простыть захотела?

Она ничего не ответила, а продолжала жить той жизнью, какую видела во сне, и очень сожалела, что не успела проститься с Павлом... На работу собиралась, словно в угаре, а когда жевала размоченные в кипятке сушёные яблоки, то заполошный Сашкин крик окончательно привел её в себя.

— Мамка, мамка — грачи прилетели! — кричал он, растворив дверь. — На берёзах каркочат — иди, посмотри!

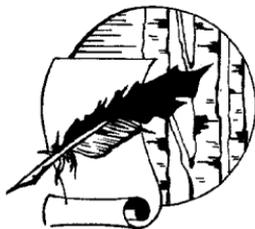
— Какие грачи?! — шумнула на внука Акуля. — Их весной-то не было, а теперь... Закрой дверь — заморозишь всех!

Но Сашка не отставал. Он схватил мать за руку и потянул за собой. Действительно, все берёзы на Бутырском порядке оказались усеянными большими чёрными птицами. Откуда их столько взялось?!

— Кыш, вороньё поганое, кыш, — замахала на них Надёжка, но её слов птицы не слышали из-за собственного грая. Казалось, что они радовались поднявшемуся ветру и лиловой снеговой туче, заслонившей полнеба... На малое время ветер успокоился, но новая плотная волна принесла и закружила крупный, липкий снег, кинула в лицо. Сашка испуганно прижался к матери. Молчал. Вскоре из избы пришли полуодетые Бориска с Нинушкой. Надёжка взяла их на руки, прижала к себе, стала целовать и зарыдала... За всю войну она не пролила ни слезинки, а сейчас не могла и не хотела сдерживать себя...

А снег всё валил и валил.

Шла новая зима.

Василий КАЗАНЦЕВ

К 80-летию поэта

УТОЛИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

* * *

Я косой на рассвете бренчу.
Я косу на рассвете точку.
Я гоню по её острию
Сизоватого блеска струю.
Ветер свеж, и поляна свежа.
И коса напевает, дрожа.
И остры, как сверканье росы,
Запах трав и звучанье косы.
Знойный полдень. Спустившись к ручью,
Я бруском по железу бренчу.
Раскалённая солнцем коса
Тонко-тонко звенит, как оса.
Всё сомлело, сгорело дотла.
Тонким паром роса изошла.
Но — свежее ещё и острей
Звон пронзает и пахнет пырей.
Тихий вечер склонился к плечу.
Я бруском еле-еле бренчу.
Разжимается вяло ладонь.
И в косе пропадает огонь.
Но — ещё неотступней, чем в зной,
Травы мёд источают густой!
И — звончей, чем в дневные часы,
Разливается пенье косы!

* * *

Упало дерево в траву.
Я подошёл к его вершине.

Устало приподняв главу,
Оно ещё витало в сини.
Листва ещё не пала ниц.
А всё ещё была в паренье.
Несмятая — как оперенье
У только что убитых птиц.
Она ещё свежо дышала.
Жила. Высокая душа
У самых ног моих лежала,
Доступностью своей страша.

* * *

Как по деревне танки шли!
Как клацали, как грохотали
Плывущие поверх земли
Зазубренные глыбы стали.
Они не шли во весь опор —
Им узкий коридор был тесен.
Но как могуч был их напор,
Как непреклонен, как железен.
Ровняя жёсткие строи
В сгущающемся напряженье,
Шли не чужие, шли свои.
И не на битву — на ученье.
Избушки, сбившиеся в ряд
Пред медленным, железным рядом,
Пугливо сжались. Дрогнул взгляд
Под медленным железным взглядом.
К земле прирос. Ну что же вы,
Как виноватые, стоите,
Поднять не смея головы?
Кричите же «ура», кричите!

* * *

Это никогда не надоест —
Листьев неумолчное плесканье,
Мреющих, бессмертных звёзд блистанье
Иль, как раньше говорили, звезд.
Это не наскучит никогда —
Плавная неправильность сугроба,
Ровная законченность плода.
По земле идущая дорога.
По песку бегущая вода.

* * *

Как жизнь, скажите, в поезде идёт?
Кто спит, кто бодрствует. Кто ест, кто пьёт.
Одновременно стучают колёса.
Одновременно крестик-самолёт
Квадрат окна пересекает косо.
Одновременно радио поёт.
Игривый ветер распушает крону.
И девушка проходит по перрону.
Смотри, смотри — сейчас она пройдёт.
Кто ходит, кто сидит. Кто ест, кто пьёт.
В окне закат багряный догорает.
Одновременно радио играет.
И мысль томится. И душа страдает.
И быстрое пространство пролетает.
И время безвозвратное течёт.

ПРОРОК

Когда божественный глагол,
Как гром внезапный, разразится,
И смертно потрясённый дол
Взликует и преобразится,
И свет произойдёт из тьмы
И возблестит, на землю рушась,
И, словно холодок зимы,
Проникнет внутрь священный ужас,
Возвысившийся над людьми,
В пьянящее соседство Бога
Почти вступивший, не возьми
Ты на себя излишне много.
Ты не сочти из простоты
Мгновенного, гордыней болен,
Что волен слышать голос ты
И голоса не слышать волен.

* * *

— И плащ, и посох в тягость мне...
Но горше, тягостней стократно —
Угль негасимый в глубине.
Он — жжёт... Возьми его обратно!
И он мне грудь мечом рассёк.
И прокатился гром в пустыне:

— Забудь свою печаль. Отныне
Ты — не пророк, но человек.
Стояло солнце высоко
В пустыне мёртвой, безглагольной.
И стало на душе — легко.
И стало — безгранично вольно...
Взмахнул крылами. И пропал.
Вихрь прошумел в могучем взмахе.
Хотел шагнуть я. И... упал.
Лежу — подкошенный — во прахе.
В груди — зияет след меча
Незаживающей раной.
Песок — светла и горяча —
Кровь красит струйкою багряной.

* * *

Летит над пашней чёрный ворон.
Мне щёку тенью обожгло.
Смотри, как широко простёр он
Своё тяжёлое крыло.
Летит он, грузный, издалёка,
Устало голову пригнув.
Взгляни, как жадно смотрит око,
Как хищно нависает клюв.
Летит он, старый, из бывшего,
Из выжженных густых лесов.
От трупов поля Куликова,
Оставленных в траве голов.
Из-за клубящегося дыма
Давно сгоревшего костра.
Озёр иссохших мимо. Мимо
Наполеонова шатра.
Над гулкой славою победной,
Над сетью древних, новых рек.
Над головой моею бедной
Издаека — в грядущий век.

БАЛЛАДА О ДЕТСТВЕ

Поляны светятся, дымясь.
Река со стоном пронеслась.
Растаял снег, просохла грязь.
Пора садить картошку.

Шумит трава. Палит жара.
Над ухом — пенье комара.
Бескрайний день. Пришла пора
Окучивать картошку.
Туманная встаёт заря.
Последнее тепло дая,
Настало ведро сентября —
Пора копать картошку.
Метель. Мороз за дверью зол.
Декабрь рассерженный пришёл.
Зима пришла. Садись за стол.
Мы будем есть картошку.

* * *

Ужель это я, как, к земле припадая,
Вдыхая — так близко! — сухую смолу
И ветки засохшие грудью сминая,
Карабкался вверх по литому стволу?
И вот оно — небо. Бесплотно и сине.
Прохладная ветвь шелковисто блестит.
Как радостно хвоя свистит на вершине!
Внизу она так — никогда не свистит.
И белое облако рядом кудрявится.
И мнится — не облако мимо плывёт,
А дерево валится, валится, валится...
Совсем наклонилось. Сейчас упадёт.
Чернеет далёкая лента дороги.
Замедленно, плавно вершина кружит.
Дрожат от усталости руки и ноги.
Бесстрашное детское сердце — дрожит.

* * *

Не внемля строгому запрету,
Боясь в пути нарушить срок,
Во тьме, в земле, на ощупь — к свету
Идёт, идёт, идёт росток.
Дорогой тесной, незнакомой.
Сквозь сеть истлевшего листа.
Через слой запаханной соломы.
Сквозь тяжесть тяжкого пласта.
Пробьёт заслон последний — выйдет
Туда, где путь ветрам открыт.
И в предрассветной мгле увидит,
Что свет — внутри его горит.

* * *

Машина мчит, мотор гудит,
Струятся тени по окошку.
В вагон вошедший инвалид
Растянет старую гармошку.
И резанёт по сердцу звук —
Как сталь по ране обнажённой.
И враз прихлынет давний луг.
Осенний, ветрено-студеный.
И, как тяжёлая волна,
Невыразимая для слова, —
Невыносимая война
Окатит холодом сурово.
Всплеснётся детства дальний год...
Из глубины его, тревожа,
Надежда первая блеснёт —
Что так с печалью горькой схожа.

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ

— Тебя не гонит вдаль никто, —
Останови свой бег тревожный.
Уже и так ты сделал то,
Что сделать было невозможно.
Добился — память заслужил,
В бездонном времени опоры.
— А что я сделал?
— Путь пробил
Сквозь твердокаменную гору.
— Но я — не этого хотел...
Бессонно, в радости и в горе,
Я только лишь — о море пел.
Я только песню пел о море.

* * *

Через год, через два, через двадцать
Всё равно оглушённо поймёшь:
Никуда, никуда не деваться
От судьбы, занесённой, как нож.
Никуда — даже если заплатишь
Неотступным, сверлящим стыдом.
Даже если тот нож — перехватишь,
Вспять его обратишь остриём.

От блестящего, острого взгляда,
Наведённого в сердце тебе,
Никуда и деваться не надо.
Надо выйти навстречу судьбе.

* * *

Что прекрасно, а что безобразно,
Разберёт, не жалеючи сил,
Только — время. — Но время — пристрастно...
Разве ты — не во времени жил?
Разве времени вечного бремя
Ты не слышал, по жизни идя?
Разве сам ты — не вечное время,
Отгремевших времён судия?

* * *

На тяжкий твой венец терновый
Гляжу сквозь дымные года
Из края дальнего, другого,
В каком ты не был никогда.
На утолительное слово
Надежды, гордости, стыда
Гляжу из возраста другого —
В каком ты не жил никогда.
На труд суровый, свод свинцовый,
На подвиг горней высоты
Гляжу из времени другого —
В каком и в мыслях не был ты.
Другие в мир пришли печали.
И холод в мир пришёл другой.
И с каждым годом — дале, дале,
Древней и дале — голос твой.
И с грустной ясностью во взгляде —
Неизбежимо в каждом дне,
Неотвратимо в каждой пяди! —
Ты — путь подсказываешь мне.

Редакция «Молодой гвардии» поздравляет известного русского поэта Василия Ивановича Казанцева со славным юбилеем. Желаем ему здоровья, долголетия и, как прежде, высокого полёта его неувядающей, классической лире.

ВКЛАД К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В СОЗДАНИЕ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

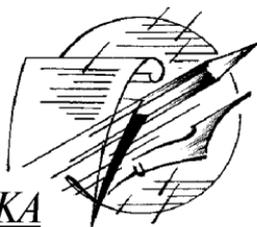
К. Леонтьев уже более 50 лет назад открыл то, что теперь на Западе по-своему открывает Шпенглер.

Н. Бердяев

«Цивилизация» — одно из ключевых слов в лексиконе современных обществоведов — историков, политологов, философов, экономистов. У нас в России оно пришло на смену такому понятию, как «общественно-экономическая формация», которое было ключевой категорией марксистской социологии. У Маркса все многообразие общественной жизни и вся сложность исторического процесса описывались с помощью пяти формаций — первобытное общество, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм (с первой фазой — социализм). Восприятие мира как совокупности цивилизаций дает гораздо более интересную, яркую и глубокую картину.

Учение о цивилизации: приоритет России

В современных учебниках по философии и социологии первенство в создании учения о цивилизации чаще всего

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

приписывают иностранцам — немцу Освальду Шпенглеру (1880—1936) и англичанину Арнольду Тойнби (1889—1975). Немец изложил свои взгляды в работе «Закат Европы» (часть 1 вышла в 1918 г., часть 2 — в 1922 г.). Англичанин посвятил теме цивилизаций свою 12-томную книгу «Постижение истории». Иногда еще вспоминают современного социолога и политолога Самюэля Хантингтона, написавшего и издавшего в 1996 году книгу «Столкновение цивилизаций», хорошо «раскрученную» во всем мире. Но все эти работы были написаны и изданы в XX веке.

Вместе с тем основы теории цивилизации были заложены еще в XIX веке, причем не в «ученой» Германии и не на островах Туманного Альбиона, а у нас, в России. Имена этих основателей — Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. К сожалению, в наших учебниках по философии, социологии, политологии этих русских мыслителей иногда вообще забывают упомянуть или их имена ставят после О. Шпенглера и А. Тойнби. Как говорится, «нет пророка в своем отечестве». Удивительно, что целый ряд идей Данилевского и Леонтьева были почти буквально повторены их европейскими коллегами, но лишь через несколько десятков лет. При этом наших авторов читать и понимать легче, чем иностранцев с их достаточно тяжеловесными текстами и протестантским менталитетом. В.В. Афанасьев, автор посвященной Шпенглеру монографии, даже заключает, что, учитывая определенную языковую и терминологическую сложность понимания его идей, для того «чтобы полнее понять Шпенглера, следует ознакомиться с точкой зрения Леонтьева, стиль которого отличается большей отточенностью и меткостью формулировок».

Учение о цивилизации Н.Я. Данилевского

Нет спора, что в паре Данилевский — Леонтьев приоритет в разработке теории цивилизации принадлежит Николаю Яковлевичу Данилевскому (1822—1885), который основные идеи о культурно-исторических типах (так он называл цивилизацию) изложил в своей знаменитой работе «Россия и Европа» (1871).

Коротко скажем об учении Данилевского. Признавая человечество за пустую абстракцию, Данилевский видит в культурно-историческом типе (КИТ) высшее и окончательное выражение социального единства. Данилевский в рамках культурно-исторического типа выделяет четыре основных сферы, или вида деятельности: а) деятельность религиозная, б) собственно культурная (наука, искусство, промышлен-

ность), в) политическая и г) социально-экономическая. Важным скрепляющим культурно-исторический тип началом является язык. Следует учитывать, что Данилевский по своему образованию и опыту работы был биологом, поэтому в его теории КИТ повышенное внимание уделяется природно-географическим и этнографическим началам цивилизации. Представления Данилевского об обществе имеют признаки *натуралистической социологии*.

Данилевский насчитывает десять типов, уже проявившихся в истории. Это: египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский (или древнесемитический), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (или арабийский), германо-романский (или европейский).

Данилевский не считает, что его список является исчерпывающим. В него не попали те типы, которые не успели развиться и достичь стадии зрелости. Он упоминает два таких типа (мексиканский и перуанский), «погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития». Некоторые еще только зарождаются, и их будущее неясно (скорее всего, они не сумеют развиться в нечто оригинальное, самобытное). К таковым он относит, в частности, Новый Свет (Северную Америку).

К. Леонтьев — оригинальный русский социолог

Константин Николаевич Леонтьев в разных своих публикациях неоднократно повторяет, что он — ученик и последователь Данилевского. Леонтьев не только хорошо усваивает мысли Данилевского, он дополняет учение своего предшественника, при этом даже высказывает некоторые критические замечания в адрес своего учителя. Леонтьев еще больше усилил натуралистический характер социологии Данилевского. Константин Николаевич постоянно сравнивает общество с живым организмом. Натурализм Леонтьева причудливым образом сочетается с эстетическим подходом к оценке общества и истории. Красота — главный и универсальный критерий оценок, применимый в равной мере к физическому миру, миру органическому и миру социальному. Даже нравственные оценки у Леонтьева (особенно в применении к обществу, государству, нации, человечеству) у него занимают подчиненное место по отношению к оценкам эстетическим. Со временем он доводит свои рассуждения до полного отрицания возможности применения понятий «нравственный» и «безнравственный» к таким явлениям общественной

жизни, как государство, политика, власть. Так, Леонтьев утверждал, что власть может быть сильной или слабой, но она не может быть нравственной или безнравственной.

При ярко выраженном эстетическом начале в Леонтьеве этот русский мыслитель был человеком религиозным и богобоязненным. Соответственно, он не мог не признавать, что высшим критерием любых человеческих поступков являются религиозные нормы и догматы. Но эти нормы опять-таки применимы лишь к индивидуальной личности. А применение их к обществу, государству, разным социальным группам весьма сомнительно, если не ошибочно. Одним словом, Леонтьев как бы выносил Бога и религию за рамки своих умственных рассуждений. А любимый им византизм с его восточным христианством и самодержавием Леонтьев воспринимал больше с эстетической и политической точек зрения. В Восточной Церкви ему нравится красота богослужений, а в царской (императорской) власти — сила. С учетом сказанного Леонтьева нельзя отнести к разряду русских религиозных философов. И это несмотря на то, что Леонтьев вел крайне напряженную личную духовно-религиозную жизнь, искренне испытывал страх Божий, а в конце жизни был пострижен в монашество. Это противоречие между личной религиозностью Леонтьева и его социологией с ярко выраженным натуралистическим началом бросается в глаза любому, кто погружается в изучение творчества и жизни Леонтьева. Натуралистическая философия Леонтьева резко контрастирует с социологией славянофилов и русских религиозных философов (ставящей в центре общественной жизни Бога). Он был нестандартным мыслителем, который не примыкал ни к славянофилам, ни к позитивистам-материалистам, ни к религиозным философам, ни к каким другим школам и лагерям.

Место Бога и религии в социологии К. Леонтьева

Впрочем, все-таки Леонтьева можно назвать религиозным мыслителем. Бог незримо присутствует во всех умственных построениях Леонтьева. Схема рассуждений Константина Николаевича такова. Без сильной государственной власти общество существовать не может, т.к. неизбежно входит в состояние хаоса, анархии. Условием же сильной власти является готовность людей подчиняться государству. Но не всякому, а лишь тому, которое является монархическим. Самодержавному царю (монарху) можно подчиняться и служить лишь в том случае, если люди признают его Помазанником

Божиим. Но для того, чтобы признавать божественную природу власти царя и служить ему, люди должны верить в Бога. И не просто верить в Бога, но бояться Его. Леонтьев очень жесток в своих выводах: если в народе нет страха Божия, то общество обречено на распад, революцию, хаос, энтропию. Либерализм — форма проявления, признак такого распада. Утрату страха Божьего лишь частично и ненадолго можно заместить, компенсировать страхом искусственным. Но создающая такой искусственный страх диктатура безбожного государства не может существовать сколь-нибудь долго. Либерализм и диктатура общество не спасают, наоборот, еще более ускоряют его гибель. Утрата людьми страха Божьего неизбежно приближает конец человеческой истории. Собирабельным образом такого безбожного человека у Леонтьева является «средний европеец», серая личность, законченный материалист, буржуа (если не по социальному статусу, то по состоянию духа). Такая серая личность описана Леонтьевым в одном из его главных произведений «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872—1884). Апокалипсис, описанный Иоанном Богословом, для Леонтьева является вещью очевидной, не требующей никаких «научных» доказательств.

К. Леонтьев о трех стадиях развития цивилизации

Главное дополнение Леонтьева к теории цивилизации Данилевского — *теория трех стадий развития цивилизации*. Это стадии юности, зрелости и старости. В терминологии Леонтьева — первичной простоты, цветущей сложности и угасания, ведущего к смерти. Последнюю стадию он еще называл «вторичным смесительным упрощением». Любая цивилизация имеет временные пределы своего существования. По Леонтьеву, максимальный возраст цивилизации — 1000—1200 лет (об этом он, в частности, писал в своей работе «Византизм и славянство»).

Особый интерес для Леонтьева представляет *германо-романская, или европейская цивилизация*. Та самая цивилизация, на которую ориентировалась как на эталон для подражания российская элита (аристократия и интеллигенция). Леонтьев убедительно показал, что эта цивилизация, начиная с конца XVIII века (рубежом он определил французскую революцию 1789 года), вступила в стадию разложения, угасания, умирания, «вторичного смесительного упрощения». Фактически, речь идет об окончательном переходе Европы на рельсы капиталистического развития. Вот фрагмент из

работы «Византизм и славянство» (1875), где он разъясняет свою теорию трех стадий: «*Вся Европа с XVIII века уравнивается постепенно, смешивается вторично. Она была проста и смешана до IX века; она хочет быть опять смешана в XIX веке, она стремится посредством этого смешения к идеалу однообразной простоты и, не дойдя до него далеко, должна будет пасть и уступить место другим. Весьма сходные между собой вначале кельто-романские, кельто-германские зародыши стали давно разнообразными, развитыми организмами и мечтают теперь стать опять сходными скелетами. Дуб, сосна, яблоня и тополь недовольны теми отличиями, которые создались у них в период цветущего осложнения и которые придавали столько разнообразия общей картине западного пышного сада. Они сообща рыдают о том, что у них есть еще какая-то сдерживающая кора, какие-то остатки обременительных листьев и вредных цветов, они жаждут слиться в одно, в смешанное и в упрощенное среднепропорциональное дерево... Везде одни и те же более или менее демократизированные конституции. Везде германский рационализм, псевдобританская свобода, французское равенство, итальянская распущенность или испанский фанатизм, обращенный на службу той же распущенности... везде слепые надежды на земное полное равенство! Везде ослепление фаталистическое, непонятное! Везде реальная наука и ненаучная вера в уравнивательный и гуманный прогресс...*

Сложность машин, сложность администрации, судебных порядков, сложность потребностей в больших городах, сложность действий и влияние газетного и книжного мира, сложность в приемах самой науки — все это не есть опровержение мне. Все это лишь орудия смешения — это исполнинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести всех и все к одному знаменателю. Приемы эгалитарного прогресса — сложны, но цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию. Цель всего — средний человек, буржуа спокойный среди миллионов точно таких же людей, тоже спокойных».

К. Леонтьев и О. Шпенглер

Половина всего того, что написал Леонтьев в последние двадцать лет своей жизни, посвящено теме, которую условно можно назвать «Закат Европы». Кстати, именно под таким названием (*Der Untergang des Abendlandes* — нем.) вышла книга Освальда Шпенглера через полвека после того, как

были опубликованы первые работы Леонтьева о кризисе европейской цивилизации. Первая часть работы Шпенглера была опубликована в 1918 году, вторая — в 1922 году. В то же время К. Леонтьев впервые свои взгляды на всемирную историю, Европу и Россию изложил в статье «Грамотность и народность», которая появилась на свет в 1870 году. Коль скоро мы упомянули Шпенглера, то есть некоторые основания полагать, что свою знаменитую книгу немец писал, будучи знакомым с идеями Константина Николаевича. В период 1921—1926 гг. Николай Бердяев тесно общался со Шпенглером, при этом в сфере их общих интересов находилось творческое наследие Леонтьева.

К. Леонтьев о византизме как цивилизации

Критическому осмыслению со стороны Леонтьева подверглись некоторые моменты учения Данилевского.

В частности, Леонтьев в отличие от Данилевского очень проникся идеями христианской эсхатологии (учение о конечности земной истории) и видел в мире множество признаков «последних дней». Из этого он сделал вывод, что новых цивилизаций уже нарождаться не будет. Надежды у человечества на то, что оно может пересечь с «тонущего корабля» европейской цивилизации на корабль какой-то новой, «молодой» цивилизации, нет.

Леонтьев восполняет такой «пробел» в работе «Россия и Европа», как неопределенность цивилизационного статуса России. «Вписать» Россию ни в одну из десяти перечисленных Данилевским цивилизаций не получается. Не вызывает сомнения, что Россия не входит в состав европейской (германо-романской) цивилизации. Леонтьев полагает, что Россия является преемницей той цивилизации, которую Данилевский выпустил из поля своего зрения и которую можно назвать «византийской цивилизацией». Таким образом, список цивилизаций увеличивается с десяти до одиннадцати. Россия — наследница Византии как носительницы Восточного христианства (Православия) и особой формы монархии, называемой самодержавием.

Понятие византизма стало широко использоваться в литературе именно благодаря К. Леонтьеву. Византизм, согласно общепринятому сегодня пониманию, — особый тип отношений между Церковью и государством, где Церковь и государство не противостоят друг другу, а напротив, взаимно дополняют, помогают друг другу. Они находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). При

этом свобода и самостоятельность каждого в его собственной области не отменяется. Некоторые авторы полагают, что византизм — лишь новое название того, что на протяжении многих веков называлось «симфонией» властей — церковной и светской. Отклонения от «симфонии» как в одну сторону (монарх доминирует над Церковью), так и в другую (доминирование Церкви над монархом) ведут к разрушению общества. Церковь же в согласии с государством направляет и ведет общественную жизнь по путям, угодным Богу. В таком понимании Церковь и государство — это два различных проявления одного и того же органического целого. Сам Лео́нтьев отмечал, что идея «симфонии» государства и Церкви идет от создателя Византийской империи Константина Великого.

Впрочем, некоторые историки, богословы и праведы полагают, что принцип «симфонии» получил внятное воплощение в социально-политической доктрине императора Юстиниана I. Юстиниан считал, что государство должно опираться на добротные правовые основания. По его указанию праведы проделали большую работу. Они упорядочили, систематизировали всё юридическое наследие древнеримской империи. В итоге появился Кодекс Юстиниана, который по сей день считается классическим памятником цивилизованного правотворчества. По нему современные студенты-юристы изучают римское право. С Юстинианом утвердилось особое отношение между государством и Церковью. Ее своеобразие заключалось в том, что она позволяла императору совмещать функции правителя и первосвященника. Это было персонифицированное объединение всей полноты светской и духовной власти. Как отмечает современный исследователь Византии и византизма Владислав Бачинин, оно получило название цезаропапизма. Цезаропапизм Юстиниана не был жестким и всеобъемлющим. Император признавал за папой римским и константинопольским патриархом права на исполнение ими обязанностей по руководству церковной жизнью. Однако в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства, Юстиниан решительно вмешивался в жизнь Церкви. Позднее принцип цезаропапизма трансформировался в принцип «симфонии». Это произошло в IX веке при патриархе Фотии.

Примерно в это же время императором Василием I Македонским эти идеи были воплощены в «Эпанагоге» — своеобразном кодексе, регулирующем отношения Церкви и государства. Этот кодекс действовал до конца существования Византийской империи. В церковных и философских тракта-

тах Церковь и государство, существующие в симфонии, уподобляются единству человека, состоящего из души и тела; каждой природе соответствует управляющая его власть: императора — телом, патриарха — душой. Утверждается таинство и в то же время цельность и двухсоставная природа человека и единство Церкви и государства.

После падения Византии Россия выступает как ее восприемница. Провозглашается лозунг: «Москва — Третий Рим». Византийские идеи и чувства объединяли, спланивали русских людей для борьбы с иноземцами, в разное время вторгавшимися на Русскую землю. Силу русских испытали на себе татары и монголы, поляки и шведы, турки и французы. Под знаменем византизма Россия «в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы» («Записки отшельника»). «Вещественная сила» византизма чувствовалась во всем: под его влиянием Россия крепла, «росла и умнела», при этом и жизнь ее «разнообразилась и развивалась».

Однако опыт реализации симфонического единства Церкви и государства, по мнению большинства историков и богословов, кончился на Востоке — в начале XV века, а в России — в ходе реформ Петра Великого, которые привели к отмене патриаршества.

К. Леонтьев переживал по поводу того, что в России даже образованные слои имели весьма смутное представление о Византии: многим она представляется чем-то «сухим, скучным», «даже жалким и подлым». Константин Николаевич сожалел, что не нашлось еще людей, которые, обладая художественным дарованием, посвятили бы свой талант описанию византизма, сумели бы развеять «вздорные», «самые превратные представления» о нем и донести до читателя, «сколько в византизме было искренности, теплоты, геройства и поэзии». О византизме в России в конце XIX — начале XX в. любили поговорить либеральные интеллектуалы — но как о явлении прошлой истории. Леонтьев в своих работах говорил о византизме будущего. Автор интересной статьи о Леонтьеве Н.М. Северикова пишет об этом византизме будущего: «...За прошедшее тысячелетие жизнь человечества неузнаваемо изменилась: стали иными не только условия существования общества и основы его развития — произошла трансформация идей, принципов, определяющих отношение человека к миру, нормы его поведения, цели, средства и ожидаемые результаты человеческой деятельности. Идеи византизма в интерпретации К. Леонтьева приобрели иное содержание: дали импульс к направлению его размышлений применительно к современности и перспективе грядущего развития России, ее мессиан-

ской роли в объединении православно-христианских народов — именно их единство и должно стать залогом утверждения византистских идей «завтра», или, как выражает свою мысль К. Н. Леонтьев, «византизма» будущего».

Россия и «панславизм»

«Панславизм» — идеология, сформировавшаяся в странах, населённых славянскими народами, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалась в среде славянских народов в конце XVIII — первой половине XIX века. Часто используемые символы панславистского движения — это панславянские цвета (синий, белый и красный) и панславянский гимн «Гей, славяне». Первым панславистом был Юрий Крижанич — хорватский католический миссионер, выступавший за единство славянских народов и пытавшийся создать для славянских народов единый славянский язык. Известен тем, что, находясь в ссылке в Тобольске, написал трактат «Политика», где предрёк освобождение всех славянских народов от иноземного ига и появление единого славянского государства.

Во времена Леонтьева резко активизировалась умственная и политическая деятельность в пользу «панславизма». Некоторые идеологи «панславизма» полагали, что славянские народы могут образовать свою цивилизацию. Константин Николаевич всячески доказывал, что «славянская цивилизация» — утопия, если не сказать, авантюра. Она может нанести серьёзный ущерб России.

Активно продвигались в разных странах Европы (в Австро-Венгрии, на Балканах) и в России идеи объединения славянских народов и создания некоей славянской федерации с Россией в качестве ее ядра. Странники этой идеи даже находили нужные им аргументы у Данилевского, который, как мы выше отметили, несколько увлекся этнографическим (племенным) фактором формирования цивилизаций. Панслависты пытались даже апеллировать к славянофилам. Распространялись искаженные представления о славянофилах, которые якобы ратовали за объединение всех славян. Но славянофилы на самом деле славянофилами не были, таковое название как некую кличку они получили от своих недругов или не очень грамотных наблюдателей. Правильнее русских мыслителей типа Ивана и Константина Аксаковых, Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Юрия Самарина можно назвать русофилами. Для них ключевыми ориентирами их мировоззрения

была формула Уварова «Православие, самодержавие, народность». На первом месте в этой формуле была религия, причем именно Восточное христианство. Между славянами были принципиальные религиозные различия. Среди славян — православные (русские, сербы, болгары), католики (поляки и хорваты), протестанты (чехи), мусульмане (боснийцы).

А что касается последнего члена формулы — «народность», то, как справедливо указывал тот же Леонтьев, под народностью славянофилы понимали не только и не столько племенную общность, сколько общность социальную. Россия во времена славянофилов уже была многонациональным государством, где славяне были лишь одним из многих десятков народов и племен. Россию как единый народ скрепляла отнюдь не кровь, а прежде всего Православие, а также развившаяся на его основе культура.

Созданию чисто *славянского союза* препятствует ряд серьезных причин: разнообразие племена славян разделены разными религиями, географическим положением, различиями экономических интересов, сильной верой славянских народов в «гуманизм» западного прогресса. Леонтьев не находит у славянства объединяющей идеи, кроме тяготения к американскому или европейскому эвдемоническому идеалу, но отнюдь не к византийскому. Предпосылкой борьбы с разрушительной силой «обшелиберальной заразы» в России, по мысли Леонтьева, может стать византийское Православие, а также «*великий восточнохристианский союз*» с Россией во главе. Восточнохристианские народы ближе к русскому: они еще «не пропитались европеизмом», пагубным для человека.

«Увядание» Европы

Леонтьев — реалист. Он понимает, что хотя Россия не является частью европейской цивилизации, однако угроза поглощения ее этой цивилизацией существует. Когда-то европейская цивилизация была «цветущей сложностью», и Леонтьев, как эстет этой Европой восхищается (крестовые походы, рыцарство, аристократия, ярко выраженная сословность феодального общества). Однако Европа XIX века — уже умирающая цивилизация, которая может за собой в могилу утянуть и Россию. Россия как цивилизация также не молода. По оценкам Леонтьева, ей никак не меньше 1000 лет. Она также на пороге заката. По его мнению, предела «цветущей сложности» Россия достигла в эпоху Екатерины II. XIX век, особенно после смерти императора Николая I, начала реформ Александра II. Леонтьев полагает, что жизнь России как византий-

ской цивилизации можно продлить. Для этого ее надо «подморозить», т.е. затормозить процесс умирания. Безусловно, самое главное в этом деле — сохранить «ядро» цивилизации в виде Восточного христианства. Следовательно, необходимо всячески препятствовать всякого рода посягательствам на это «ядро». А такие посягательства были постоянными. Прежде всего, со стороны римского престола. Леонтьев к концу жизни стал непримиримым противником Владимира Соловьева, который носился с идеей объединения всех христианских церквей под эгидой папы. Борясь за сохранение и укрепление «ядра», Леонтьев готов был пойти на определенные уступки и жертвы по части других элементов русской цивилизации.

На фоне того, что Леонтьев достаточно подробно говорит о европейской цивилизации и «закате» Европы, его замечания о другой части Запада — Америке — крайне редки. Леонтьев считал Североамериканские Соединенные Штаты цивилизацией, которая еще пребывала в зачаточном состоянии. Он ее никак не отождествлял с цивилизацией европейской. Конечно, в 70—80-е гг. XIX века трудно было еще определить вектор цивилизационного развития САСШ. Но на чисто субъективном, интуитивном уровне Леонтьев (в отличие от некоторых других русских интеллектуалов того времени) воспринимал Америку крайне негативно: *«Я когда думаю о России будущей, то я как неперменное условие ставлю появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которую я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бессильно пылаю! Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта... к черту!»* (письмо К.А. Губастову от 17 августа 1889 г.). Любопытно, что Леонтьев использует выражение «все-Америка»; вероятно этим он хотел подчеркнуть особо космополитический характер зародыша американской цивилизации. Сегодня, когда Вашингтон завершает свой проект *Rax Americana*, особенно понятным становится смысл выражения «все-Америка».

О «подмораживании» России

В качестве средства «подмораживания» русской цивилизации в социально-экономической сфере Леонтьев рассмат-

ривал социализм. Речь, конечно, не могла идти о безбожном, атеистическом социализме, идеи которого уже витали над Европой (Прудон, Лассаль, Маркс) и окончательно разлагали германо-романскую цивилизацию. У Леонтьева это принципиально иной, «охранительный», или «монархический» социализм.

Впервые мысль о социализме как спасительном для России средстве Леонтьев высказал еще в 1868 году в своей работе «Грамотность и народность». Вот фрагменты этой работы: «Европейцы, чуя в нас для них что-то неведомое, приходят в ужас при виде этого грозного, как они говорят, «соединения самодержавия с коммунизмом», который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов». Под российским «коммунизмом» понималась сельская (земская) община, которая сохранилась и после того, как в 1861 году была начата реформа, известная под названием «отмена крепостного права». «Крепостное право» было отменено, а «земская община» была сохранена. И это, по мнению Леонтьева, было спасительным для России решением. Те молодые реформаторы, которые хотели из России сделать Европу, сами того не ожидая, сделали полезное дело: «...они не предвидели, что земская община будет у нас в высшей степени охранительным началом и предупредит развитие буйного пролетариата; ибо в ней некоторого рода коммунизм существует уже «de facto», а не в виде идеала, к коему надо рваться, ломая преграды».

Кстати, здесь Леонтьев не оригинален. Об этом же писал, как это ни странно, Карл Маркс. Правда, Леонтьев говорил об этом громко вслух. Маркс свои идеи, касающиеся «русского социализма», не озвучивал. Речь идет о переписке Маркса с русскими народниками. В своих письмах Маркс признавал, что Россия может избежать «классического» алгоритма движения к коммунизму через капитализм. У России есть община — зародыш коммунизма. При правильной политике властей из этого зародыша может вырасти полноценное социалистическое общество. Но все эти мысли Маркса лежали под спудом. Они противоречили выводам, которые были сформулированы в «Манифесте коммунистической партии» и «Капитале» (работах, сделанных «классиком» под определенный «социальный заказ»). А голос Леонтьева с его идеями «монархического социализма» не был услышан властью и не понят большей частью российской интеллигенции.

Позднее Леонтьев писал о том, что если власти не сумеют воспользоваться теми благоприятными возможностями, ко-

торые давала России сельская община, то страна может столкнуться с гораздо более жестким вариантом социализма. Леонтьев называл его «феодальным социализмом» или «новым феодализмом».

О пророчествах К. Леонтьева

Леонтьев относится к тому разряду мыслителей, которых мало замечают во время их жизни. А если замечают, то воспринимают как чудаков, юродивых, маргиналов. Но о них вспоминают после смерти, когда многие пророчества таких «чудаков» начинают сбываться. Сбылось пророчество Леонтьева относительно «феодального социализма» в России. Леонтьев предвидел не только социализм в России, но и племенизм в Германии. Исходя из реалий немецкого государства конца XIX века — внецерковности и расовости подхода к государственному строительству, он предполагал, что *«чем это дело будет более окончено... тем оно станет более бесосновным в религиозном отношении, тем сильнее выразится чисто племенной характер германского национального единства»* («Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву»). Нынешние трагические события на Украине показывают, насколько был прав К. Леонтьев, когда предупреждал о пагубных последствиях племенизма среди славянских народов.

Леонтьев также писал о том, что воцарившийся в Европе капитализм неизбежно порождает социализм, который лишь по видимости представляет собой противоположность капитализма. Европейский социализм XIX века (в отличие от утопического социализма более ранних веков) — лишь новая форма безбожного материалистического общества. Леонтьев с большой болью в сердце и тревогой писал, что уже в начале XX века Россию и Европу может захватить социализм. Он также не исключал возможность возникновения «гремучей смеси» социализма и племенизма. Такая смесь возникла в Германии после Первой мировой войны и получила название «национал-социализм».

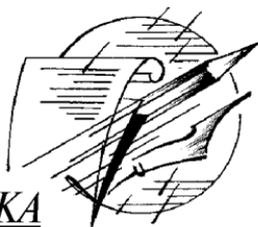
О СОЗДАНИИ АНТИЦЕРКВИ

Сегодня мы становимся свидетелями масштабной революции, осуществляемой не только в сфере экономической и политической, но, в первую очередь, в сфере духовной. И по мере укрепления нового мирового порядка он все с большей очевидностью проявляет свой религиозный характер.

Если раньше мировые финансовые элиты действовали под знаменем гуманизма, просвещения, рационализма, т. е. чисто светского мировоззрения, то сегодня эта декорация распадается как гнилая ткань, и сквозь нее проступает истинная сущность убеждений «хозяев мира» — открытое осознанное богоборчество.

То, что нынешняя борьба имеет религиозный смысл, отчетливо показывают действия мировых политиков. Прежде Запад выставял себя борцом с «безбожным коммунизмом», «исламским фундаментализмом», теперь же он наконец открыто произнес имя своего настоящего врага — Православие.

Так, один из главных сторонников ассоциации Украины с Евросоюзом шведский министр иностранных дел Карл Бильдт недавно заявил, что за последние

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

несколько лет Россия якобы изменилась в худшую сторону. Если в первое десятилетие после развала СССР ее власти выражали в своей политике стремление к западным ценностям и пытались привить их населению, то современное российское руководство солидаризировалось с гражданами и утвердилось в жесткой **оппозиции Западу**.

«Путин, — сказал Бильдт, — демонстрирует приверженность не общемировым, а православным ценностям, а Православие опаснее исламского фундаментализма и представляет главную угрозу Западной цивилизации, в том числе и потому, что пытается регламентировать семейные отношения и враждебно геям и трансгендерам». Т. е. фактор «исламского фундаментализма» уже не срабатывает, началась **тотальная демонизация образа России**.

То же было подтверждено на сентябрьском саммите НАТО в Уэльсе. Западный альянс определил нашу страну, как и ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта» — исламистская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака) в качестве основных угроз для себя в области безопасности.

15 сентября генсек НАТО Фог Расмуссен в выступлении в брюссельском «Центре Карнеги» разъяснил эту стратегическую установку, заявив, что они находятся в преддверии новой битвы — между толерантностью и фанатизмом, демократией и тоталитаризмом, между открытыми и закрытыми обществами.

Заявления западных политиков наглядно иллюстрируют события на Украине. Их уникальность состоит в том, что там новый нацизм предстал в виде грандиозной химеры, объединившей нацистов, либералов, оккультистов, экуменистов, папистов и протестантов.

Вне зависимости от формальной принадлежности к той или иной конфессии, партии или секте, все эти люди имеют одинаковое представление о будущем мировом порядке и о методах его построения. И религия у них одна: это религия тотальной власти, в системе которой каждому уготовано свое место и свой кусок собственности. Главный же общий враг для них — Русская Православная Церковь и Русский мир.

В итоге, сбросив маску добропорядочности, глобальные элиты перешли к откровенно нацистским, бесчеловечным методам управления. То, что мы видим сегодня на Украине, — это не рецидив нацизма, это часть последовательно осуществляемого стратегического плана: именно так мыслят процесс установления нового мирового порядка крупнейшие финансовые кланы. Нацизм, демонстрирующий зловещие

инфернальные проявления, составляет часть современного западного мировоззрения. Этим объясняется мертвое молчание западных политиков, правозащитных организаций, папы римского и прочих «миротворцев» относительно тех вопиющих военных преступлений, которые совершались и совершаются на наших глазах на юго-востоке Украины.

Поскольку речь идет о мировоззрении **богоборческом**, понять значение происходящей мировой перестройки можно только в свете Откровения святого Иоанна Богослова. Старец Паисий Святгорец о всемирной войне говорил: «Сегодня читать пророчества — как читать газету: так все ясно написано». Действительно, в святоотеческих толкованиях Откровения даются очень актуальные пояснения.

Наши богословы отмечали, что установлению власти антихриста будут предшествовать активные отступления, при этом материализм и безбожие сменятся новой формой мистических верований, которые заставят принять грядущего мирового правителя как сверхчеловека. Т. е. ко времени его пришествия материализм и атеизм утратят актуальность, **господство получит демонический мистицизм или оккультизм, соединенный с крайней развращенностью и безнравственностью**. На этой почве и появится антихрист, популярность которого будет обусловлена тем, что в момент господства социально-экономического и политического хаоса он объявит себя восстановителем исторической государственности — выступит как консерватор-контрреволюционер. Но в действительности его идея окажется еще более революционной. Программа антихриста — магическая миссия, так как суть его власти будет заключаться в магически-мистической стороне управления, в то время как декларируемое государственное восстановление сделается лишь средством.

Раньше трудно было представить, как все это может произойти. Но ныне с изобретением информационно-цифровых технологий глобальные элиты получили реальные инструменты, позволяющие объединить людей под своим контролем, применяя оккультные методики управления.

Речь идет уже не об индивидуальном совращении и не об идеологической обработке отдельных человеческих групп и классов, а о попытке **создания глобальной антицеркви**. Поэтому в последнее время мы можем отметить нашествие оккультизма во всех сферах — экономической, финансовой, поли-

тической, управленческой, в сфере образования и культуры (в кино, музыке, литературе, на телевидении и эстраде). Открыто навязывается люциферианская символика. Все направлено на фундаментальное изменение сознания человека, перестройку его души и, в конечном счете, — на **расчеловечивание**.

Никакой просветительский, гуманистический проект не способен справиться с такой задачей, но и открыто объявлять об оккультном содержании своего мировоззрения глобальные элиты пока не могут. И потому сегодня под видом «эволюции» гуманизма на наших глазах осуществляют его уничтожение. Гуманизм заменяют **трансгуманизмом**, который провозглашает своей целью не развитие скрытых в человеке возможностей, но **преодоление уже самой человеческой природы**, преодоление несовершенной плоти и слабого сознания и выход за пределы человека.

Пройдя стадию трансгуманизма, человек должен превратиться в «**постчеловека**». Достигнуть этого планируется с помощью новейших научных нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (НБИК-технологий), т. е. тех технологий, которые сегодня положены в основу функционирования информационного общества.

Почему речь идет о самоуничтожении гуманизма? Гуманизм объявляет высшей ценностью «права человека». Теперь же в «право человека» включено право на тотальную трансформацию человека, его преодоление, т. е. — упразднение. Поэтому уже не только христианство, но даже и просветительский гуманизм не вписывается в планы авторов «глобального управления».

«Постчеловек» или «сверхчеловек», в понимании трансгуманистов, будет представлять собой наполненного имплантатами киборга, бесполого, размножающегося с помощью искусственного оплодотворения (ЭКО), имеющего возможность существовать в разных «телах». Главные преследуемые цели — достижение бессмертия (биологического и «цифрового») и создание «сверхума», по сравнению с которым человек окажется существом низшего уровня.

Хотя трансгуманизм представляет собой широкое движение (среди участников есть члены разных групп — от атеистов до оккультистов, мормонов и псевдобуддистов), ведущую роль в его распространении играют открытые боготорцы. Неслучайно виднейший трансгуманист Макс Мор назвал одну из своих программных статей «*Во славу*

дьявола». (В ней изложена старая теософско-гностицистская идея о борьбе «носителя света» Люцифера — сатаны или дьявола — против Демиурга, якобы создавшего несовершенный мир и погрузившего человека во мрак невежества).

Трансгуманистический проект уходит своими корнями в оккультные мировоззренческие системы, основывающиеся на пантеистическом видении и вобравшие в себя лжеучения каббалы, гностицизма, индуизма, буддизма и древних восточных религий. Для православных верующих очевидна инфернальная сущность этого мировоззрения. Поэтому главный удар должен быть направлен именно на Православие, но наносится он не явно, а скрытно.

Во-первых, — через раскол Православного мира и в первую очередь — Православного Русского мира. А во-вторых, — с помощью размывания православного мировоззрения на всех уровнях (от догматики до этики). В частности, это осуществляется путем утверждения универсального принципа толерантности, закрепленного в принятой в 1995 году ЮНЕСКО **«Декларации принципов толерантности»**. Этот документ понимается как «отказ от догматизма, от абсолютизации истины», вместо чего единственной нормой объявляются международно-правовые акты в области прав человека.

Если христианские ценности противоречат закрепленным в международно-правовых актах правам человека, они должны быть отвергнуты. Но мы видим, что утвержденные в последние годы декларации и резолюции международных организаций в области прав человека (Декларация 2008 г. о правах человека, сексуальной ориентации и гендерной идентичности, Резолюция Совета по правам человека ООН 2011 г. о правах человека, сексуальной ориентации и гендерной идентичности, многочисленные резолюции Совета Европы) абсолютно несовместимы с нормами христианской этики.

В действительности толерантность стала способом реализации старой масонской формулы **«порядок через хаос»**. Как писал Уго озль Порсиати, один из высокопоставленных посвященных, *«девиз «порядок через хаос» представляет синтез масонской доктрины и ее главную тайну. Она означает, что «великое делание» может происходить через состояние разложения и растворения, и учит, что к новому порядку можно прийти только через искусно организованный беспорядок»*.

При этом размыванию и разрушению подлежит все: экономика, финансы, государственный суверенитет, система

управления, система образования, наука, культура. Должны быть нарушены догматика и этика христианства, которое ныне пытаются «растворить» в других религиях, используемых на данном этапе для подрыва веры в истинного Бога Творца и в воплощение Бога Слова, а в дальнейшем подлежащих упразднению.

Именно в этом смысл глобализации — в тотальном размывании, разрушении и утверждении хаоса. Глобализация не создает нового порядка (и в непонимании этого — коренная ошибка тех, кто в силу своего невежества ее поддерживает), ее задача — чисто деструктивная; конечным результатом этого процесса будет всеобщий кризис, в условиях которого и должен явиться тот, кто выдаст себя за Спасителя и установит новый порядок.

Итак, нам необходимо трезвиться, быть бдительными и укрепляться в вере!

РАССКАЗЫ

ДОЖДЛИВЫМ ВЕЧЕРОМ

Панкратий Егорович лежал на печи и тихонько постанывал. Иногда завывал в голос, когда на него подолгу не обращали внимания. Маленький, щупленький, в свои семьдесят лет выглядел хило, неважно — но силы в нем были. Со старухой еще держали скотину, корову, правда, лет как десять назад продали — тяжело уже, но коза имелась. Еще Панкратий Егорович держал кур и очень любил своего разноцветного красавца петуха. Стоило тому только расправить крылья, выпятить грудь и важно поквокать, как куры-дурехи тут же бежали к нему. Панкратий Егорович поправлял кепку и, прищулив один глаз, улыбался:

— Заставишь мою старуху так же драпать. Щас!

По вечерам у Панкратия Егоровича прихватывало ногу. Еще в юности настудил. Теперь, лежа на печи, укрывшись полушубком, пытался отогреть. Да разве теперь отогреешь? К постоянным легким болям старик уже привык и по вечерам, забравшись на печь, тихонько начинал постанывать. Но случалось, хотя и

ПРОЗА

не часто, что нога ломила невыносимо, тогда тот бранил ее окаянную благим матом. Старуха натирала ногу самогоном и медом, обматывала полотенцем, плескала немного в кружку и давала старику. Тот выпивал, быстро хмелел и засыпал.

Сегодня, как обычно, Панкратий Егорович, лежал на печи, укутав ноги полушубком, и поглядывал в окно. Шел дождь, на улице было хмуро и сыро и на душе как-то тоже становилось тоскливо. Старуха его, Августина Серафимовна, сидела на кровати и, склонившись, ловко работая спицами, что-то вязала. Внук Степка сидел рядом за столом и читал книгу. Страсть как любил читать. Приехал погостить к деду с бабушкой на лето, и прихватил с собою целую связку книг. Мальчишка в двенадцать лет был не по годам умен, и Панкратию Егоровичу иной раз нравилось того слушать.

Старик снова закричал, застонал в голос. Хотел, чтобы на него обратили внимание. На него обратили.

— Сильно болит? — спросил Степка.

— Ишо как. — Старик был рад, что его заметили.

— Давно бы в район съездил с кем-нибудь, в больницу, глядишь, и вылечили бы, ногу-то, — посоветовал внук.

— Как же, вылечат там. Дождёсся.

— Отчего же не вылечат? Поди, не глупые люди работают. Может, на процедуры какие прогревательные направили бы или мазь какую-нибудь выписали.

— Мазь... Что мне их мазь. Мне вон старуха самогоночкой натрет ногу-то, вот те и лекарство. Лучше всех ваших мазей. — Старик посмотрел на супругу. — А ежели немного и внутрь плеснуть, то вообще никакая зараза не пристанет.

Августина Серафимовна пропустила мимо ушей реплику больного. Панкратий Егорович понял, что самогона ему сегодня не нальют. Не сказать, чтобы он частенько выпивал, но в такую вот дрянную погоду, когда на душе тоскливо и одиноко, перед сном грядущим кружечку бы пригубил.

— Папка мой вон тоже всю зиму с зубом мучился. И думчился. Весной пошел в больницу — вырвали. А гляди, сразу обратился бы, поставили пломбу, и зубик цел.

— Зубик, — протянул старик. — Зубов их вон скока. Один вырвешь и не заметишь. А у меня ног всего одна пара. Оттяпают по колено ишо.

— Ну тебя, — Степка махнул рукой и взялся снова за книгу. — Глупость какую-то молотишь.

Панкратию Егоровичу стало даже обидно, что от него отмахнулись, как от непутевого. И чтобы сгладить вину, он решил сменить тему. Ему хотелось разговаривать. За беседой было не так тоскливо.

— Чаво это ты там все читаешь? — обратился он к внуку.

— Роман.

— Про любовь, что ли?

— Ну, можно и так сказать.

— Мал ишо про любовь-то читать. — Бабушка тоже перестала вязать, посмотрела на деда.

— Ты чаво это языком-то завертел, как собака хвостом, — сказала старуха. — Не слушай его, Степочка, дурака старого. Не слушай.

Панкратий Егорович заулыбался, засиял весь. Обернулся на спину, широкой ладонью потер губы, не переставая улыбаться. Его веселило то, что он смог утереть начитанному внуку нос. Оказывается, не все ты парень знаешь. Про это, пожалуй, в книгах не пишут. Степан, догадавшись, что дед смолол очередную глупость, отвернулся к окну.

Полежав немного на спине, старику стало тошно, и он снова обернулся на левый бок.

— Ты вот книг стока набрал с собой, неужто всё прочтешь? — Панкратий Егорович глянул на внука, тот и ухом не повел. — Чаво молчишь?

— Не мешай.

— Было бы чаму мешать. — Старик покашлял в ладонь. — Это, конечно, не картошку окучить да травы накосить.

Степан посмотрел на деда. Работать Степка и впрямь не любил. Не за этим приехал в деревню. И постоянно увиливал от работы. То с ребятишками на реку убежит, то на сушилах с книгой затаится.

— Что же, по-твоему, и читать вовсе не нужно?

— А чаво их читать-то?

— Чтобы дремучим не быть.

— Батюшки, — захорохорил дед. — Я вот до своих годков дожил не читамши и ничаво, как видишь, живой.

— А Шекспира знаешь?

— Чаво?

— А Чехова, Пушкина?

— Это который с кудрями был? — Старик призадумался. — Знамо конечно. Что я, по-твоему, совсем, что ли, неуч. Он еще сам себе памятник смастерил.

— Да не смастерил, а воздвиг. Нерукотворный.

— Эт как?

— Читать для этого нужно, чтобы знать. Вот как!

Августина Серафимовна улыбнулась. Ее радовало, что внук у ней смышленный малый, идет в ногу со временем. В отличие от деда, она никогда не препятствовала, чтобы тот читал. Грядки она и сама польет, чего мальчонку зря тревожить.

Панкратий Егорович призадумался, почесал лысину, перевернулся на спину, тяжело вздохнул.

— Завтра забором будем заниматься.

— С кем? — Степка оторвался от книги.

— Ясно дело с кем. Будем старую рухлядь разбирать, да за баней складывать.

— Не такая уж это и рухлядь.

— Те бы только от работы увильнуть. — Старик покосился на внука. Паренек тоже недовольно посмотрел на деда. — Чаво на рыбалку-то не ходишь?.. Хоть бы окуней наловил, мы бы с бабкой зажарили.

— Комаров кормить.

— Посмотрите, какие мы! Уж не съедят.

Степан на это ничего не ответил. Старик, посмотрев на светлый затылок внука, что-то непонятное пробубнил и перевел взгляд в дальний угол, где стояли его большие сапоги. Вспомнил младший сын Филипп, Степкин отец. Вообще у них со старухой большая семья: шестеро детей. Один утонул. Двух недель не дожил до восемнадцатилетия. После выпускного с ребятами пошли встречать рассвет на реку. Вся компания изрядно пьяная. Кому-то взбрело в голову окунуться. Полезли все. А кровь-то молодая, горячая. Давай соревноваться, кто реку переплывет. А она в тех местах широка. Трезвый с трудом осилишь расстояние, не то что хмельной. Вылавливали потом троих. Среди них был и сын Панкратия Егоровича, Димка. Вот, оказывается, как беда внезапно подкрадывается, а затем со всего размаху бьет наотмашь. Так намного больней. Когда готовишься, когда ее ждешь, еще есть силы ей противостоять, а тут...праздник, радость... да ведь молодые какие — еще жить и жить. У Августины ноги тогда отказали от горя, все лето пролежала не вставая, да и у Панкратия в сорок лет виски посеребрились. Что ни говори, а все же материнское сердце за дите свое переживает куда больнее.

Панкратий Егорович снова повернулся на бок, посмотрел на старуху.

— Дождь идет ишо? Не слышу.

Августина Серафимовна посмотрела в окно.

— Приутих, но еще моросит.

— Грибы нынче пойдут, — старик громко кашлянул в ладонь. — Плесни полкружки. Не усну, видно.

— Опять разболелась? — Старуха сквозь очки посмотрела на супруга. Чего-чего, а обманывать тот не умел. Смолоду никому не врал.

— Да так. Терпимо.

— Вот и терпи. Нечего.

— Пить вредно, — вставил свое слово Степан.
— Понимал бы чаво. — Старику стало обидно.
— А чего тут понимать. Тут и так все ясно. Алкоголь разрушает клетки мозга, печени и приводит к раковым заболеваниям...

— Пошел ты.

— А ты не огрызайся, — вступилась Августина Серафимовна за внука. — Умные вещи толкует, а ты ишо бранишься.

— Умные вещи-и! Чаво бы понимал. От горшка два вершка! — Панкратию Егоровичу и впрямь до боли в животе стало обидно и горько, что за какой-то паршивый глоток о нем говорят, как о заядлом алкоголике.

— Многие бытовые ссоры, в том числе и с летальным исходом, как раз и происходят по вине алкоголизма. Кто-то выпил, показалось мало, ему бы еще, да не дают, он в драку, а рука тяжелая... Отсюда выводы.

— Я шо, по-твоему, драться с кем собрался? Удумал!

— Драться не драться, а к инсульту рано или поздно приведет. Тем более в твоём возрасте.

— Это у вас там в городе мрут как мухи. Потому как дрянь всяку хлыщут. Бодягу. А самогон, если по-домашнему и для себя, полезней родниковой воды будет. Неужто моя бы его гнала, чтобы я ноги скорее протянул?

— Все же...

— Вот те и все же! Ясно дело, у вас там пьют ведрами да с пеленок, потом валяются в подворотнях. А ежели мужик всю жизнь в поле на комбайне да на тракторах отработал, ему что, под старость лет и выпить нельзя? Кружка в день ему положена.

— Пряма уж и положена? Откуда такие выводы?

— А у тебя откуда?

— В журнале «Здоровье» вычитал, да кое-что по биологии проходили, — ответил Степка.

— Я твои книги сожгу завтра все, чтобы голову чепухой не забивал.

— Ну, чего ты ерепенишься, как воробей старый? — вмешалась Августина Серафимовна. Иногда, когда было что-то не по-стариковски, тот вел себя как большой ребенок. Бранился и обижался. Старуха это знала и потому особо не сердилась. С пожилыми людьми такое часто бывает, когда их не понимают.

— Ну вас, — буркнул Панкратий Егорович и, матюгнувшись себе под нос, перевернулся на другой бок, к стенке.

В избе стало тихо. Старик уткнулся носом в подушку. Вспомнился снова Филипп, младшенький. Панкратий лю-

бил о нем вспоминать. Вот уж кто действительно его понимал, так это Филипп. Вообще тот с самого детства рос парнишкой добрым и заботливым, последнюю рубаху готов был отдать. Как-то раз принес с улицы котенка подбитого, одноглазого. Ну, куда его? У самих кошка пятерых в подоле принесла. И все же нет, не выкинули, уговорил. И ведь вымахал какой. И не подумаешь, что когда-то был озябшем комочком шерсти. Пусть и одноглазый, а кот был справный. Оказался крысоловом. Всех крыс в избе извел. Долго он прожил у них, как к родному привыкли. Как-то раз захворал сильно и пропал. Не редкость, когда кошки перед смертью издыхать уходят в другое место. Гордые животные. Припомнилось старику и то, как однажды отправились они с Филиппом в лес по грибы. Полные корзинки набрали. И только собрались обратно чалить, как вдруг из-за диких кустов малиника медведь показался. Посмотрел на двух перепуганных грибников, повел носом, внюхивая вокруг себя воздух, и пошагал дальше. Вот уж страху-то натерпелось. Пооди, был бы с малышами, все, крышка. А рыбалку-то как Филипп любил! Уж никогда не откажется с отцом поутру на реку пойти. А бывало, и сам, хоть и на ночь, приедет погостить, а возьмет лопату с вечера, червей приготовит и к отцу, так, мол, и так, не уважите компанию составить. Сроду ни с какими книгами не сидел.

«Книголюбы, мать их. Все они лоботрясы. Взяли моду с книгой валяться сутки напролет. С каких это пор видано, чтобы летом, в ясну погоду с книгой лежать, словно других дел не найдется. Лодыри — я, мол, не отдыхаю, я с книгой, и отстаньте от меня. Чехова мы не знаем. Он что мне, ваш Чехов, картошку вскопает или травы накосит, чтобы я его знать должен был!» — Старик про себя ругнулся.

Августина Серафимовна перестала вязать. Встала с кровати, обула галоши, покинула избу. Старик перевернулся на спину. Посмотрел в окно. Дождь прошел. Видно в хлев направились. Внук по-прежнему, подперев голову одной рукой, сидел за столом с книгой.

— Пооди, знаешь, где бутылку прячет? Сходи кружку набери. Что-то на душе тоскливо.

— Сейчас на душе тоскливо, а завтра голова бобо, — ответил внук.

— Значит, придется забор до лучших времен отложить, — схитрил Панкратий Егорович. Услыхав такую новость, Степак быстро вышел в сени. — Лентяй.

Паренек протянул старику кружку и подал малосольный огурец.

— Может, сала отрезать?

— Не надо.

Панкратий Егорович в несколько глотков опустошил налитое, занюхал локтем, затем надкусил огурец.

— Хороша-а, — изрек он. — Бабке только ничего не говори.

— Ясное дело, мне же и попадет.

Старик улыбнулся. Степан, убрав кружку, опять уселся за стол и взялся за книгу. Панкратий Егорович немного покряхтев, отвернулся к стене. А забор все же разобрать нужно. Завтра с утра пораньше работенка для него имеется. Внука тревожить не станет. Пусть читает, может, и правда, каким учёным станет.

ЖУНЬКА

Вот уже как с неделю Павел Сергеевич Чуянов ходил сам не свой. Это был старик небольшого роста, хиленький на вид, с редкой сединой на голове. Волновал его один и тот же вопрос — что делать с Жунькой? Жунька — это свинья. Молоденькая, крупненькая, жирненькая, даже местами розоватая. Что обычно делают с такими хрюшками под осень, всем известно — нож под сердце и на сало. Все это Павел Сергеевич прекрасно понимал и от того-то и ходил хмурый. Не хотелось ему губить животное. И если была бы воля Павла Сергеевича, то жила бы его Жунька в хлеву, словно какая-нибудь собачонка в будке, пока не издохнет своей смертью. Но этого не позволяла супруга, Ирина Филипповна.

— Совсем ополоумел?! — ругалась она. — Она тебе что, кошечка какая, что ты ее лелеять собрался? Чем она других лучше?

— Ну не могу я так. Понимаешь? Не могу, — вздыхал старик. — Жалко мне ее, ведь как родная...

— С каких это пор ты со свиньей породнился? — посмеивалась Ирина Филипповна. — Ну, тебя никто и не просит. Генку позовем. Он парень молодой, опытный, за бутылку хрюшку и заколет.

На этом весь разговор и заканчивался. Сами они людьми были городскими. Вся жизнь Павел Сергеевич прожил в городе, отработав сорок лет на стекольном заводе. Там же, в городе, в один из июньских теплых вечеров познакомились у фонтана. Молодой Чуянов тогда только дембельнулся из армии. Прогуливаясь вечером по родному городу, любуясь огнями и отражением витрин, Павлу казалось на тот момент, что не был он тут не каких-то два года, а целую вечность. А

тут еще у фонтана заприметил двух хорошеньких девиц в компании изрядно пьяного кавалера, который так и нарвался обнять и поцеловать то одну, то другую. Павел сделал тому замечание, мол, нехорошо так себя вести в присутствии дам и тем более на улице. Девчата поблагодарили его и отошли в сторону, как бы за Пашкину спину. Понял он, что это вовсе не кавалер одной из них и что, скорее всего, возможно и не совсем знакомый. Одной из девиц оказалась Ирина. Так и познакомились. До сих пор не забыть Павлу Сергеевичу тот вечер. Ее ситцевое белое платье в ромашку и две смешные косы, как у первоклашки. А глаза! Ее прекрасные добрые глаза могли пленить любого, кто бы в них заглянул. И улыбка. Эта нежная улыбка могла обогреть и развеселить в самый ненастный день. Не смог Павел Сергеевич устоять перед такой красотой. Ирина же оказалась не только красивой девушкой, но и очень веселой и интересной. Приятно было с ней проводить время. Да и Павел в молодые годы не был скромнягой. Поговорить любил и, главное умел, это тоже талант иметь надо. Так и поженились. Ирина, отучившись в медицинском, устроилась в городскую областную больницу кардиологом. Вскоре молодой семье дали квартиру. В Советском Союзе с этим было попроще, чем сейчас. Затем в молодой семье появился сын Иван. И все пошло слаженно, хорошо, как у обычных людей.

Время шло. Как-то незаметно пережили «перестройку» и не успели и глазом моргнуть, как уже в новом государстве — Российской Федерации. А в этом новом государстве с работой проблема, не говоря уже о новостройках для молодежи. Про всё это можно было забыть. Всё осталось в прошлом, как в старой сказке. Вот уже и Иван подрос, женился. Работы стабильной не было, чтобы можно было снимать квартиру. Подрабатывал, где придется. В основном грузчиком на рынке. Многие тогда вкусили вкус безработицы. Даже люди искусства узнали этот горький вкус. Артисты театра и кино, любимцы миллионной публики подрабатывали таксистами, сторожами, или, как Иван, грузчиками. Каждый выживал, как мог. И потому пришлось Ивану привести супругу в родительскую двухкомнатную квартиру. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Вот и внуки пошли, подрастать стали. Места в двушке не хватало, и потому пришлось Ивану с женой и детьми перебраться на съемную квартиру. Благо, к тому времени в городе все наладилось понемногу — и с работой и с продуктами. Но все равно приходилось крутиться, как белка в колесе. Из шкуры лезть, чтобы семью прокормить. Что ни говори, а съемная квартира карман тянет. А кому охота,

чтобы твое чадо в рванье ходило гранит науки грызть? И потому Павел Сергеевич с Ириной Филипповной решили, как выйдут на пенсию, купить в деревне домик и перебраться туда. Много деревень в области заброшенных, где коротают свой век такие же пенсионеры, как и они. Да и цены на жилье там копеечные. Все Ивану с внуками легче будет в их квартире жить. На свою-то вовек не заработать. А тут, гляди, год-другой, да и внуки школу окончат.

Вот и пришло то время, когда стали пожилые родители вместо зарплаты пенсию получать. И на накопленные сбережения (где-то и сын помог) купили в деревне Ичалка, в сотне километрах от города, домик. За какие-то смешные сто пятьдесят тысяч. Но домик оказался неплохим, справным, даже печь была в хорошем состоянии. Так вот и зажили они со старухой деревенской жизнью. Из городских на старости лет деревенскими стали. Но городская жизнь от сельской ой как отличается. Сильнее всего это испытал на себе Павел Сергеевич. Старухе чего, баба есть баба, та всегда работу в доме найдет. Где приберется, где у плиты похозяйничает, приготавливая старику обед. А вот мужику городскому в деревне скучно стало. Скучно и обидно. Думалось, как сын в квартиру въедет, все чаще родителей навещать станет, благодарность проявлять. Ан нет. Навестил пару-тройку раз, да и забросил посещать. Все некогда да некогда. Городской. Дела. Это вы тут, мол, родители теперь в деревне живете, пенсию получаете, отдыхаете, жизни радуетесь, а там в городе за каждую копейку нужно попотеть. Этим разговоры в основном и заканчивались. Совсем скис после этого Павел Сергеевич. Да и скука смертная одолела. Странно как-то, но рыбалку никак не мог полюбить. Сколько ни брал с собой удочку, как ни ходил на пруд, а все не мог понять, чем же это занятие так людей забавляет. Сиди, как истукан, и жди, когда рыбешка (которую и рыбешкой толком-то не назвать — чуть больше мизинца) клюнет.

— На это, Сергеич, тоже, как душа ляжет, — говорил сосед Игнат Борисович. — Мне вот на пруду с удочкой интереснее посидеть, головастиков этих кошке половить. Тут ведь дело-то не в рыбе. Хотя каждому свое. Я душой отдыхаю. Понимаешь? Душой. А взять Митьку моего. Заставь-ка его тут с удочкой сидеть — ага, щас! Этот лучше на Оку поедет мамонтов ловить.

— Ну, всё хоть польза какая-то, — говорил Павел Сергеевич и без энтузиазма поглядывал на свой поплавок.

— Кому как, — отвечал Игнат Борисович. — Тебе, вижу, тоже радость эту не понять. — И, немного подумав, добавлял: — Оттого и мучаешься, что жить не умеешь.

А жить в деревне Павел Сергеевич действительно не умел. Не то что не умел, скорее не хотел. Больше полжизни проработал на заводе, лодырем никогда не был. Знал свое место и свою работу и всегда справно ее выполнял. Здесь же, выйдя, бывало, с утра во двор, не знал, чем занять свои руки. Да и двором это толком не назовешь. В сенях, в хлеву кругом щели, подгнившие доски, хлама много. Запасли к зиме дров. Хоть и сроду ни колол дрова, но научился быстро. Хотя тоже удовольствия особого не доставляло растапливать печь или баню. Нудная работенка. Не привык к такой Павел Сергеевич. Не привык.

Посовещавшись с женой и подлатав немного хлев, решил Павел Сергеевич завести хрюшку. Хоть какое-то разнообразие. С этой розовой животинкой все интереснее стало жить. Но купили по неопытности совсем слабенького поросеночка. И пришлось старику выкармливать того, как младенца, из соски.

— Ну вот и ребеночка на старости лет приобрел, — улыбалась старуха.

И, действительно, прижмет Павел Сергеевич это крохотное розовое тельце к груди, поднесет бутылочку к пяточку и лобуетя, как тот, повизгивая, попивает молоко. Глазки прищурит, копытцем задним дернет время от времени, — дитё и есть дитё. И стал старик в хлеву днями и ночами пропадать. Не то чтобы работы много за поросенком было, а как-то тянуло его туда. Понравилось Чуянову беседовать с хрюшкой. Присядет, бывало, на табурет, погладит подругу за розовым ухом и заведет беседу о жизни. О своей жизни. Что-нибудь из прошлого. А Жуньке (так прозвал старик свою собеседницу) нравилась такая забота, и сама, завидев Павла Сергеевича, тянулась к нему. Тот и хлебушком угостит, и яблоком.

А еще навалился Павел Сергеевич Жуньку во двор выпускать и проводить там купательные процедуры. Приобрел для этого специальную щетку. Наведет в тазике теплой воды, покрошит через терку мыла, аж пена через край и давай своей любимице бока натирать докрасна. А поросенку приятно, стоит, не шелохнется. Только пяточком водит из стороны в сторону да повизгивает весело. И разве скажешь после этого, что свиньи грязные животные? Ничего подобного. Старуха, глядя на это, поначалу улыбалась. Чем бы дитя ни тешилось... Главное, что супруг занятие нашел, а не ходит целыми днями с кислым лицом, не зная, чем себя занять. Но со временем стала показывать свое неудовольствие. Негоже это, что старик сутки напролет со свиньей играет.

— Ты еще раскладушку поставь в хлеву, — ворчала Ирина Филипповна. — А то поросенок без тебя не уснет. Нашел невесту. Старик на это хитро, с прищуром, улыбался.

Было у Павла Сергеевича в деревне еще одно занятие. Любил с утра или ближе к вечеру прогуливаться по погосту. Хотя ни родных, ни знакомых у него там не было, а все же какая-то невидимая, непонятная сила тянула его на кладбище. Там легко думалось. А думать думу о жизни, о вечном Чуянов последнее время полюбил. С возрастом, что ли, это пришло, не понять. Или от того, что времени, которого в городской суете катастрофически не хватало, теперь же было с излишком, и его нужно было куда-то и на что-то девать. А может, и оттого, что какой-то частичкой подсознания понимал, что не вечно ему топтать эту землю, радоваться рассвету и закату. Скоро придется и ему лечь где-нибудь здесь, рядом с этими холмиками. Ничто в этом мире не вечно, а человек тем более.

Пройдет старик не спеша по кладбищу, остановится у какой-нибудь могилы и подолгу смотрит на крест. У каждого у них была своя судьба. Каждый внес частичку себя в историю. Каждый прожил эту жизнь, как сумел. Кому-то больше было отмерено, кому-то меньше. Но каждый из них познал вкус жизни. И радость, и боль, и ненависть, и дружбу, утрату и любовь. Кто начальник, кто рабочий. Теперь это уже не важно. Здесь теперь все равны.

Полюбилась старику на кладбище одна могилка. Заброшенная могилка. Неухоженная. Покойница еще в позапрошлом веке на эту землю явилась. Вот уж, действительно, много чего повидала и испытала за свою жизнь. А теперь лежит здесь скромненько. Внуки и правнуки, скорее всего, в город перебрались, городской жизнью живут. И приехать и прибраться на могилке некому. Да и местный народ, навещаая родных и близких, проходят мимо этой могилы, поросшей бурьяном, и ни один на Пасху не приберется на ней, не положит яичко или конфетку. Обидно. Чаще всего навещал эту могилку Павел Сергеевич. И каждый раз, поглядывая на покосившийся от старости крест, вспоминал сына. Придет время, и они со старухой лягут где-нибудь здесь. Будет ли Иван навещать их? Или порастут могилки травой, что и памятника видно не будет.

Иван с семьей приехал в пятницу вечером. За ужином Павел Сергеевич узнал, что Жуньку заколют завтра. Всю ночь пробыл старик в хлеву. А утром ушел за деревню, уселся на пригорок и, уставившись на небо, любуясь пушистыми облаками, тихонько вздохнул:

— Вот так, поди, вегетарианцами и становятся.

Бабушка моя, Лысова Зоя Александровна, родилась 30 сентября 1941 года в деревне Вертьяново Дивеевского района. Деревеньку в одну улицу Вертьяново и село Дивеево разделяла речушка Вичкинза. Вернее, мост, что лежал через реку. Давно уже нет этой деревеньки, которая словно деревце к дереву приросло к огромному селу и носит новое название — Дивеево. Но все равно устами местных так и кличут жителей той стороны — вертьяновскими.

Каждый раз, вспоминая что-нибудь из далекого солнечного детства, теплая радость, словно маленький огонек лампадки, согревает душу. Будь то школьные будни, детские мальчишеские проделки, веселые игры или же ночевки у бабушки Зои. Столько времени прошло уже, а помнится, как будто все это было вчера. Мне лет восемь, сестренке Валюше и того меньше, годиков шесть. Зимой в каникулы бабушка частенько брала нас к себе ночевать, чтобы родители хоть как-то могли отдохнуть от нас — сорванцов. Бабушкина квартира находилась на первом этаже старого двухэтажного дома. Это уже после она получит уютную однокомнатную квартиру со всеми удобствами, а до весны 2002 года проживала в негодном доме. Окна первого этажа уходили в землю и, находясь в самой квартире, было забавно смотреть в них — вроде бы и огород, и кусты малины, и крапива за стеклом, и в то же время виднеется земля. Летом в квартире, когда не топилась печь, было холодно и сыро. По ночам со скрипом отклеивались от холодной штукатурки обои, и того гляди, казалось, что вместе с ними рухнут и стены. Может, и днем тоже обои тресали, но в суматохе дня этого как-то не замечали. Но зато по ночам, когда все вокруг стихало и погружалось в сон, стены, словно ночные призраки, напоминали о себе.

Сама квартира была двухкомнатной. До пяти лет я с родителями и с сестренкой проживал в одной из комнат, пока матери не дали отдельное жилье. Как только мы переехали в двухкомнатную квартиру, бабушка перебралась в нашу комнату — она была больше, светлее и теплее. Другую же комнату со временем завалили старыми не нужными никому вещами. Отчего-то повелось так у нашего народа, что вроде бы вещь и старая, никому уже не нужная, а выбрасывать жалко. Словно память сжимает ладонью сердце и не велит выкидывать. Пусть хранится, хлеба не просит, может, когда-нибудь да сгодится. Вот именно ту самую комнату я и любил навещать, будучи мальчишкой, когда гостил у бабушки. Чего там

только не было: старые книги, журналы, открытки, письма, изломанные часы, разобранное радио и телевизор, игрушки, среди которых была и мамина детская кукла. Кукла эта давно уже почернела от старости, и рот ее был разрезан ножницами. Это мама маленькой девочкой подправила резиновой кукле ротик, чтобы та могла кушать кашу. Столько времени прошло, как ни странно, а кукла сохранилась. Мама давно уже окончила школу, отучилась в Горьковском училище на швею, вышла замуж, родила меня и сестренку, а кукла по-прежнему ютилась среди старых коробок, изломанных ненужных вещей, как бы дожидаясь своей участи — а может, все-таки еще поиграют?

Посмотрев на черно-белых Степашку и Хрюшу по телевизору «Рекорд», мы начинали готовиться ко сну. Я знал, что сразу мы не уснем. В темной комнате, что освещалась ночной луной, лежа в постели, мы, как обычно, заведем беседу. Бабушка расскажет какую-нибудь сказку, а может, и не одну. Бабушка Зоя много знала сказок. На то она и бабушка. Это был, поди, самый шемящий сердце момент, когда, наигравшись за весь вечер, мы начинали готовиться ко сну, хотя спать особо еще не хотелось. По крайней мере мне и сестренке, ну, на худой конец, уж мне-то точно. Я всегда любил такие вот беседы и, как себя помню, постоянно был любопытным мальчишкой. Бабушка рассказывала сказку, а если мы не засыпали, то рассказывала еще одну. В основном это были одни и те же сказки — «Красная Шапочка», «Гуси-лебеди», «Снежная королева»... От частого пересказа они казались мне уже скучными. Поэтому мы с бабушкой пробовали придумывать новые сюжеты по старым сказкам. Получалось забавно и интересно. В нашей истории Красная Шапочка несла бабушке не пироги в корзинке, а Колобка, и на пути ее повстречался не Серый волк, а Змей Горыныч. Сестренка тоже пыталась что-то вставить от себя, хотя бы словечко, но я ее перебивал, придумывая что-то свое. Вскоре и эти новые выдумки поднадоели. Напридумали историю такую, что и конец подобрать не можем. И кажется, что нет нашей сказке ни конца, ни начала. Валюшка давно уже спит, тихо посапывая носиком. Сестренка всегда ложилась с бабушкой на большом диване, я же за печкой на кровати, как взрослый, лежал один. В комнате тихо играло радио (отчего-то у бабушки радио никогда не выключалось и жило своей жизнью), в печи, потрескивая, догорали поленья, а за ледяным окном свирепствовала, тяжело завывая, вьюга.

— Ну вот что, давай-ка уже спать, — говорит мне бабушка, поправляя сестренке одеяло. — Валюша уже седьмой сон видит, а ты все никак Змеем Горынычем не угомонишься.

— Не спится. — Я поворачиваюсь на левый бок и сквозь темноту посматриваю на нее. — А расскажи про Марью-колдунью.

— Нашел время о колдунах говорить. Кто же по ночам о них вспоминает? — Бабушка, покашляв, затихает.

Мне не спится. Лежа в кровати, откинув одеяло к ногам, я слушаю, как позади меня, в печи, все слабее и слабее потрескивают, умирают поленья. Ту историю о колдунье Марье, что проживала когда-то в Вертьянове, я немного знал. Но тогда, в ночной тишине, я снова хотел ее услышать. Но бабушка, по-видимому, устала от разговоров и всерьез приготовилась ко сну. И я пошел на хитрость.

— А правда, что колдуны могут в кошек оборачиваться? — спросил я вполголоса.

— Могут, — послышался бабушкин слабый голос.

— И в собаку смогут? — не унимался я.

— А чего бы и нет, — отвечала бабушка. — Они в кого угодно могут. Вот взять ту же Марью, к примеру...

— А что она?

— Снова не уснешь, бояться всего будешь, — упрекает бабушка.

— Не буду. — Я отважно храбрюсь.

Спать и правда не хотелось, а послушать историю про колдунью, поугадать свою детскую душонку было страх как интересно. И бабушка, снова вздохнув, начала рассказ:

— Идем мы как-то с девушками из клуба. Разговариваем, смеемся. Танцы вроде бы как уже и прошли, а расходиться не хочется. И вдруг видим, как за нами по дороге бревно огромное катится. Мы шаг прибавим, и оно за нами следом быстрее, мы остановимся, и бревно стоит. Испугались мы, девчонки молодые, и бросились бежать, не помня себя. А на встречу брат мой Юрка с ребятами идет. Мы к ним, так, мол, и так, бревно за нами катилось. Те в смех. А кто-то из ребят и говорит, да это вас Марья поугадать решила. Она это была.

— В бревно превратилась?

— Да в кого только не превращалась. То лошадью промчится по деревне, то свиньей разгуливает. А как-то тетя говорила, что сидела она в избе днем, чай пила с баранками, вдруг глядь во двор, а там коза на поленнице сидит, и в окно уставилась, на тетю смотрит. Тетя и говорит ей, ну чего ты, Марья, балуешься, чего тебе все неймется? Та посмотрела-посмотрела и ушла долой.

— И что, все знали, что она колдунья?

— А чего бы не знать. Деревня маленькая. Все про всех знали. Да и сама по себе она была не злой, не вредной, только

вот иной раз похулиганить любила. Умирала, правда, тяжело. Долго мучилась. Все просила воды ей подать, да никто не решался из соседей к ней подойти. Могла силу эту бесовскую передать. От того и мучилась долго, что никто к ней не подходил.

Я лежал, прижавшись левым ухом к подушке, и боялся шелохнуться. Это сейчас я прекрасно понимаю, что не может человек оборачиваться в животных и в другие предметы, что давнишняя эта история не более чем выдумка. Что когда-то давным-давно жила в нашем краю пожилая старушка Марья, возможно, горбатая, скрюченная работой и старостью, замкнутая, немножечко не в себе, и вот ею-то и пугали непослушных малышей родители. Так и прицепился этот облик к ней. Не ужилась бы настоящая колдунья с простым народом. Не ужилась. А, как известно, у страха глаза велики. Мало ли кто не привидится в темноте молодым девицам. Вот и мне тогда тоже после услышанного померещились на стене непонятные тени, того гляди, так и норовили подкрасться ко мне, ущипнуть или схватить за ногу. И, не скрывая испуга, я попросился к бабушке на диван.

— А я что говорила, спать один не будешь. — И бабушка, осторожно пододвинув сестренку к стене, подвинулась сама. Я прилег с краю на диван, прижался макушкой к теплому бабушкиному плечу и тихонько вздохнул. Уже было совсем не страшно.

— Ба-а.

— Ну чего еще?

— А кто сильнее волк, или собака?

— Опять двадцать пять. Ты уснешь или нет?!

— Усну-усну. — Я прижимаюсь к бабушке так, чтобы было удобней слушать.

Бабушка обнимает меня и говорит, что сильнее волк, потому как он хищник. В комнате тихо играет радио, а я, укутавшись одеялом, слушаю бабушку, ее рассказ о том, как волки хозяйничали в их деревне в зимние военные годы. Тогда морозы стояли ужасные. Мужики все на фронт ушли, остались лишь бабы да дети. Вот зверь и повадился к деревням ближе ютиться. Днем еще как-то побаивались показываться, а только-только стемнеет, волки тут как тут. Расхаживают по Вертянову как хозяева и никого не боятся. Сколько собак погрызли, и представить страшно. Во двор не боялись забегать, из конуры вытаскивали. Выйдут бабы утром, а от собаки только ошейник рваный на снегу лежит. Лес-то рядом, рукой подать. Вот волки и выходили на прогулку. Затемно к людям, с рассветом обратно в лес...

Столько времени уже прошло, а все равно вспоминаются мне те беседы при ночной луне. Словно кто-то невидимой ладонью гладит мое сердце. Тепло и грустно становится. Тепло от того, что вспоминается детство. Детство — это всегда теплая весенняя пора. Грустно же потому, что совсем недавно не стало нашей любимой бабушки Зои. Она умерла 4 ноября 2014 года в праздник Казанской иконы Божией Матери. Как же хорошо, что у человека есть память, и все самое хорошее, все самое драгоценное о человеке хранится именно там, в потемках души его, и живет вечно. Больно, печально и одиноко от того, что не обнять мне больше никогда ее хрупкие дорогие сердцу плечи, не прижаться щекой к ее фартуку, не поговорить, не послушать ее интересных историй... Но пока я живу, в сердце моем всегда будут храниться ее улыбка, добрый голос и теплые глаза.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Сергей Михалин, крепкий, высокий мужчина средних лет, не спеша, обходя лужи, утопая ботинками в грязи, оставляя глубокие следы, пробирался к дому. Шел от Лисенковых. Забежал на полчаса посмотреть стиральную машинку, да задержался до позднего вечера. Подходя уже к дому, он заприметил на крыльце жену. Ее встревоженный взгляд насторожил и его. Неужто опять чего с Ольгой? Его младшенькая последнее время частенько принялась хворать.

— Сергей... — Заприметив вопросительное лицо супруга, женщина хотела было что-то сказать, но промолчала.

— Ну? Чего страшлось?

— Рэм чем-то отравился, по-видимому. В сенях лежит, скулит только, больше ничего. Ефим приходил, говорит, не выживет, только мучается, легче добить. Хотел было обухом топора перебить. Не дала. Тебя решила дожидаться. Даже и не знаю, что делать. — Женщина потеряла глаза, в которых блеснули слезы. — Ему что теленку лоб проломить, что любой живности хребет сломать — раз плюнуть.

Сергей приподнял кепку, почесал затылок.

— Дети как?

— Я им не говорила.

— Ты вот что, Юль, давай иди в избу. Я сейчас тоже подойду.

Сергей зашел в сени. На полу на почерневших от старости досках лежал пес и тяжело дышал. Почувствовав хозяина, попытался приподнять голову, но лишь жалобно заскулил и печально моргнул глазами.

— Что же ты эдак, братец, непутево-то так, а? — Сергей присел на корточки, погладил пса. Тот снова заскулил и слабо вильнул хвостом. Казалось бы, и голос теперь прозвучал радостней. Сергей, тяжело вздохнув, провел ладонью по щетине.

— Н-да, — тихо вымолвил он. — Ну, ничего-ничего. Все будет хорошо. Оклемаешься.

Михалин еще раз провел сильной мозолистой ладонью по мягкой шкуре пса. Заглянул в глаза, увидел в них свое отражение. Сердце больно сжалось. Даже ком подкатил к горлу. Тот холодный осенний вечер он помнил, как сейчас, когда совсем маленьким щенком подобрал его на обочине. Кто-то оставил этот живой комочек шерсти на произвол судьбы. Этой «судьбой» для щенка оказался тогда проезжающий мимо Михалин. И вот за какую-то зиму из маленького комочка вымахал с гладко-рыжеватой шерстью, полный силы и энергии пес. Сейчас же этот самый пес лежал у его ног. Совсем не старый, еще живой, но это уже был не тот Рэм, который обожал детей, играл с ними и каждый раз бросался в объятия хозяев, когда те возвращались с работы.

— Ты только, дружок, потерпи. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Показалась жена.

— Как он?

— Надо в лечебницу везти, — Сергей приподнялся. — Мигом на ноги поднимут.

— Так кто же, на ночь глядя-то лечебницу откроет?

— Откроют. Еще как откроют, — Сергей снова посмотрел на пса. — Неси какое-нибудь тряпье, чтоб постелить да укрыть можно было.

Юля зашла в избу. Сергей, закурив папиросину, поправив на лбу кепку, отправился искать машину. Проходя мимо Ефимова дома, Сергей с презрением посмотрел на окна, в которых горел свет.

— Обухом, говоришь, добить хотел, тюня, — Михалин стиснул зубами папиросу. — Тебе живую душу загубить, что портному карман пришить. И то верно.

У Щукиных в избе горел свет. Хозяева еще не спали. Сергей, потушив ботинком окурочек, поднялся на крыльцо, крепким кулаком постучал по двери. В избе послышались шорохи.

— Кто? — донесся встревоженный женский голос.

— Клавка, открывай!

— Кто, спрашиваю?

— Михалин!

— Господи, — шаги приблизились к двери. Шелкнул затвор. — Чего не спится?

— Твой дома?

— Где ж ему быть?

— Позови, поговорить нужно.

— А чего стряслось-то? — Голос собеседницы насторожился. Торопливый тон, с каким Михалин звал хозяина избы, не очень радовал. Было ясно, что-то случилось.

Немного погодя дверь открыл сам Геннадий Щукин. Вышел на крыльцо, поздоровался. Клавка, поправляя платок, последовала за мужем.

— Чего спать не даешь?

— До Черемушек докинешь? Срочно нужно.

— Ну, если срочно...

— А чего стряслось-то? — Клавку в отличие от супруга любопытство распирало изнутри.

— С Рэмом что-то произошло. До утра, видимо, не доживет. К ветеринару свозить бы надо.

— Совсем ополоумели, — развела руками хозяйка избы. По-видимому, ответ ее не очень устроил. — Своих проблем мало, еще собак подавай!

Сергей недовольно шевельнул скулами.

— Ну, так как?..

— Так ведь лечебница, поди, закрыта, — Геннадий почесал за ухом в недоумении.

— Нет, ё-моё, вас дожидается, когда вы на ночь глядя объявитесь, — залепетала Клавдия со злой усмешкой. — Людей толком не лечат. Помирать ночью станешь — не приедут. А тут собаку..

— Мы со Степаном Игоревичем знакомы немного. За ним должок.

— Подожди минутку, — Геннадий зашел в избу.

Михалин достал папиросу, нервно сжал пальцами, закурил. Запрокинул голову, посмотрел на звезды, сделал глубокую затяжку, перевел взгляд на Клавку. Та, поправляя платок, скривила нос, что-то вполголоса буркнула и тоже зашла в избу.

Сергей от обиды скрипнул зубами. Вот ведь как. Как на дурачка посмотрела. Из-за собаки, мол, шум поднял. Что же теперь, бросать его изволите? Мол, твоя песенка спета, другого заведем. А то, что у него душа есть, как у каждой живой твари, это уже ни о чем не говорит? Да ты подойди, посмотри в глаза его. Разве он ничего не понимает? Все понимает. Лучшее любого из нас понимает, да только вот сказать ничего не может. А от этого больно втрое, когда тебя понять никто не

может. Давайте теперь от него и нос воротить будем, и сапогом под хвост — нам больной не нужен.

— Сейчас еще и там начнут выкобениваться, — Михалин сплюнул окурок. О том, что он знаком с ветеринаром и уж тем более у того должок, он приукрасил. — Я им начну..

Вышел Геннадий. Быстренько завели «уазик», погрузили собаку на заднее сиденье и поехали в райцентр. Ехали не спеша, сильно не разгонишься по таким ухабам, да еще и ночью.

— Елки зеленые, — ругался Сергей каждый раз, когда налетали на кочку и от этого машину потряхивало. Раньше на это и усом не повел бы, но сейчас от каждого резкого содрогания пес жалобно скулил. — Когда же дорогами-то займутся, мать вашу в три ноги!

— Рак на горе в сотый раз охрипнет, пока начальство почешется, — буркнул Геннадий. — А пес не жилец. Зря везем.

— Ну, это мы еще поглядим, — ответил Сергей. — Бросить его вот так вот не могу, понимаешь? Не могу. Кем я буду после этого, если его жизнь на какие-то семь литров бензина променяю? А вдруг и правда на ноги встанет? — Михалин вздохнул. — Он ведь прошлым летом дочурку мою из лесу вывел, когда та от подруг отстала и заплутала. Помнишь? Всей деревней искали не нашли, а он вывел. И что же я теперь после этого должен ему обухом по голове, только лишь бы не скулил и глаза не мозолил? Так, по-твоему?

Геннадий промолчал. Он и забыл совсем, что пес действительно тогда вывел девчушку из лесу и не бросил, не оставил одну. Теперь уже и Шукину стало жаль пса. Захотелось, чтобы он непременно поправился. И очень хорошо сейчас понимал приятеля. Да если бы этот пес так же спас его сынишку, он бы семь шкур на себе порвал, только бы тот выжил.

Как и ожидали, в окнах Степана Игоревича не горел свет. Ветеринара либо не было дома, либо досматривал четвертый сон. Сергей подошел к окнам, постучал.

— Кого там черти еще принесли?! — послышался грубый мужской голос. Гости подивились такому добродушному хозяину. Открылось окно, и показалось молодое помятое от вина лицо тридцатилетнего мужчины. — Чего надо?

— У нас тут собака...

— Да мне плевать, что у тебя там! — огрызнулся мужчина, и глаза его в эту секунду злобно блеснули.

— Лешка, кто там? — послышался еще один голос. Открылось другое окно, в которое выглянуло пожилое лицо хозяина.

— Степан Игоревич? — обратился к старику Сергей.

— Ну? В чем дело? Что стряслось?

— У нас тут собака. Понимаете? Рэм. Отравился, по-видимому, чем-то. Осмотреть бы надо...

— Да вы что, молодой человек, издеваетесь, что ли, в самом деле? Вы на часы смотрели?

— Ну, все, гады, молитесь, — по-видимому, недовольство отца еще больше возмутило и пьяного сына.

— Лешка, а ну не дури! — прикрикнул старик и вместе с сыном скрылся в избе. В сенях послышались громкие шаги и ругань. Со скрипом распахнулась дверь, и на улицу выскочил разъяренный Алексей. Тот смотрел на гостей с такой ненавистью, будто те оклеветали его в чем-то нехорошем, испачкав гордость и задев самолюбие.

— Кому тут собаку вылечить, мать вашу?! — Алексей двинулся к Сергею, видимо, потому, что в основном он и вел беседу. Намахнулся. Сергей попытался увернуться, не совсем успел — задел кулаком по уху.

Тут уже и Михалин, окончательно вышел из себя. Насмешки и непонимание по поводу пса разозлили, разожгли огонь в груди.

— Ах ты, падали кусок! — И Сергей звезданул Алексею в челюсть. Из-за хмеля, тот не успел увернуться и принял весь удар. Рука у Михалина была тяжелой. Мужчина упал на землю и уже больше не вставал.

— Милиция! Вызовите милицию! — закричал на всю улицу перепуганный ветеринар. Михалин схватил его за руку, еще больше этим напугав, и потащил к машине, где лежал пес.

— Сергей, Сергей! — попытался одернуть разбушевавшего друга Геннадий. — Успокойся. И в самом деле, милицию вызовут.

— Я им вызову, я им так вызову! — Сергей чуть ли не силой двинул ветеринара к машине, показывая на больное животное.

— Успокойтесь, в самом деле. Это всего лишь собака. Я могу ей сделать укол. Усыпить, понимаете? — Степан Игоревич посмотрел на пса, раздвинул зрачки. — На ноги я вам его уже все равно не поставлю. Час, полчаса и все... Единственное, что я могу, так это прекратить мучения.

...Михалин с трудом припоминал, как приехала милиция и молоденький сержант со старшиной вежливо попросили присесть в машину. Кто-то из соседей, перепугавшись за Степана Игоревича, вызвал милицию. В отделении с Сергеем беседу вел старший лейтенант, примерно его годов. Человек неглупый и по взгляду и разговору рассудительный и справедливый, что на редкость удивило и обрадовало. Михалин

перестал нервничать, быстро успокоился. Даже грубить не хотелось в присутствии этого милиционера, а со временем и стыдно стало за свое поведение. Старлей вызвал к себе сержанта и на минуту покинул с ним кабинет. Через полчаса молоденький сержант вновь дал о себе знать.

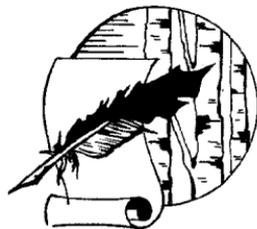
— Ну, так вот что, — произнес старший лейтенант, поглаживая усы. — Заявление Степан Игоревич писать на вас отказался. Сын явно наутро о случившемся инциденте не вспомнит. Что же касается собаки, то тут уж, извините, каждому Господь Бог отмерил свое время. И это тоже понимать нужно. Поэтому я сделаю вид, что состава преступления в ваших действиях не нахожу. Но... — Тут дежурный привстал и вышел из-за стола. — Но настойчиво требую ехать сейчас домой. Подобное произойдет, упеку лет на пять. Я понятно выразился?.. Ну и хорошо.

Михалин покинул вместе со старлеем кабинет и тот позвал сержантика, который тут же появился откуда-то из-за угла, держа в руках щенка.

— А это вам подарок от моей Герды. Выбросить, я так понимаю, у вас рука не поднимется, а обратно я его не приму. Уж, извините. Всего доброго!

Дежурный подозвал к себе Щукина и еще раз настойчиво предупредил, чтобы тот отвез Михалина домой, взяв с того расписку.

Обратно ехали молча. Тихо лепетало в машине радио, и изредка рыжеватый щенок, похожий на Рэма, чесал задней лапой за ухом и тыкался носом Сергею в куртку. Тело Рэма лежало по-прежнему на заднем сиденье. На уговоры водителя оставить собаку где-нибудь у посадки, Сергей не соглашался. Он уже знал место, где похоронит. Поглаживая щенка, он печально смотрел на дорогу, где свет автомобильных фар, боролся с темнотой.

Людмила ЩИПАХИНА

КОСТЁР ДУШИ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Души родных солдат
В вечных безднах эфира...
Этот пронзительный взгляд
Светлых Ангелов мира!..

Подняты в небеса,
Скорбные от разлуки,
Наших родных глаза,
Наших любимых руки..

Страшен войны урок.
Если беда нависает,
Этот «Бессмертный полк»
Нас и теперь спасает..

Прошлым своим — горды.
А родословная — вечна.
Грозны эти ряды!
Численность — бесконечна.

Будем всегда и впредь
Связаны пуповиной.
Это — сильнее, чем смерть,
Чувство семьи единой!

НАШЕ ПРАВОСУДИЕ

В тенётах бытия,
В смертельной схватке будней,

Подкупленный судья —
Нет личности паскудней.

Когда ликует вор,
От приговора млея,
Продажный прокурор —
Нет должности подлее.

Прикрыть, пригреть, украсть,
И наградить порою...
Олигархата власть —
Нет ненавистней строя!

За трусость в битвах дня,
За тяжкий грех распада, —
Судите и меня !..
...Амнистии — не надо!

ВЕТЕРАНЫ

Злом судьбы не обессилены,
Преодолевая горести,
Это мы — живые символы
Неподкупности и совести.

В будни — лживые и серые,
Общим горем пережитые,
Мы живём былою верою,
Перестройкой не убитые.

Непокорные и дерзкие,
Как повстанцы в оккупации...
Мы последние советские —
Золотой остаток нации...

* * *

Душа то мёрзнет, то огнём горит...
Познай себя! — премудрость говорит.
Познай себя! — А как познать, когда
Костёр души горит на кромке льда?

Когда порой заключены в объятия
Слова любви и тайные проклятья...

Как самого себя познать, скажи,
Коль правда может быть с оттенком лжи.

Коль истина порой не по нутру.
И с кулаками надо быть добру?
И всё-таки — соедини концы!
Познай себя! — ответят мудрецы.

И вновь я вижу, как на кромке льда
Горят костры и гибнут города.
Вселенский вихрь, связующие звенья...
Пульсары Правды с квантами Сомнения...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Уже земля была горячей,
Уже вскрывались устья рек,
Но падал липкий и незрячий,
Последний, жалкий белый снег...

Его у луж клевали птицы,
Приняв за спелое зерно.
Он падал на платки, на лица,
На сквер, на крыши — всё равно...

Трава проклюнулась в газонах
Стакан с фиалками вспотел.
И пахло йодом и озоном.
А снег — летел, летел, летел.

Слепил глаза и бился в стёкла
Вдоль улиц вился невпопад.
Белел бульвар. Дорога мокла.
Отряхивался старый сад.

Что хочет этот снег болезный?
Уж все чураются его!..
Так неразумно, бесполезно
Лететь — и больше ничего...

...Всё лихорадочней, заметней
Он торопил упрямый бег.
Никто не знал, что он — последний.
А это был — последний снег.

* * *

Как мачеха теперь литература.
К душевным откровениям недобра.
И смотрит день презрительно и хмуро
На доблестных служителей пера.

Слова святые — уплывают в вечность...
От груза бед — весомее строка.
А всяческая теле-шоу-нечисть
Плядит на нас, безумцев, свысока.

Но зависть к нам — давно им чрево точит.
Томит. И утешает лжестихом...
Проплаченные километры строчек
На графоманском торжище лихом.

И видим, как у власти на подмостках
Теснятся толпы корифеев их —
Лауреатов сходок русофобских
И номинантов ценностей чужих.

Пусть мы неправы в этом мире новом,
Но дар священный — мы не продаём.
Не лжём, рифмуя. Не торгуем словом
И гимны олигархам не поём.

Не признаны. Судьбой не обогреты.
Не лгавшие ни нынче, ни вчера,
Друзья мои, безвестные поэты, —
Последние апостолы добра.

ТИШИНА

О чём грохочет тишина?
Переспроси меня, страна.
И я опять неслышный крик
Переведу на твой язык:

...Не звон валдайских бубенцов,
Не лёд, гремящий по реке, —
То бьёт набат в стране отцов!
В Новороссийском далеке.

То вдовы у родных могил
Рыдают, на колени пав.

То клич героев, что застыл
Над Запорожьем, смерть поправ.

А мы трусливей с каждым днём.
Свою не чувствуя вину,
Лишь слабый голос подаём
В глухую эту тишину...

* * *

Неужто мне зависеть от речей,
От ловкачей, от хитрости надменной,
Когда журчит серебряный ручей
В глуши тайги, во глубине Вселенной?

Когда душе так горько без родства
С забытым бытом древнего уклада...
Когда я в стороне от торжества
И жатвы золотой, и листопада.

Когда чужая злоба, ложь и шум
По сердцу хлещут горестно и больно,
Довольно мне, чтоб с чувством ладил ум,
Чтоб жил мой дух светло и монополюно.

И скорбный крест, и сонная земля,
И звёздный ковш — небесная посуда —
Мой частный мир. Широкие поля
Без примеси азота и мазута...

И день высок, чтоб не забыла я,
Какую дань принять угодно миру.
И глупо над подобьем бытия
Всерьёз страдать и всуе мучить лиру.

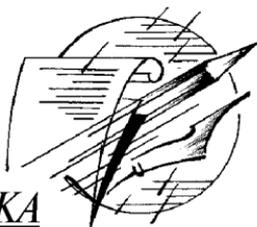
Перекреститься солнечным лучом,
Пролить слезу на материнском поле —
Без этого нет истины ни в чём.
Всё остальное — суета! Не боле.

НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА РОДИНЕ?

Неутешительные «достижения»

Не так давно большой политик современности Дмитрий Медведев во время интервью с польскими журналистами решил покритиковать Сталина. К слову сказать, Сталин за 5 лет сумел полностью восстановить страну из руин после Войны. А вот чего добился г-н Медведев за время руководства правительством — большой вопрос.

В 2012 г. у нас была относительно здоровая банковская система. Сейчас ее уже нет, она полностью расшатана. Банк России поднятием ключевой ставки до 17% спровоцировал обвал кредитования физических и юридических лиц. Только по итогам первого квартала 2015 г. российские банки показали чистый убыток в сумме 260 миллиардов рублей. Такого снижения темпов кредитования в истории банковской системы России не было никогда. Если в 2014 г. российские банки дали чистую прибыль в размере 600 миллиардов рублей, то по итогам 2015 г. чистый убыток банков РФ может составить порядка 1 трлн. рублей. Деструктивный эффект вредительства ЦБ РФ в отношении России невероятен. Это вам

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

не американские санкции с какими-то визовыми ограничениями и закрытием счетов. Тут все по-серьезному! Главное, что на основе фактической информации мы видим динамику развала реального сектора экономики и банков.

В 2012 г. у нас был профицитный бюджет. Сейчас его уже нет. Мы имеем бюджетную дыру (падение доходов) в размере 2,3 триллиона рублей. В феврале Минэкономразвития заявило, что секвестр (обрезание) бюджета может составить в текущем году 1,5 триллиона. Предлагается отказаться от индексации по уровню инфляции зарплат бюджетникам и социальных выплат и перенести половину всех расходов на строительство объектов, которые финансируются по госпрограммам, на более поздние сроки. Новые стройки также предложено заморозить полностью. Что называется, «Здравствуй, дедушка Гайдар». Даже при сокращении госрасходов на 1,5 трлн. руб. бюджет все равно недополучит доходов свыше 2 трлн. руб. и придется брать недостающие средства из Резервного фонда. При таких темпах расходования финансовых резервов уже через два года они полностью испарятся. Для справки: размер Резервного фонда в настоящее время составляет 75 млрд. дол. или около 5 трлн. руб. Если экономическая ситуация не выправится (а шансы на это составляют 1 к 100), то уже к 2017 г. Россия останется без финансовой подушки в виде резервных фондов, что приведет к краху федерального бюджета и полноценному дефолту. Уже сейчас у России кредитный рейтинг находится на отметке «ВВ» (оранжевый сектор).

При всех проблемах федерального центра не стоит забывать, что кризис региональных бюджетов (в размере 3,5 триллиона) тоже никуда не делся, несмотря на попытки реструктуризации долгов субъектов. И вот что странно: **Россия продает ежегодно сырья почти на 20 триллионов, из них только 8,5 попадают в федеральный бюджет. Остальные оседают в виде прибыли на личных счетах 15 олигархических кланов, приватизировавших нефтегазовый сектор.** Ну а народу и провинции достаются только крохи с барского стола. 20 регионов РФ находятся на грани краха, на грани разорения. Их расходы давно уже превышают доходы. В тройке «лидеров» Костромская и Вологодская области, а также Краснодарский край (Олимпиада в Сочи, ау!). Госдолг республики Карелия составляет 19 миллиардов рублей — 101,7% от доходной части бюджета, Архангельской области соответственно — 32,7 миллиарда (78,8%), Вологодской — 34,9 миллиарда (97,1%). Если в 90-х гг. регионы-банкроты были, в основном, должны федеральному бюджету, то теперь ситуация иная. В нынешние годы основной кредитор региональных правительств уже не

федеральный центр, а коммерческие банки. Как будут реструктурировать эти долги? Даже если это будут делать государственные банки, то они понесут убытки, и возникает вопрос: кто будет компенсировать им эту дыру?

Российской глубинке навязали дополнительные обязанности, никак не подкрепив их дополнительным финансированием. «Майские указы» президента Путина в 2012 г. о повышении зарплат в бюджетном секторе за счет собственных средств регионов заложили потенциальную бомбу под финансовую устойчивость субъектов РФ. Губернаторы, желая выслужиться перед Москвой и Путиным, бросились исполнять майские указы, набрав под это дело кредитов в коммерческих банках. Власть, по сути, запустила цепь дефолтов, что неизменно приведет к общей экономической нестабильности. На февраль 2015 г. общие долги региональных бюджетов составили около 3 триллионов, а долги муниципалитетов еще 300 миллиардов. Взять почти 3 с половиной триллиона на покрытие долгов регионов просто неоткуда (доходы всего федерального бюджета составляют 15 триллионов). Кстати, два года назад — в 2013 г. — эксперты считали, что «к концу 2016 г. общие долги регионов и муниципалитетов составят 1 триллион». По факту мы имеем финансовую дыру в три с половиной раза больше, чем ожидали пессимисты два года назад.

В 2012 г. у нас было почти 500 миллиардов долларов международных резервов (иностранная валюта, счета в СДР, резервная позиция в МВФ, монетарное золото). За год наши резервы сократились на 150 миллиардов долларов (до 360 миллиардов). С такими темпами расходования золотовалютных резервов к 2018 г. они полностью исчезнут.

В 2012 г. у нас было положительное торговое сальдо (в раз-мере примерно 150 миллиардов долларов). Сейчас оно начинает стремительно сокращаться. По данным таможенной статистики, в январе 2015 г. внешнеторговый оборот России составил 39 млрд. долл. США и по сравнению с январем 2014 г. снизился на 33,9%. С такими «успехами» к концу года торговый баланс РФ впервые с 90-х станет отрицательным.

В 2012 г. у нас был экономический рост. Около 2%. В этом году мы получим полноценную рецессию на уровне 10% ВВП. Хуже нас по темпам роста экономики дела обстоят только у Украины и Центральноафриканской Республики.

Я считаю, что в декабре 2014 г. российское правительство в третий раз ограбило свой народ (первый раз это было в 1992 г., когда команда Гайдара, «отпустив цены», украла огромные, на десятки миллиардов долларов, сбережения граждан; вто-

рой во время дефолта 1998 г., когда доллар за месяц вырос с 6 р. до 24 р., а сбережения среднего класса опять же испарились). Из 13 с лишним триллионов рублей, находившихся на банковских депозитах граждан в 2014 г., осталась половина. Фактически 6,5 триллионов рублей в течение двух месяцев вынули из карманов населения.

При этом официально озвученная причина прошлогоднего краха рубля — дешевеющая нефть (являющаяся якобы следствием заговора США и саудитов) — не выдерживает никакой критики. 16 стран мира (Никарагуа, Венесуэла, Саудовская Аравия, Нигерия и др.) так же, как и мы, в основном формируют свой бюджет из доходов от продажи нефти и газа. И только в Российской Федерации рубль был девальвирован на 100%. Во всех остальных сырьевых странах девальвация нигде не превышала 12—13%. Применяя несложную арифметику, приходим к выводу: 80—85% падения стоимости рубля обусловлено искусственно созданными правительством причинами, а именно: 1) намерением компенсировать сырьевикам выпадающие доходы, 2) стремлением за счет всего населения сверстать бюджет, ну и 3) просто желанием некоторых кругов внутри ЦБ в очередной раз ограбить вкладчиков. Попутно списывая все проблемы валютного рынка на внешние силы, заговор саудитов и санкции. Следует отметить, что 51% населения РФ имеет доходы ниже 15 тыс. руб. в месяц. Устроенная ЦБ девальвация в два раза уменьшила их и без того низкие доходы, сделала россиян за год в два раза беднее! Вы спросите, а при чем здесь Медведев? Ведь это же ЦБ! Для справки: ЦБ подчиняется Правительству РФ!

Восход Черного Солнца

Почему всё так плохо? Видимо, кремлевская элита опять начинает играть против своих ворот. Именно так и начиналась перестройка 30 лет назад. В свое время советская элита принялась налаживать каналы для взаимодействия с Западом начиная с 60-х гг. — как на официальном уровне, так и по неофициальным каналам. Советская партноменклатура надеялась, что мировая олигархия возьмет её в свою команду на равных в обмен на ряд уступок. Каких? Взамен требовалось сдать союзников в Восточной Европе, СЭВ, организацию Варшавского договора и начать капиталистическую реставрацию в СССР. За сдачу Западу социализма советские партбоссы рассчитывали получить достойное место за столом у мировых элит и жирный кусок планируемой к переделу советской собственности. Так что меры по демонтажу

СССР были приняты уже после смерти (убийства) Брежнева, который хоть как-то сдерживал желания товарищей по Политбюро капитулировать перед Западом в обмен на банковские счета в Швейцарии и обеспеченное будущее для своих детей и внуков.

В свете этого казалось бы противоречивая деятельность Андропова на своем посту становится понятной. Шеф КГБ с 1967 г., Андропов должен был в интересах кремлевской мафии подготовить почву для будущей перестройки. Не случайно в 60—70-е гг. под крылом Конторы шло активное возвращение диссидентского движения. Коротич, Евтушенко, Сахаров и прочие антисоветчики — все они были агентами КГБ, имевшими одну определенную задачу: подготовить общественное мнение к мысли об ущербности советского строя, преступной сущности СССР, ошибках социализма и т.д. Чтобы потом этот социализм ликвидировать и провести приватизацию второй, между прочим, в мире экономики Советского Союза. Что, в принципе, и было осуществлено позднее — понятно, в чьих интересах. С конца 70-х Андропов начал двигать своих людей во все важные сферы управления. Одни его люди пошли в прессу и на телевидение: это Бурлацкий и Бовин; другие — в МИД; третьи — в мозговые центры: Арбатов и Примаков, четвертые — во власть: Чебриков и Горбачев. Начались захваты власти людьми КГБ на уровне республик: Алиев (Азербайджан, 1969 г.), Шеварднадзе (Грузия, 1972 г.). Они, в свою очередь, тянули за собой второй эшелон. В 1982 г. Андропов ликвидирует Брежнева, и только преждевременная смерть Юрия Владимировича не дает ему завершить вынашиваемый с конца 60-х гг. «План М», который включал в себя: отделение Средней Азии от СССР, капиталистическую реставрацию внутри страны и сдачу Вашингтону всего социалистического лагеря в обмен на то, что Советский Союз будет интегрирован в западную экономику. Со всеми вытекающими отсюда для советской элиты благами.

Дело Андропова в интересах партийной мафии с 1985 г. продолжил Горбачев, которому активно помогал Запад в его стремительном восхождении на кремлевский олимп. Отсюда и фраза, как-то брошенная М. Тэтчер: «Мы сделали М.С. Горбачева Генеральным секретарем». Однако советская партноменклатура немного просчиталась: западные «партнеры» кинули своих московских «коллег». Последние честно сдали им СССР, весь советский блок, всего за 6 лет полностью ликвидировали мировую систему социализма, а равными среди воротил мировой политики так и не стали. Конечно, проводимая в 1993—1996 гг. приватизация позво-

лила кремлевской мафии несказанно обогатиться. В конце перестройки золотой запас страны уменьшился в 11 раз и был полностью вывезен из СССР, осев где-то на частных счетах. А «отпуск» цен Гайдаром в 1992 г. дал возможность заинтересованным лицам за несколько месяцев украсть у населения свыше 200 миллиардов долларов вкладов. Однако прибыль с этого гешефта депонировалась в западных банках, и кремлевская элита подвешивалась на мощный крючок. И даже несмотря на то, что постсоветские политики поняли, что их «кинули», сдача национальных интересов страны продолжилась. Речи о том, чтобы быть равными с западными элитами, уже и не шло.

Кремль продолжал играть в интересах Вашингтона просто в обмен на неприкосновенность счетов кремлевской элиты. Поэтому даже во времена путинского «поднимания с колен» Москва сдала Вашингтону оставшихся союзников: Ливию и Ирак, вывела военные базы с Лурдаса (Куба) и Камрани (Вьетнам), утопила станцию «Мир», подписала совершенно невыгодный России договор СНВ-3, слила Майдану 40-миллионную Украину... В надежде, что Запад наконец отстанет от наших олигархов и позволит им спокойно заниматься бизнесом. Однако Запад не отстает. Думаю, он принял стратегическое решение — взрывать РФ изнутри, а для этого нанести удар по экономической стабильности государства. Как это было в перестройку. Поэтому ряд высокопоставленных сановников в Кремле получили приказ из «Центра» — валить экономику России. То, что мы наблюдали в октябре—ноябре 2014-го, иначе как актом саботажа не назовешь. Наша элита продолжает сидеть на западном крючке и действует явно не в интересах страны. Видимо, прежняя политика элиты — утилизация РФ, но медленно и всегда с долгими торгами, сменилась на новую — «ускорение» хаоса. Ускорение мы уже проходили — в 1985 г., и в данном случае история повторяется на новой спирали.

Злонамеренность действий ряда элит в Кремле накладывается и на чисто объективные факторы. Начался распад системы, созданной в перестройку и занимавшейся 30 лет разграблением советского наследства. Надо понимать вот что: основа благосостояния нынешних олигархов была заложена еще в 60—80-е гг., когда СССР закачал огромные инвестиции в нефтегазовый комплекс, трубопроводы, машиностроение, энергетику и транспортную инфраструктуру. Вот, допустим, у вас есть автомобиль. Чтобы он нормально ездил и не ломался, эпизодически нужно проводить плановый ремонт, а раз в десять лет — капитальный. Что будет с вашей маши-

ной, если 25 лет в ней не менять масло, элементы подвески, не перебирать ходовую и не следить за состоянием двигателя? Правильно: она развалится. Все 25 лет постсоветского периода наши кремлёвские элиты эксплуатировали то, что осталось от СССР, паразитируя на наследстве канувшей в небытие державы, и даже не помышляли хотя бы о плановом «ремонте» экономики, я уж не говорю про капитальный. Последняя — двенадцатая — «пятилетка» СССР была последним периодом, когда государство инвестировало крупные средства в промышленность. Никто из команд Ельцина и Путина не занимался модернизацией и обновлением основных фондов. Деньги проматывались на бесчисленные «олимпиады», подкорм чиновников и просто вывозились сотнями миллиардов долларов за пределы РФ. Экономика вещь материальная, и потому подвержена естественному износу. Специалисты говорят, что наша инфраструктура изношена уже процентов на 80—85. Поэтому сейчас в России не осталось производственных мощностей — все превратилось в руины. Есть только торговые центры, новостройки и мигающие в холодное сибирское небо газовые факелы на нефтяных вышках. Поэтому не стоит надеяться на то, что всё образуется. Так, как было в 2011 г., когда россияне каждый год меняли смартфоны, ездили на отдых в Турцию, делали ремонты, покупали иномарки в кредит и квартиры в ипотеку — так уже никогда не будет. Надо спокойно признать этот факт и не питать напрасных иллюзий. Каждый последующий год будет хуже, чем предыдущий.

Кстати, в январе 2015 г. бывший премьер-министр РФ Евгений Примаков заявил о необходимости децентрализации страны и предоставления большей свободы субъектам РФ. Примаков — это почетный пенсионер от очень серьёзных сил в мировой политике. В свое время часть американских элит рассматривала его как возможного преемника полностью скомпрометировавшего себя к концу 90-х Ельцина. Но тогда Березовскому и Волошину удалось уговорить вашингтонский обком поставить в качестве смотрящего за Россией не Примакова, не Степашина, а Владимир Владимировича. Примаков это не какой-то там Навальный с его записями в «Твиттере» и фотографиями в «Фэйсбуке». Это фигура совершенно иного, очень высокого уровня. И просто так ничего говорить не будет. Если он настаивает на реализацию мер, которые неизбежно приведут к распаду РФ, значит, серьёзные мировые силы приняли решение запустить механизм демонтажа России. Продолжить, так сказать, перестройку, но уже относительно постсоветской РФ.

Кто будет противостоять этим силам? Вокруг кого будет сплачиваться российское общество? Видимо, вокруг Михалкова, Кургина, Проханова, Старикова, «ночных волков» с Викою Цигановой и Вечерним Ургантом. Потому что иных духовных скреп, судя по монопольному мельтешению этих физиономий в телевизоре, у нас с вами нет.

Слабость кремлевской дипломатии на важнейшем направлении

Если перебрать все 200 с лишним государств планеты, то станет очевидно, что из всех направлений внешней политики РФ важнейшим должно быть постсоветское пространство. Даже пьяный идиот Ельцин в 1994 г. обозначил СНГ как зону стратегических интересов РФ. Это наше подбрюшье, это наши бывшие соотечественники, это оторванная от исторического тела России территория, которую более 500 лет склеивали воедино генсеки и цари, и... за один день продали Западу «беловежские» предатели. Если перебрать все бывшие советские республики, то станет очевидно — самая важная, ключевая и наиболее значимая из них — Украина. От того, будет ли Украина в друзьях или во врагах, зависит выживание самой России. Украина имеет с нами самую протяженную границу, самую большую долю русскоязычного населения, самые тесные экономические связи.

Те аналитики, которые говорят, что политика Америки на Украине провалилась, сознательно лгут. США блестяще реализовали свои планы в этой стране. Затратив лишь несколько десятков миллионов долларов, вашингтонские стратеги посадили в Киеве своих марионеток, которые меньше чем за год сделали из второго русского государства 100% антироссийский проект.

Трудно найти в истории нашей страны примеры худших поражений, чем нынешняя потеря Кремлем Украины. Портсмутский мир 1905 г. после проигранной Русско-японской войны был лишь локальным поражением монархии. Российская Империя теряла половину почти незаселенного, далекого Сахалина и свои права на Ляодунский полуостров. Парижский мирный договор 1856 г. после неудачной Крымской войны, хотя и ущемлял национальную гордость, но мало что дал противникам России — коалиции союзников в лице Англии, Турции, Франции и Сардинии. Цели отторжения от России значительных территорий не были достигнуты.

Брест-Литовский мирный договор 1918 г., подписанный представителями Советской России и центральных держав,

являл собой пример самых крупных территориальных потерь нашей страной в новейшей истории (исключая Беловежский сговор). От России отторгались Украина, Западная Белоруссия и вся Прибалтика. Большинство этих территорий должны были превратиться в германские протектораты, либо войти в состав Германии. От Советской России была отторгнута территория площадью почти миллион кв. км. с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи). Однако Ленину ничего другого не оставалось: фронт к весне 1918 г. окончательно рухнул, и немцы, если бы захотели, без проблем дошли бы до Москвы. Тут была следующая дилемма: потерять все или потерять треть территории. Совнарком выбрал второй вариант. К тому же большевики понимали, что Германская империя в 1918 г. — это труп, несмотря на всё еще сильную армию. Внутренние противоречия и 4 года войны полностью расшатали некогда вторую по мощи страну мира. В ноябре 1918 г. в Германской империи случилась революция (не без помощи большевиков), кайзер Вильгельм бежал в Голландию, а страна оказалась на грани гражданской войны. После этих событий Советская Россия в одностороннем порядке денонсировала условия Брестского мира. Так что Брестский мир был лишь временной уступкой внешним силам. В ситуации, когда ничего другого было сделать нельзя.

Нынешняя потеря Украины не имеет ничего общего с уступкой украинских земель после Брест-Литовского мира. Тогда большевики не имели ни единого рычага воздействия на Верховную раду или Германию. Сейчас у Кремля были все козыри на руках, и американцы со своими «бубновыми шестерками» все равно переиграли московских стратегов с их «дамами, валетами, тузами и королями». Что я имею в виду?

Козырь номер один. Украина сплетена с Россией множеством торговых нитей и производственных связей; торговый оборот между двумя странами составлял в 2012 г. 45 миллиардов долларов. Это больше, чем торговый оборот РФ с США (28 млрд.), Японией (31 млрд.), Францией (24 млрд.), Великобританией (23 млрд.) и даже Беларусью (35 млрд.). Приблизительно треть экспорта самой Украины приходилась на Россию, а около 70% инвестиций в экономику страны шло из РФ. В руках умных правителей это был бы мощный рычаг воздействия на киевские элиты.

Козырь номер два. У Кремля всегда было такое мощное оружие, как Труба. Поставки Газпрома обеспечивали 60—65% внутреннего потребления Украины. Перекрытие вентиля Москвой могло означать для киевской элиты два апокалиптичес-

ких сценария: либо замерзающие города зимой, либо полная остановка всей промышленности. Но Москва, боясь конфликтов с ЕС, так и не решилась использовать «газовый козырь» для давления на Киев. Оно и понятно. Из примерно 150 миллиардов кубометров, поставляемых на экспорт, через Украину прокачивается около 80 млрд. кубометров (собственное потребление Украины — 45 млрд. куб.), то есть фактически более 50% транзита. Случись что, и ГАЗПРОМ потеряет огромные прибыли. Поэтому Москва готова бесплатно снабжать Киев газом, лишь бы не было проблем с транзитом.

Козырь номер три. Почти 20 миллионов жителей Украины являются русскоязычными. Вот оно — мощнейшее оружие пропаганды! Разворачивай сеть ориентированных на Москву организаций, вербуй сторонников, налаживай трансляцию пророссийских СМИ! Российская дипломатия не сделала ничего, чтобы предотвратить приход прозападных элит к власти в Киеве. В феврале 2014 г. Путин уговорил Януковича не применять силу против демонстрантов, в итоге милиция была выведена из Киева, отряды «самообороны» захватили правительственные здания, президент Янукович и спикер Рыбак сбежали в Харьков, а к власти 22 февраля пришли представители Майдана. В мае Кремль признает Порошенко в качестве легитимного президента, что ставит крест на идее законного правительства Януковича в изгнании, на которое можно было бы опереться. Кремль позволяет новой украинской власти начать войну и тем самым сплотить вокруг себя население Украины. Каждый раз, когда ополченцы переходили в наступление, их сажали за стол переговоров с украинскими властями. И так далее и в том же духе: идет бесконечное сбрасывание козырей и уступка за уступкой США в «украинском вопросе».

В итоге Кремль и Украину, и Донбасс бездарно слил: теперь мы имеем враждебное, ультрарусофобское государство, которое в перспективе станет ударным кулаком Запада, направленным против РФ. В настоящий момент под контролем ополченцев находится 1/3 Донецкой области и 1/4 Луганской. Это вместо 8 областей Украины, когда был запущен проект Новороссия. А остальные почти 40 миллионов украинцев, резко враждебны не только Путину, но и русским. Многие говорят, что кремлевская политика непоследовательна. А есть ли политика?

Что есть политика? Это когда сталкиваются интересы альтернативных идеологических сил в их борьбе за политическую власть. В России ничего подобного давно нет. Вместо политики есть неприкрытая и циничная сурковщина. Что

это такое? Это когда бывшая шестерка Ходорковского и свояк Чубайса Асламбек Дудаев (он же Сурков Владислав) придумывает миф про непримиримую борьбу Москвы с Западом, о чем все наши СМИ кричат днем и ночью. А по факту НАТО размещает базу в Ульяновске, элита вывозит на Запад из России по 100 миллиардов долларов ежегодно, а единственная и любимая дочь министра иностранных дел Лаврова (главного «борца» с американским империализмом) не очень хорошо говорит по русски и имеет американское гражданство. Это когда Москва, с одной стороны, не дает ЛНР и ДНР окончательно пасть. Но с другой стороны, помогает и Киеву: кредитами, газом, углем, а каждый раз, когда ополченцы переходят в наступление, сажает их за стол переговоров с Киевом. Это когда Кремль в лице Суркова одновременно финансирует Алексея Навального и проект под условным названием «охранители»: Федорова, Кургиняна и Старикова. Я не сомневаюсь, что все эти замечательные актеры, днем отыграв свои роли, вечером вместе пьют вино и, смеясь, смотрят, как электоральное болото расколосось на два лагеря и готово сожрать своих идеологических оппонентов. Одни кричат: «Свободу Навальному!», другие: «Не допустим майдана!» И лишь единицы понимают, что кукловод у этих «сил» один и тот же. Одной рукой собирает «Болотную», другой же ее и разгоняет.

Зачем устраивать такие спектакли? А затем: созданием всей этой пустой шумихи вокруг «антипутинского» движения происходит забалтывание действительно важных для русского народа проблем. Вместо того, чтобы заняться осмыслением фундаментальных для России вопросов (демография, экономика, национальная безопасность), люди уже несколько лет увлеченно и с жаром спорят по поводу всякой ерунды — куда не пустили какого-то Макаревича, почему Навальный, получив тюремный срок, остался на свободе, зачем и у кого какая то бабулька Ахеджакова просила прощение и т.д. Нет в России серьезной внутренней политики, но есть голимая сурковщина: пиар, развод лохов и манипуляция доверчивыми массами для накачки рейтинга. Вместо нормальной внешней политики есть маневрирование между сильными мира сего, чтобы не потерять свои банковские счета и прибыли.

Новгород

ДОМ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

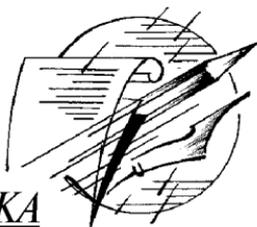
Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади.

Н.В. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь писал: «Нужно проездиться по России». Дорога, русская дорога — одна из главных тем нашего величайшего классика и вообще всей русской жизни. Гоголевская «птица тройка» все еще несется по русским дорогам, и неизвестно нам, где она остановит свой бег и остановит ли вообще... Родную землю по ее дорогам «исходил, благословляя» тютчевский Христос. Любимая русская песня:

*Эх.. дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь посреди степей...*

Теперь уже нет ни пролетов, ни кибиток, ни экипажей, ни карет, которые местили бы жирную слобную грязь бездорожья русских дорог. Теперь мы рас-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

смотрим окрестности из окон автомобилей, мчащихся по ровным шоссе́нным полотнам или передвигаемых в поездах и электричках по рельсам. Но гоголевская «птица тройка» куда не исчезла — она наш неизбывный вечный архетип, она сохраняется и в автомобилях, и в поездах, и в электричках. Остается и вечный тревожный русский вопрос — куда мчится Русь?

В наших подмосковных электричках чего только не увидишь. В свое время Венечка Ерофеев написал поэму «Москва—Петушки». Но у Венечки в электричке в основном пили водку с пивом да портвейн. А в наше время всё больше продают самые разные предметы. Только задремлешь и вдруг вздрагиваешь от бодрого голоса дорожного торговца: «Граждане пассажиры! Потрясающее средство от моли! Стоит посыпать любую вещь, и моль мгновенно дохнет!», или: «Граждане пассажиры! Приобретайте чудо-фонарик. Он совсем маленький, но очень далеко светит!», или: «Граждане пассажиры! Приобретайте универсальный дырокол. Прodelьвает дырки где угодно!».

Но в понедельник Светлой седмицы, когда я ехал к семье на подмосковную дачу на станцию «Кратово» по Казанской железной дороге, всё как-то неожиданно сконцентрировалось. Мы с братией отслужили литургию, прошли крестным ходом, посидели за праздничным столом. За окнами солнце, в душе солнце. В таком вот настроении, с блаженной улыбкой на лице и с сумкой, наполненной пасхальными гостинцами, я сел в вагон электрички. Думал сладко вздремнуть, но не получилось. Один за другим появлялись торгующие люди, предлагающие и средства от насекомых, и китайские веера, и универсальные ножички, и книги по русской истории, и средства для чистки офисных ковриков. Народ покупал продукцию довольно вяло. Некоторое оживление произошло, когда в вагон вошел пронырливый мужичок, похожий на хорька, и стал демонстрировать струну-пилку, которой можно перепилить все что угодно. Мужичок достал из пакета огромную кость и принялся со страшной скоростью перепиливать ее своей струной. «Пособие для киллера», — подумалось мне.

Вдруг появился невероятно смешной дядька, круглый как большой колобок, одетый в красную косоворотку и зеленый пиджак. Красношеекое лицо дядьки обрамляла окладистая густая белая борода, седые волосы были собраны сзади в хвост. Одним словом, появилась фигура, одновременно напоминающая и странника, и клоуна. Дядька вошел в двери вагона, подождал деликатно, пока вагон покинет продавец сборников детских рассказов и, взглянув на всех пассажиров водянистыми круглыми глазами, звонким голосом воскликнул:

«Христос Воскресе!». Последовало довольно слаженное в ответ: «Воистину Воскресе!». Я ожидал, что смешной странник-клоун продолжит пасхальную тему, но, каково же было мое удивление, когда дядька достал из рюкзака большой кошелек и веселым голосом произнес следующий текст: «В этом кошельке, дорогие мои, ваше счастье. Этот кошелек защищен от всех антироссийских санкций, потому что он волшебный. В кошельке живет мышка-норушка, а у нее есть ложка-загребушка. Каждое утро надо доставать из кошелька мышку и ложку, и говорить так: «Мышка-норушка и ложка-загребушка, пошлите денежек одну-другую полушку», и все ваши дела быстро поправятся». Затем дядька извлек из кошелька плюшевую мышку и деревянную ложку и все продемонстрировал. И в конце сказал: «Стоит-то всего двести рубликов». Народ посмеялся, посмеялся, но начал доставать деньги и покупать чудесный кошелек. Уверен, что больше половины вагона приобрело это антисанкционное средство. Женщина с ребенком, сидевшая рядом со мной, улыбаясь, достала деньги и протянула дядьке. Поймав мой насмешливый взгляд, она смущенно произнесла: «Это я ради прикола». Дядька посмотрел на меня и спросил: «А вы, батюшка, не хотели бы повеселить вашу братию? Всего ведь двести рубликов». Я ответил: «Любезный, вы, наверное, Николая Васильевича Гоголя хорошо прочитали, особенно про Чичикова, да про Ноздрева с Маниловым». Круглый дядька неожиданно ответил: «Да я, отче, не только Николая Васильевича хорошо прочитал, но еще и Михаила Афанасьевича» и при этом лукаво подмигнул. Честно говоря, мне стало немного не по себе, и когда дядька отошел от меня, я произнес ему вдогонку: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его», но дядька не обернулся. Я начал напряженно вспоминать, где я уже видел этого круглого дядьку. Да, конечно же, на Старом Арбате, лет десять назад. Он, или точно такой же, как он, зимой в валенках и тулупе весело торговал иконами и матрешками.

Но удивительные явления на этом не закончились. После круглого дядьки я погрузился в легкую дремоту и вдруг услышал, будто сквозь время из далеких семидесятых, слова песни. Да это же «The House of the Rising Sun» («Дом Восходящего Солнца»). Я не слышал эту песню уже много лет. Когда-то мы, советские студенты, ее очень любили. Человек пел хорошо, четко, с хорошим английским произношением и с виртуозной игрой на акустической гитаре. Я обернулся на голос и увидел высокого худого молодого человека, очень бледного и очень красивого. У него были длинные черные волосы, спокойные печальные глаза. Сочетание флегматич-

ности в нем с прекрасным пением невольно привлекало к нему повышенный интерес. «Вот и Достоевский явился», — подумал я. Он так же, как и круглый дядька, напоминал сразу нескольких литературных героев, но только не из Гоголя и не из Булгакова, а из Достоевского, особенно Раскольников и Ставрогина.

Молодой человек закончил петь и флегматично, даже как-то безразлично, протянул пассажирам целлофановый пакет. Денег ему набросали довольно много, особенно молодые особы женского пола. Вложил в его пакет свою лепту и я, вспомнив своего погибшего в Норд-Осте зятя Антония, виртуозного флейтиста, который при жизни всегда подавал уличным музыкантам.

Но музыкальная тема продолжилась. Последний аккорд оказался, пожалуй, самым впечатляющим. В двери вагона вошел худой мужчина, лет пятидесяти, в сером заляпанном, когда-то дорогом плаще и в желтой футболке. Он напоминал типичного русского поэта. В руках у него была гармошка. Да-да, именно простая русская гармошка, а не баян или аккордеон. Он возгласил: «Поздравляю всех с семидесятилетием победы в Великой Отечественной войне!» и запел под свою гармошку: «Броня крепка и танки наши быстры...» Закончив петь, он вдруг неожиданно спросил: «А знаете, почему немцы нам проиграли? Потому что у их танков броня была крепка, но танки-то их были не быстры. А наши и быстры, и броня у них крепка», и залился громким чистым смехом. Засмеялся и весь вагон.

И вот, наконец, моя станция «Кратово». Вышел на перрон, осмотрелся и обратил внимание на две надписи. Над кабиной машиниста, рядом с дверью первого вагона, в котором ехал я, было написано: «Электропоезд памяти экипажа АПЛ «Курск»». А вторая надпись, сделанная огромными белыми буквами на зеленой стене общественного туалета, гласила: «Америка — дерьмо! Обама — чмо!».

Радостно подумалось — раз такое уже пишут на стенах привокзальных сортиров, значит, Россия непобедима! Что бы там ни говорили разные скептики, но неумолимо, вопреки всем эмпирическим фактам, восходит новое Солнце моего родного Дома. И, конечно, вспомнились гоголевские слова:

«Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

ПОСЫЛКА ИЗ СИБИРИ

РАССКАЗ

Жил на хуторе по соседству с нами когда-то маленький невзрачный мужичок по имени Петро Петрович. Осень, зиму и весну он ходил в старых резиновых сапогах своей дородной супруги, которые были на размера три больше его ноги, и потому при ходьбе он их двигал, будто плыл на двух лодках, за что моя мать прозвала его «корабель». Одет был Петро Петрович всегда в одну из двух одежд, по погоде: или в поло-сатый хэбэшный пиджачишко, или в фуфайку с супружни-ного плеча, доходившую лапами до сапог.

Петро Петрович был некоей неразгаданной тайной хутора. Откуда появился, каким его ветром занесло в ту кривобокую хату, может, вообще он с неба упал под подол своей громо-бойной Нюськи (там он мог запросто спрятаться) — никто не знал. Нюська была не разговорчивее пня, что торчал у ка-мышовой огорожи её хаты и служил лавочкой, а сам Петро Петрович оказался глухонемым. Единствен-ное, что он мог о себе рассказать — это как его зовут: с придыханием, с силой выталкивая воздух из щёк сквозь сжатые губы: «Пе-Пе». Что

ПРОЗА

и означало его имя и отчество. Но никто из взрослых, кроме нас, пацанов, этим попугайным прозвищем его не называл, разве что за глаза, потому как был этот мужичок безответным и вечным трудягой, отцом четырёх Нюскиных детей, никому из которых, по счастью, не досталась его миниатюрность. Но тайна Пе-Пе оставалась тайной. И хотя мой отец дружил с соседом, учил того плотницкому и столярному ремеслу, но понять из разных «те, ме, се...» ничего не мог. Не помогала и по-детски обезоруживающая, добрая улыбка «Пе-Пе». Матери надоедало отцовское любопытство, и она говорила:

— Не чапай убогого. И так выдно: хороший чёловик, трудяга. Огород, хозяйство, диты — всё на ёго плычах, пока Нюська маха сапкой в колхози. А хто вин и откуда — ты шо, милиционер?

Но однажды отец привёл с работы мужичка, ростом и лицом смахивающего на нашего соседа.

— Дывись, матэ, ны вгадуешь? Прямо брат Петра Петровича!

— Ага, похожа свиня на коня, тилкы шерсть ны така, — ответила мать.

Маленький человек поздоровался и замолчал. Мать насупила брови и глянула на отца. Она уже догадалась, что батя привёл очередного несчастного — пожалел.

— Звуть его Хандошка, — добавил отец.

— Это фамилия такая, а зовут меня Дмитрий Василич. Я агроном, — прояснил гость.

Мать чего-то не поняла и уставилась вопрошающе на пришедшего.

— Я здесь в командировке, за семенами кукурузы приезжал, я из Сибири, — добавил маленький человек.

Тут только до матери дошло, что во дворе у неё гость, а кто он на самом деле — не важно. Она засуетилась, тепло поглядела на отца и гостя, и вскоре позвала мужиков к столу. Я примостился на лавке рядом и настропалил уши.

— Сынок, а ну сбигай за Петром Петровичем, — обратился ко мне отец.

Я шмыгнул на улицу. Пе-Пе сгребал навоз в коровнике.

— Дядько Пе-Пе, вас батько гукае, — обратился я к Пе-пе, дёрнув его за полу пиджака. Пе-Пе оглянулся, улыбнулся и вопросительно посмотрел мне в глаза. Я повторил сказанное. Пе-Пе покачал головой, погрозил мне пальцем — он понимал по губам, и пошёл следом. Вскоре под окнами хаты зарыбал его пиджак, а в сенях зачёвгали сапоги.

— Приплыв наш «корабель», — сказала мать.

Пе-Пе разулся, зашёл в комнату и всем поклонился. Отец внимательно на него смотрел. Пе-Пе сел за стол и никак не реагировал на сибиряка. Выпили самогоночки, закусили, отец стал его спрашивать — не брат ли рядом с ним, но Пе-Пе отрицательно качал головой, прикладывая руки к сердцу, произносил «Пе-Пе» и показывал палец.

— Один вин на свити, чи ны ясно? — перевела отцу мать.

— Та поняв я. Жалко. А я думав, брат Петру найшѐвся.

Засиделись мужики тогда за столом, а как стемнело, Нюська пришла за Пе-Пе, и он покорно пошел с ней. Бывало, правда, и такое: выпившего супруга Нюська брала себе под руку, прижимала к боку, как куль рогоза, и несла домой. Пе-Пе тогда что-то мычал, вроде как пел, и дрыгал ногами. Но у нас «усидели» мужики граммов по триста — мать за этим следила, и «корабель» ход не потерял.

Допоздна тогда мы не спали, слушали рассказ Хандошки о далёкой Читинской земле, откуда он приехал, о совхозе, где работал агрономом и куда отправил вагоном семена кукурузы, за которыми его прислали на Кубань. Тогда, в хрущевские времена, королеву полей кукурузу власть заставляла сеять по всей стране чуть ли не до тундры. Но росла она и растёт хорошо только по югу страны. Вот при отгрузке семян на вокзале, в суете, у нашего гостя и вытащили из кармана гаманец. Целых пятьдесят девять рублей там было! Всё, что оставил агроном на обратную дорогу.

Когда гость уснул, да с храпом и присвистом, я услышал из-за сундука, за которым спал, разговор отца с матерью.

— Матэ, у нас там вроди трохи грошенят есть.

— Есть. А ты вжэ, бачу, хочишь дать.

Отец помолчал, потом сказал:

— Ны дужэ хочу, но помогты чѐловику трѐба. Як вин биз грошей до дому вэрныця?

— Ну и хай ваш совхоз дасть ёму гроши. Кукурузу дав, хай и гроши дасть.

— Ны дасть, вин уже просыв.

— Ну хай хтось другый дасть.

— Хтось, хтось... А чѐго нэ мы?

— А чѐго мы?

На этом пререканье я заснул и вспоминал о нём, когда подрос, когда мне самому нужны были деньги и я шѐл к отцу.

— Пап, дай гроши на кино.

— Иды до матыри, хай дасть.

Иду.

— Мам, дай гроши на кино.

— Як батько скажэ, так дам.

— Та вин вжэ казав! — не выдерживал я.

— Ну, як казав, тоди дам.

Тогда я и понял закон семейной бережливости: двойной контроль над деньгами, ибо, если один у них хозяин — уплывают денежки.

Но поутру, когда батя и гость сели завтракать перед уходом отца на работу, отец сказал:

— Знаешь шо, Васылёвич, мы тут с хозяйкой рышылы — гроши на дорогу тоби дать. Грех ны помогты чёловику.

— Да я отдам, я пришло сразу же, как только приеду домой, — засуетился Хандошка.

— Ны спишы, Васылёвич. Ны бижы швыдко. Гроши мини нэ трэба. Мини хочиця кожуха. У вас там в Сибиру морозы и кожуха, думаю, можна купыть. Цэ ны у нас на Кубани. Тут кроме кухвайкы нычэго нэ купыш. Так як, пришлешь кожуха за ци гроши, Васылёвич?

Хандошка немного подумал и ответил:

— Пришло. Не знаю какой — фабричного пошива или домашнего, но пришло.

— Тоди по рукам.

Мать развязала носовой платок и отсчитала гостю деньги. (В те времена, помню, пятьдесят шесть рублей были месячной зарплатой отца.) И тут в окне замаячила фуражка Пе-Пе, он постучал в стекло.

— Чёго цэ «корабель» явився? — произнесла мать, наклонившись над столом, и махнула рукой. — Заходь.

Пе-Пе раскланялся, подошёл к гостю и положил перед ним на стол десятку. И замычал, запричитал по-своему, прикладывая руки к груди, что даже я понял: «Возьми, от чистого сердца даю, больше нет».

Гость засмушался, не хотел брать, но отец сказал:

— Быры, раз дае. Нэ обижай чёловика.

Потом Пе-Пе ушёл, за ним отец с гостем, и больше я Хандошку никогда не видел.

Близилась зима. Завывали холодные ветры, особенно ярился восточный, который с разгону ударял в стены нашей крайней хаты и тряс полувековую акацию под окнами. Я принимал ухом к акации и слышал напряжение внутри толстого ствола, будто там хрипел от натуги стальной трос. Начиная декабрь, Хандошка был у нас в начале октября, но от него не было ни ответа, ни приветя. Мать ругала отца, и вместо вечернего «сэрдэнько мое» за сундук доносилось:

— Ох и дурный же ты, батько, подарыв гроши бог зна кому. Та хочь бы ж фамилия була у чёловика людска, а то якыйсь Хандошка!

— Мовчи, и так гирко, — отвечал отец, и они оба вздыхали.

Но в середине декабря к нам заехал на двуконке старый батин товарищ дядя Петя, большой тэзка Пе-Пе, возивший из райцентра в совхоз почту. Частил холодный дождь, и мокрый брезентовый плащ дяди Пети гремел, как жестяной. По повозке, крытой тоже брезентом, чтоб не мокла почта, дождь отбивал гулкую дробь. Дядя Петя продрог. Он постучал кнутовищем в окно и крикнул:

— Сэмэнович, Сергеевна, налейте почтарю, щоб ёму заспивалось!

Его впустили в хату. Дядя Петя, не снимая плаща, опрокинул граненый стакан первача, смешно порывчал, выгоняя из тела озноб, закусил хлебом с салом и достал из полевой офицерской сумки серый листок бумаги.

— Сэмэнович, роспышысь за посылку. Там цилый мишок тоби прислав якыйсь Хандошка.

У матери навернулись слёзы. Мужики пошли к повозке, и отец вернулся с мешком, облепленным сургучными печатями. А дядя Петя запел про ямщика и потарахтел с почтой дальше.

В мешке было мягкое чудо: белый армейский овчинный кожух с длинным белым мехом. Отец несказанно обрадовался.

— Оцэ, матэ, я тэпэр нагриюся! — сказал он.

— А ну одинь, батько, — попросила мать.

Кожух оказался отцу большим — до самых пят, а руки вообще скрылись в рукавах.

— Та цэ, мабуть, той, щоб стоять в мороз на посту, — догадался отец и добавил, — Ну и ладно. Носыть ны полуциця, зато спать пид ным будэ гарно!

Кроме кожуха в мешке ещё оказались ботинки, полная рабочая рукавица кедровых орешков и письмо. Ботинки небольшого размера предназначались Пе-Пе. Они были полностью из толстой чёрной кожи, на заклёпках, с двойной подмёткой, а весь каблук состоял из кожаных плашек, причём верхняя, накосяк, типа подковки, была из металла.

— Оцэ товар! — восхищённо произнёс отец. — Не иначе загранишный. Износу такой обувачке нэ будэ! Отнесу сам.

И он понёс ботинки и орехов соседям. Вернулся навеселе и сказал:

— Там така радость, матэ, яка и на Паску нэ бува. Нада б шось послать Хандошке в благодарность. А шо там в письме?

Мать, пока он ходил, письмо прочла и отцу пересказала. Извиняется, дескать, Дмитрий Василич за задержку, и вся его родня благодарит нашу семью за то, что выручили хозяина в трудный час. Отец прослушал и заключил:

— Бачишь, матэ, а ты ругалась, шо отдав гроши якомусь Хандошке. Ось добро до нас и вернулось.

— Та ото ж, та ото ж, — согласилась мать, и они стали думать, что послать в далёкую Сибирь Хандошкам к Рождеству. Так завязалась между нашими семьями дружба, которая тянулась много лет.

А в ту ночь, когда получили посылку, я уснул под кожухом. Отец меня накрыл им с головой, приговаривая:

— Оцэ, сынок, настояща одэжа: и носыть можна, и спать пид нэю добрэ — як у Христа за пазухой.

За окном дождь стегал акацию, капли лупасили по стеклу и, казалось, весь мир промок и замёрз, и лишь одному мне в пушистой овчине тепло и уютно — как у Христа за пазухой.

Отец тоже любил полежать под кожухом, согреться в его сухом тепле. Только жаль, не знаю, о чём он думал тогда: о том, как его, крестьянина, в раскулачивание в одном нательном белье бросили ночью чекисты на погибель в овраг, полный снега, и спасся он только благодаря воле Божьей и молодости — выбрался и добежал до какого-то селения, где его впустили в хату и согрели чужие люди. Может, он думал о чём-то подобном — в его жизни и жизни его поколения было столько бед и несчастий, что нынешним молодым балбесам, смеющимся над тем горьким временем, просто не понять человеческую радость от тепла обычного солдатского кожуха.

А что ботинки Пе-Пе? Их носили, подрастая, все «пепенята», и износу им действительно не было. Сам Пе-Пе в них так и не прошёлся, но был доволен и счастлив: его дети были обуты в ботинки, лучше которых не было ни у кого на хуторе.

...Давно ушли из жизни мои отец и мать, маленький «корабель» Пе-Пе и сибиряк Хандошка, поредел и состарились хаты моего хутора и моя, родная, а ныне чужая, почернела и осела. И только акация под её окнами могуче держит на своей теперь уже вековой кроне тяжёлое небо над хутором, из которого, как из дырявого ведра, проливается холодный осенний дождь. Да ещё ветер тот же восточный, сильный и безжалостный, как время, бьёт мою хату. Ветер и дождь вечны. Лишь добру, как и людям, которые его творят, отмерена жизнь.

ТИМОХА

РАССКАЗ

Самым ходовым транспортом в станице Должанская был велосипед. На работу, в магазин, к морю — милое дело прокатиться. Мотоцикл, а тем более «Жигули» или «Нива» были для станичников роскошью. На владельцев этих видов транспорта они поглядывали с некоторым укором.

Приехав сюда отдыхать, я первым делом купил велосипед. И нисколько не пожалел об этом. Он не только экономил время и силы, но и доставлял удовольствие. Я без усталости гонял по гладким песчаным дорогам и тропинкам, делал стремительные броски на пустынную охровую косу, которая гигантским серпом вдавалась в море, а иногда навещал знакомых пасечников (их ульи были вблизи гречишного поля).

Станица, а особенно море так мне понравились, что я задержался до конца сентября; для меня, северянина, лето еще как бы продолжалось, и я купался почти каждый день. Вскоре, однако, подул северный ветер, и, к большому сожалению, купания пришлось прекратить.

— Домой собираешься?— спросил меня знакомый пенсионер Анд-

ПРОЗА

реич (мы ехали на велосипедах по центральной асфальтированной улице станицы).

— Да.

— А велосипед?

— На нём и поеду.

— До самой Москвы?

— Конечно.

Я, разумеется, пошутил — велосипед я решил оставить в станице до следующего года. Мой собеседник шутки не понял и сказал:

— А что, дней через... — он, соображая, наморщил лоб... — дней через семь будешь дома! Ну, не через семь, так через десять! Молодому, оно в охотку прокатиться... Один мой годок в Краснодар катался. Триста километров — не фунт изюму! Да еще с одной ногой!

— Неужели?

— Да.

— А что если и мне прокатиться по этому маршруту? — неожиданно для самого себя сказал я. — Для тренировки. На юг ехать приятнее, чем на север. Тем более у меня еще целый месяц свободного времени.

— Прокатнись, — одобрил Андреич. — Не пожалеешь! Может, и на Черном море побываешь, от Краснодара до него рукой подать.

— Действительно.

Идея мне нравилась все больше и больше.

— Там еще тепло, успеешь позагорать. Загляни к моему годку — он тебе дорогу обскажет.

— А где он живет?

— На краю станицы. Да тебе любой пацаненок укажет; мол, где живет Тимоха?

Его дом я нашел быстро, он стоял в проулке, вблизи обрыва, откуда открывался прекрасный вид на море. Я прислонил велосипед к палисаднику и подошел к калитке. Хозяин столярничал под деревянным навесом. Я кашлянул. Тимоха оставил работу и, припадая на протез, подошел ко мне; среднего роста, сухощавый, мускулистый, он походил на подростка; загорелое, почти коричневое, морщинистое лицо, светло-синие, как две морские капли, глаза смотрели пытливо, но доброжелательно; он сразу расположил меня к себе.

— Оторвал, небось, от дела?

— Ничего, — махнул рукой Тимоха, — работа не медведь — в лес не уйдет.

Узнав о цели моего приезда, он сказал:

— За милую душу прокотишься. Сухо, тепло, крути да крути. Остановился, отдохнул чуток в тенечке, под шелковицей, и дальше... А может, и мне с тобой? — загорелся вдруг Тимоха, его лицо оживилось, он стал как бы выше ростом. — Хотя, — он глубоко вздохнул, — и рад бы в рай, да грехи не пускают — я человек занятой, маслобойню сторожу..

— Дорога сносная? — спросил я.

— Накатанная. По-над морем проедешь, а дальше и вовсе асфальт начнется. Домчишься в два счета. Я ехал вдоль железной дороги, по тропинке — одно удовольствие!

— Часто останавливался?

— Часто. Я люблю поговорить с людьми. Человек — что книга: поговорил — прочитал книгу.

— А ездил для чего?

— Землю посмотреть. И людей — чем они дышат. Да... — Тимоха поскреб затылок. — Сквозь все изменилось супротив прежнего... При Сталине и Брежневе было терпимо. А сейчас... ни коня, ни возу...

— Нда, подзанесло нас...

— А знаешь, паря, станичники не озлобились, шутят: была шуба — шубу нашивали; нет шубы — в шубе хаживали. Вот это мне пондравилось...

На дороге появилась фура с бидонами; пегая кобыла еле плелась, но возница ее не подгонял, хотя и держал кнут в руке; Тимоха кивнул ему, тот ответил тем же.

— Я люблю эту землю, потому и ездил, — продолжал мой собеседник. — Я за нее кровушку проливал; она мне дороже собственной жизни... А то, что все кругом скособенилось... — Тимоха распрямил плечи, посмотрел поверх моей головы. — Зато я не скособенился! Как мать любит увечного ребенка больше здорового, так и я — мою землю. Так-то, паря...

— До Берлина, наверно, дошел? — полюбопытствовал я.

— Не привелось. В южной Польше забуксовал.

— Как, если не секрет?

— Какой же тут секрет? — Тимоха взялся обеими руками за перекладину калитки. — Дело было вблизи Кракова. Наша рота расчищала путь к переправе через Вислу и попала под перекрестный огонь; многие наши полегли; а Федюху, моего лучшего дружка, тяжело ранило в живот; я взвалил его на себя и пополз — а он дюже грузный, да еще боекомплект. «Брось ты меня, — говорит Федюха, — оба пропадем». «Нет, — отвечаю, — не брошу. Сам погибай, а товарища выручай». Кусаю губы в кровь, но ползу — метр за метром, сантиметр за сантиметром; а пули так и свистят. «Господи, — выдыхаю, — помози!» До ольховой рощицы бы дотянуть, там, среди деревьев,

спасение; остановился, сил больше нет, только свалил Федюху на бок, чтобы чуть-чуть отдохнуть, а неподалеку взрыв как бабахнет — мои ноги буквально изрешетило...

— А дальше?

— Думал, конец, но Господь помиловал. Подоспела подмога, и нас обоих доставили в полевой госпиталь. Я за Федюху больше всего волновался, но ничего — откачали. И я жив остался: одну ногу спасли, а другую — нет.

Мы помолчали. Тимоха пошире раскрыл ворот ситцевой рубахи.

— В Краснодар частенько ездешь? — спросил я.

— Не так уж часто, но бываю.

— И все время на велосипеде?

— На нём. Смальства, можно сказать, не слезаю. Не надоть мне ни мотыциклета, ни «жигулишек», ни «Побед»... Велик — вот это да! Самая лучшая техника: ничего не пропустишь, все увидишь; куда надо завернешь; посидишь, подумаешь о жизни; никакой спешки: тише едешь — дальше будешь. И переночевать есть где — у меня почти в каждой станции кореш. Утром встал пораньше — и в путь.

— А не боишься?

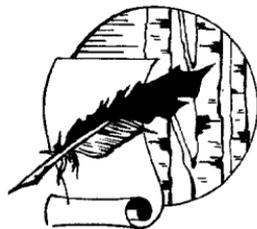
— Чего?

— Ну, разные лихие люди...

— А чего мне бояться — я же с Богом; ну, а если, не дай Бог, приставят нож к горлу и пинжак снимут, я и рубашку отдам.

Он расстегнул на рубашке две верхние пуговицы, словно готовясь отдать ее прямо сейчас.

Я поблагодарил Тимоху за беседу, пожал его сухую мозолистую руку, вывел на дорогу велосипед. Мой собеседник уходить, однако, не торопился. Отъехав на некоторое расстояние от его дома, я оглянулся: старый солдат смотрел мне вслед; он (я догадывался об этом) по-хорошему завидовал моему предстоящему путешествию...

Владислав АРТЁМОВ

УНЕСЁННОЕ ВЕТРОМ ТЕПЛО

СЛОВА

Мои слова прозрачнее и проще,
Чем эти облетевшие леса,
Они со мной перекликались в роще,
Я полюбил их птичьих голоса.

Они в стогах осенних ночевали,
Баюкал их тягучий шум дождя.
Кормились тем, что на ходу срывали
С сырых ветвей, по саду проходя.

На том холме в войну они играли,
Крестил их май в криницах ледяных,
Их волосы в июле выгорали,
В сентябрьских цыпках ноги были их.

Качаясь, на орешниках висели,
И проходящий катер стерегли,
И близко-близко на лугах осенних
К себе их подпускали журавли.

Я промолчу, не то сейчас волною,
Прорвав слова, из сердца хлынет грусть,
Ты их вспоил водою дождевою
Из старой шляпки, добрый старый груздь.

Даётся счастье нищим и беспечным, —
С любовью в сердце, с ветром в голове,
Здороваясь по-свойски с каждым встречным,
Я прохожу по городу Москве.

В тяжёлый час я возвращусь к вам снова,
И, как гостинцы, принесу с собой —

И скрип сосны, и шум дождя лесного,
И тихий говор листьев над водой.

Вот дальний гром, а это свищет птица,
Вот радуга, вот солнце на стене...
Пока слова мои вам будут сниться,
Вы улыбаться будете во сне.

НЕВЕСТА

Это было когда-то, а как будто вчера,
Полюбила солдата
Практикантка-сестра.

Он метался и бредил, и в бреду повторял:
«Мы с тобою уедем...»
А куда — не сказал.

Как-то так, между делом, объяснился он с ней —
«Ты мне нравишься в белом,
Будь невестой моей...»

И без слов, с полужеста, понимала она —
Что такое невеста,
Да почти что... жена!

Мир наполнился эхом, как пустынный вокзал,
Он однажды уехал,
А куда — не сказал...

И пошла по палате, ни жива, ни мертва,
В ярко-белом халате
Практикантка-сестра.

И кричала в дежурке: «Он не умер, он спит...»
И пила из мензурки
Неразбавленный спирт.

Невпопад и не к месту всё твердила она:
«Что такое невеста?
Да почти что... жена!»

КОГДА С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ...

«Когда с закрытыми глазами
Перешагнул ты мир иной,

Такими долгими слезами
Рыдала осень над страной.

Так безутешно плакал ветер,
Такая билась в дом гроза,
Что обрывались двери с петель
И шевелились образа.

Твоих убийц уже не стало,
Их в ад дорога завела.
А я постель не расстилала,
Я у окна тебя ждала.

Куда ушел ты, мой хороший,
Где задержался, милый мой?» —
«Я там, под белою порошей,
Я там, под глиной золотой.

И лес, и дол, и это поле
Сыпучим снегом занесло,
Но ты не плачь над нашей долей,
Теперь в ней всё уже светло».

ДА, РОДНАЯ, ДА

Вид из нашего окна
Тот же, что всегда,
Милый мой, была весна?..
Да, родная, да.

Месяц на небе светил,
Таяла звезда,
Как же ты меня любил!..
Да, родная, да.

Под окном переплелись
Мак и резеда,
Как мы в верности клялись!..
Да, родная, да.

Хлынул ливень ледяной
Грянула беда,
Ты уходишь, милый мой...
Да, родная, да.

Отшумит, отплачет дождь,
И тогда, мой свет,
Ты опять ко мне придешь...
Да, родная, да...

АНГЕЛЫ

Они зовут, но мир не слышит их,
Их голос тих, призыв их еле внятен...
Жизнь промелькнет, как призрак, что возник
В движении лесных теней и пятен.

Взволнуется душа, заговорив,
И долго успокоиться не сможет,
Так ветра августовского порыв
Желтеющую рощу растревожит —

И встрепенется, и вскипит листва,
Заговорив наперебив и сразу...
Я различал их, но едва-едва.
Я видел их, но только краем глаза.

Я повторял: «Как осень хороша!» —
И замирал в молчании глубоком,
И вздрагивала чуткая душа,
Незримых струй коснувшись ненароком.

И тело застывало на весу,
Пронизано лучами золотыми...
Но кто из вас не вздрагивал в лесу,
Из пустоты свое услышав имя?

И озирался я, разинув рот,
Вновь околдован тяжестью земною,
И как, должно быть, улыбался тот,
Кто подшутил, аукнулся со мною.

Сыграет ветер жизнь мою с листа,
И сколько листьев встрепенется в роще,
Но до чего мелодия проста,
Чем глубже в осень, тем она и проще.

Подумать только — я на свете был! —
И самому не верится, ей-богу...

Все ближе, ближе свист незримых крыл,
Перелетает тень через дорогу..

О чём, о чём, о чём мы говорим —
Сейчас сюда такой сквозняк прорвется,
И голос мой, что так неповторим,
И трепет мой — всё в шуме том сольется.

НА ХОЛМЕ

В этот солнечный день
Под Калугою гуси рыдали,
Запасалась душа
И простором и волею впрок,
И стоял я, стоял
И глядел в эти синие дали,
Всё глядел и глядел,
И никак наглядеться не мог.

Будто счастье прошло
И пропало за теми холмами...
Привязалась к душе
Непонятная грусть и печаль.
Да ещё этот ворон,
Что молча кружился над нами,
Да ещё этот ветер,
Да светлая стылая даль.

Этот солнечный день
Мне ещё не однажды приснится,
И вернётся к душе
Унесённое ветром тепло,
Что в тот солнечный день
Так хотело сквозь осень пробиться,
Но никак не могло,
Ты поверишь, никак не могло...

СТАРИК И РЕПА

Взял ружьё. Пошел гулять на реку.
Вообще, я нравом — нелюдим.
Вдруг гляжу — старик копает репу.
Ну-ка, что за репа, поглядим...

Вот рукою жилистой свирепо
Ташит он... Кипит в руке ботва.
Наконец вытаскивает репу.
Ай да репа! Верных пуда два!

Отбегу, а то еще ударит,
Ну а он ворчит в усы, как гром:
«Репу-то старуха, мол, напарит.
Будем живы, парень. Не помрём!»

И под этот дождь и этот ветер
Я пойду, задумавшись о том,
Что приятно быть на белом свете,
Но — не мной, а этим стариком!

АНГЕЛ МОЙ

По Садовому кольцу,
Где земля в бетоне,
Шла она, прижав к лицу
Мокрые ладони.

Через вой, через поток,
Где машины мчались,
Шла девчонка — поперёк,
Шла она, качаясь...

Кто сказал, что счастья нет,
Да пошли их к чёрту,
Не ходи на красный свет,
Милая девчонка.

Может, жизнь не удалась,
Помереть решила...
Полюбила только раз,
А потом — грешила...

До чего же ты глупа,
Жизнь губить напрасно!..
Ждет зелёного толпа,
А она — на красный!

Ты откуда, ясный цвет,
Из какого сада?

Не ходи на красный свет,
Девочка, не надо!

Что ты ищешь, ангел мой,
В городском бедламе,
Уезжала б ты домой,
Возвращалась к маме.

А толпа-то замерла
У черты, у края...
Быть не может!.. Перешла!..
Перешла, родная...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ОБОЧИНЕ ДОРОГИ

Я пошел поглядеть, как люди живут,
Больно что-то жизнь нашу хают.
Хорошо живут, хлеб с редькой жуют,
Хлеб жуют, водой запивают.

И такой на сердце у них покой,
А уж как их судьба трепала!
Вот и мне захотелось жизни такой,
Чтоб душа впотьмах не пропала.

Вот ведь жизни какой захотелось мне, друг,
Жизни жалостной, человечьей —
Чтоб медведь приходил и ел из рук,
Чтоб петух садился на плечи.

Захотел я дожить свой век по любви,
Чтобы дети убитую птицу
Принесли и клянчили: «Оживи!
У тебя должно получиться».

Жизнь пугает меня и сумой, и тюрьмой,
Обступает, ревет океаном...
Святой Ангеле Божий, хранителю мой,
Моли Бога о мне, окаянном!

ОПЫТ ИЗЪЯСНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ

От редакции. Публикуя размышления священнослужителя Сергия Карамышева о русской идеологии, истории России и ее будущих путях, мы понимаем, что согласны с ним будут не все наши читатели. И тем не менее этот взгляд русского мыслителя, деятеля Православной Церкви представляется нам интересным и важным наряду со взглядами и позицией других деятелей русского национального движения. Выработка русской идеологии с целью укрепления, возвышения и процветания России как великого государства — дело непростое, долгое и необходимое. И при этом нужно учитывать мнения всех лучших представителей нашего общества. Только тогда и можно будет достигнуть справедливости, мира и морального подъема в нашей стране.

В последние годы многие русские патриоты говорят о губительности дальнейшего существования России в условиях идеологического вакуума, который провозглашен Конституцией РФ 1993 года в качестве одного из

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

основных принципов. Хотя такой вакуум существует лишь на бумаге, т.к. 2-я и 3-я статьи Конституции постулируют принципы либерализма. Приведем в качестве примера лишь одно небольшое отступление: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

В реальной жизни в настоящее время идет жесткое противостояние возрождающейся исконной русской идеологии с издыхающей идеологией либеральной, окопавшейся в Конституции, ряде законов и подзаконных актов, в некоторых органах власти, в министерствах и ведомствах, в ряде средств массовой информации. Либеральная идеология подобна Гидре, которая с завидным постоянством производит новые свои хищные головы взамен только что отсеченных. Поэтому важно поразить самое сердце змеи. Для этого мало только отрицать — важно утверждать, что мы и попытаемся ниже сделать.

Что есть идеология

В.И. Даль представляет идеологию как «мыслесловие», т.е. как некие скрытые от обыденного взгляда мысли, ищущие для себя словесного выражения. И тут же выдающийся русский писатель называет идеологию частью метафизики или психологии.

Всё это говорит о том, что изъяснить национально-государственную идеологию — задача крайне сложная, т.к. по-нуждает исследователя проникать в глубины национального самосознания, чтобы тем самым выявить пути его воздействия как на души отдельных представителей народа, так и на внешний мир.

Некоторые отождествляют идеологию с пропагандой. Это неверно, потому что идеология — предмет творческого исследования, тогда как пропаганда — инструмент, с помощью которого с различной степенью успеха оказывается влияние на общественное сознание.

Идеология существует объективно, а пропаганда — плод субъективного целеполагания. В идеале пропаганда должна быть совершенным производным идеологии, ее проводником. В реальности же такое случается нечасто, потому что занимающиеся пропагандой обыкновенно вместо целей всего общества ставят во главу угла цели свои, частные, как они их понимают. Подобные операции, основанные на неискренности, могут привести к разложению общественного организма.

Поэтому крайне важно: 1) правильно выразить идеологию, 2) по возможности в совершенстве ей следовать в вопросах пропаганды.

Идеологию не нужно и даже крайне вредно изобретать — её следует открывать, используя как материал для исследования политическое, социальное, художественное творчество народа. Стержнем идеологии служит религиозная составляющая народного духа.

В то же время идеология не тождественна религии. У них разное назначение. Ибо религия есть осуществление связи человека с нездешним миром, идеология же — не столько связь, сколько воля человека и целого народа, направленная как на внутренний (душевный), так и на внешний (земной) мир, с целью их преобразования.

Отличие идеологии от мировоззрения, мироощущения, мировосприятия и т.п. заключается в том же, в чем и отличие логического мышления (пожалуй, вкупе с интуицией) от более простых, элементарных явлений психической природы (каковы зрение, откуда — мировоззрение; созерцание, откуда — мирозозерцание; ощущение, откуда — мироощущение; восприятие, откуда — мировосприятие). Идеология призвана быть строже, определённое, чем мировоззрение, хотя связь между ними, разумеется, очень тесная.

Чтобы как следует выразить мировоззрение народа, нужны целые тома. Идеология же представляет собою, так сказать, квинтэссенцию мировоззрения. Притом, если мировоззрение вполне может заключать в каких-то своих частях противоречия (например, в русском мировоззрении вполне уживаются представления о Степане Разине как герое с представлениями о законности его церковного анафематствования), — в идеологии это неприемлемо.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующее рабочее определение национально-государственной идеологии. Это система идеалов и установок народного духа. Ее стержнем (доминантой) является религиозный идеал. Идеология раскрывается в политическом, социальном и культурном творчестве народа, выступая своего рода квинтэссенцией народного мировоззрения. Она заключает в себе волевою составляющую, которая побуждает отдельную личность и народ преобразовать мир так, чтобы он, насколько это возможно, полнее соответствовал их идеалам.

Вызревание русской идеологии

Первым литературным произведением, представляющим русскую идеологию, является «Слово о законе и благодати» преподобного Илариона, митрополита Киевского (середина XI века).

Здесь Божий святитель разворачивает перед своими современниками рассуждение о свободе и рабстве, где под рабством разумеется Ветхий завет, под свободой же — Новый. Рассуждение очень своевременное, ибо Русь сравнительно недавно, при отце равноапостольного Владимира Святославе, освободилась от хазарского ига, чтобы обрести одновременно и внешнюю, и внутреннюю (духовную) свободу.

Вот речь боговдохновенного писателя: «Благодать, увидев чад своих христиан притесняемыми от иудеев, сынов рабского Закона, возопила к Богу: «Удали иудейство и Закон (его), расточи по странам — ибо какое общение между тенью и Истиною, иудейством и христианством!».

Только что (по историческим меркам) приобретенный суверенитет позволил Руси склонить свою выю под благое иго Христово, дающее духовную свободу, одновременно избавившись от какого бы то ни было политического подчинения, безусловно, на тот момент более политически развитой Византии. Такое уникальное положение предоставило Руси возможность сформироваться суверенной нацией, но в лоне святой Церкви, которая направляла могучую энергию молодого народа, помимо военно-героических и экспансионистских начинаний, в область аскетики.

Здесь следует заметить, что историческое бытие русской нации совпало с Крещением Руси, а затем — и других подчиненных ей племен. До Крещения не было единого народа, имелись различные, пусть и родственные друг другу, племена, каждое со своим языческим культом. Попытка князя Владимира, когда он был еще язычником, насадить единый для всех культ не увенчалась успехом. После Крещения для представителей обитавших на Восточно-Европейской равнине племен понятие «стать христианином» постепенно приобрело значение «стать русским».

Воздав славу Богу за освобождение Руси одновременно от идольского и иноплеменного гнета, митрополит Иларион прославляет подвиг святого Владимира, тем самым утверждая идеалы монархического строя.

Святитель Божий пишет: «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, кагана земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих и ныне победами и силою поминаются и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли».

Далее митрополит Иларион пишет о дивном преображении Русской земли во Христе. Поэтому без всякого стеснения уподобляет равноапостольного Владимира равноапостольному же Царю Константину: «Подобный Великому Константину, равный ему умом, равно христоролюбивый, равно чтущий служителей Его! Он со святыми отцами Никейского Собора положил закон людям (всем), ты же с новыми нашими отцами, епископами, собираясь часто, с большим смирением совещался, как среди народа этого, новопознавшего Господа, закон уставить. Он царство эллинов и римлян Богу покорил, ты же — Русь».

Обозначив монархическое правление как богоугодное, как наилучшее из возможных, Божий святитель хвалит святого Владимира за его обычай вершить государственные дела в совете с епископами. Это утверждение принципа симфонии Церкви и государства. Он был воспринят русским национальным сознанием как несомненное благо, хотя бы современная византийская практика и являла его многочисленные нарушения.

Византийское наследие

Выдающийся русский мыслитель Л.А. Тихомиров писал: «Русь усваивала самодержавную власть как выход из общего религиозного мирозерцания, из понятий народных о целях жизни. С этой точки зрения, у нас не столько подражали действительной Византии, сколько идеализировали ее, и в общей сложности создавали монархическую власть в гораздо более чистой и более строго выдержанной форме, нежели в самой Византии».

На это замечание следует обратить особое внимание, чтобы определить, в чем же именно в свое время заключались преимущества русского социально-политического строя в сравнении с другими государствами (разумеется, не закрывая глаза и на его недостатки), дабы, по возможности, воспроизвести их в настоящем и будущем.

Тот же Тихомиров отмечает, что в Византии существовало пагубное для социально-политического строя смешение понятий «Церковь» и «нация». Константинополь воспринял идею власти Императора, как она была сформулирована на закате Римской республики и согласно которой власть Императору делегирована народом Рима. Когда в Византии понятия «народ» и «Церковь» стали в значительной мере совпадать своими объемами, к сожалению, начало теряться различие их содержаний. Появилось представление о Церкви (по аналогии с республиканским пониманием нации) как об источнике политической власти. Явилась смесь христианс-

кой идеи (утверждающей, что источник власти — Бог) с республиканской (утверждающей, что источник власти — народ, пусть даже объединенный Церковью).

Указанный взгляд возобладал в славном своими древними республиканскими традициями Риме (на который первоначально распространялась власть Константинополя, этого Нового, христианского, Рима). В то же время на Востоке некоторые императоры, видя в Церкви иерархически организованную нацию, почитали для себя возможным давать ей свои предписания, таким образом смешивая понятия «глава народа» и «Глава Церкви» и посягая на то, что им никак не могло принадлежать. От противоречивой в своем существе смеси христианской идеи теократии с республиканской Византию мог оградить принцип соборности, если бы он из сферы церковной распространился на социальный строй империи. Но, к сожалению, в реальности социальные силы были последовательно подавляемы бюрократией.

Византийское государство игнорировало социальный строй и препятствовало его нормальному развитию, функции же его (и в первую очередь, местное самоуправление) передавало, с одной стороны, бюрократии, с другой — церковным структурам, тем самым даже их погружая в бюрократическую стихию.

Подобная система в конечном итоге, как замечает Тихомиров, превратила Императора из главы народа в главу бюрократии. Это сообщило толчок политическому разложению нации. Лев Александрович рисует перед нами такую мрачную картину: «Презирая «толпу», в Византии не сознавали необходимости и не видели возможности организовать ее в народ, связанный иерархией социальных авторитетов, которые способны вводить разум в нестройную толпу».

По необходимости, отметив эти недостатки социально-политического строя Византии, скажем и о главном его достоинстве. Оно заключается в величественной формуле симфонии властей — государственной и церковной, которые исходят из единого источника — Бога, поэтому, не подменяя друг друга, не мешая друг другу, а помогая друг другу, призваны устроить жизнь человека на земле в качестве преддверия небесного Царства.

Этот взгляд нашел прекрасное выражение в 6-й новелле кодекса Императора Юстиниана Великого (VI век): «Величайшие блага, дарованные людям высшею благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое заботится о божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих, оба же, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни... И если свя-

шенство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а царская власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит пользе и благу человеческого рода».

Принцип соборности как одна из основ русской идеологии

В отличие от Византии, постоянно изнуряемой червем бюрократии, общественная жизнь древней Руси была ключом. Свободное и мобильное население в ходе колонизации обширных пространств легко создавало органы местного самоуправления, которые впоследствии, пусть и не без борьбы, вплетались в систему государственных отношений. Поэтому Русь явилась не толпой с бюрократической надстройкой, но живым государственно-общественным организмом, одухотворяемым и объединяемым Церковью.

В постоянном соперничестве аристократического и демократического начал примиряющей и равнодействующей силой выступило начало монархическое. Великий Князь, и затем Царь, становился общепризнанным главой народа.

Таким образом, основными постулатами русской идеологии стали: 1) духовное руководство Церкви, понимаемой не как иерархически организованный клир (т.е. не в духе папизма), а как вся совокупность верующих под Главою-Христом, направляемая Святым Духом; не ограничивающаяся одним лишь поколением живущих на земле людей, но вбирающая в себя всех верных от самого сотворения мира; 2) верховное политическое руководство Монарха, выстраивающего вертикаль власти; 3) соборное начало нации, выступающее как сила, способная преодолевать социальные противоречия и поэтому превращающая народ в единое структурированное целое под главою-Монархом.

Нетрудно заметить, что в этом случае Монарх носит образ Христа, а соборное начало Церкви наполняет жизненной силой соборное начало народа. Как в Церкви Святой Дух действует не только через священноначалие, но и через людей, не облеченных никакой внешней властью (например, юродивых), так и на уровне нации сила центростремительная действует порой через людей, имеющих самый низкий социальный статус.

Здесь будет уместным привести рабочее определение народа (нации): это вся совокупность живших, живущих, а также имеющих жить в будущем, людей, объединенных общими верой, языком, культурой, территорией, мировоззрением и тяготением к определенному социально-политическому строю.

Возможно, кому-то будет понятней и ближе определение, данное И.В.Сталиным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Если в «психический склад» включить веру, противоречий с первым определением не будет. Что касается «экономической жизни», она изменчива и вообще вторична в сравнении с социально-политическим строем. Впрочем, если рассматривать экономику в древнерусских традициях (в буквальном переводе это слово значит «домострой», именно так называется наш замечательный литературный памятник XVI века), с товарищем Сталиным вполне можно согласиться.

Если мы рассматриваем народ не во всей совокупности его поколений, а применительно к одному из них, тогда о самодержавном строе можно сказать следующее: Царь есть глава народа и одновременно — его органическая часть. Дифференцирующим началом народа служит его социальная структура. Интегрирующим — начало соборности, на основе которого можно достигнуть единения в истине. Своего рода каркасом, скелетом нации служит система государственной власти, не позволяющая нации, что называется, расползаться в разные стороны, превращаясь в бесформенную массу.

Принцип соборности требует дополнительных пояснений, потому что некоторые путают его с демократией, хотя разница между ними не меньшая, чем, скажем, у самодержавия с тиранией.

Приведем в этой связи замечательные слова Л.А. Тихомирова: «Соборное начало имеет своим смыслом целостное действие какой-либо органической коллективности. Так, соборное начало в Церкви стремится дать целостное выражение мнения и действия всей Церкви, т.е. всех миллионов ее членов, как духовных, так и мирян. В земских соборах это начало имеет целью выразить мнение всей нации. Соборное начало, таким образом, ищет всеобщего объединения».

Качество соборности стало характеристичной глубинной чертой русского народа. И это одна из причин того, что ему не свойственно воздыхать о демократии. Н.Я. Данилевский в своем трактате «Россия и Европа» делится очень тонким замечанием относительно капитальной разницы национальной психологии западноевропейских народов и народа русского. Движущая сила первых заключается в эгоистичном интересе какой-либо части общества, достигаемого за счет других его частей, что выливается в партийность, второго же — в объединяющей силе нравственного идеала.

Данилевский пишет: «Из выставленной здесь черты русского народного характера, проявлявшейся при самых важ-

ных торжественных мгновениях его жизни, выводится то заключение, что вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления».

Указанная особенность, заключающаяся в том, что русский народ в значительнейшей мере представляет собою ярко выраженную коллективную личность, дает ему важное преимущество: он способен интегрировать в себя как отдельных представителей других народов, как бы охватывая их своим полем, своей атмосферой (ведь малой личности свойственно притягиваться к большой, это своего рода закон гравитации в применении к психологии), так и целые этносы, — без насилия и унижения по отношению к ним.

Несколько выше в том же трактате Данилевским был описан механизм, с помощью которого происходит едва уловимая извне внутренняя работа этой коллективной личности: «Старый порядок вещей или одна из сторон его, не удовлетворяет более народного духа, ее недостатки уясняются внутреннему сознанию и постепенно становятся для него омерзительными. Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению; борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы, к совершенному ошеломлению тех, которые думают, что все должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальную. В народном сознании происходит тот же процесс внутреннего перерождения, который совершается в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое...»

Указанная здесь особенность позволяла русскому народу развиваться более плавно и последовательно, эволюционно, не губя своих сил в кровопролитных революциях.

Данилевским представлен взгляд, проникающий в глубины народного самосознания. Другой выдающийся русский мыслитель, принадлежавший к предыдущему поколению, И.В. Киреевский в труде «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» представил взгляд вширь, удачно сравнив русский социальный строй с западноевропейским.

«Если бы кто захотел вообразить себе западное общество феодальных времен, то не иначе мог бы сложить об нем картину, как представив себе множество замков, укрепленных стенами, внутри которых живет благородный рыцарь с своею

семьею, вокруг которых поселена подлая чернь. Рыцарь был лицо, чернь — часть его замка. Воинственные отношения этих личных замков между собою и их отношения к вольным городам, к королю и к церкви составляют всю историю Запада.

Напротив того, воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской расселенных, и имеющих каждая на известных правах своего распорядителя, и составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир: эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей Русской земли, имеющее над собою Великого Князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства».

Изобразив широту русского социального строя, представив его в виде естественного организма под единою главою, Киреевский затем вглядывается в глубины русского самосознания, чтобы сделать важный вывод: на Руси в основе общественно-правовых отношений лежало понятие личности, тогда как на Западе — понятие собственности: «Общество сложилось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность».

Перерастая тесные рамки общественных отношений, личность на Руси стала главным интегрирующим началом разных уровней, находя свое естественное завершение в личности Монарха. В то же время на Западе универсальным интегрирующим началом стал вопрос сохранения или перераспределения собственности, лучшими памятниками чего стали «Капитал» Маркса и ФРС США.

Однако мы отвлеклись от темы. Далее Киреевский говорит о более цельном развитии души русского человека, о всё том же проникающем ее духе соборности, в отличие от человека западного, в котором раздробленность социального строя, проецируясь на личность, производит ту же раздробленность душевных сил. Отсюда закономерно, что в социально-политическом строе Запада прекрасно развилось механическое начало со своей системой сдержек и противовесов, тогда как на Руси — органическое, идущее от отдельной личности (от спектра ее психических качеств) через разные уровни общественности — к личности же, теперь верховной. Киреевский дал прекрасную формулу соборности: «единодушная совокупность при естественной разновидности».

Можно рассмотреть эту таинственную связь на еще более глубоком уровне: отдельно взятая личность, имея живую молитвенную связь с Богом-Троицей (представляющим Единство трех Ипостасей, т.е. первообраз Соборности), начиная с семьи, пропускает ее через всю социальную структуру, вплоть до личности Монарха, чтобы опять прийти к поклонению Богу-Троице. Разницу в основаниях общественности Киреевский видит в том, что на Руси это сила убеждения, тогда как на Западе — сила мнения. Убеждение обще для всех, тогда как мнение выражает интерес какой-либо партии.

Следует заметить: художественно выписанная Киреевским картина русского социального строя закономерно увенчивается личностью Монарха, т.е. соборная личность нации для полноценной собственной деятельности нуждается в интересах своего совершеннейшего выражения в личности конкретной и верховной.

Действительно: если русский народ — личность, движимая своими нравственными идеалами, из данного утверждения следует, что наилучшим живым центром его единения будет самодержавный Монарх (личность же, но особенная, священная), несущий ответственность лишь перед Богом и долженствующий быть идеалом своего народа. Это власть, основанная не на договорах, не на выборах, не на паритете интересов социальных групп или политических партий, — это власть этического начала, в основе которого — вера в Бога.

Здесь представляется уместным привести слова выдающегося русского правоведа М.В. Зызыкина из его работы «Царская власть и Закон о престолонаследии в России»: «В самодержавии монархическое начало есть выражение того нравственного идеала Православия — смирения перед промыслом Божиим, указующим носителю власти и подвига, которому народное миросозерцание усваивает значение верховного принципа жизни. Только власть Монарха, как выражение силы этого самодовлеющего нравственного начала, является верховной. Эта монархическая власть — не власть сословного феодального монарха, основанная на его привилегии, а власть подвижника Церкви, основанная на воплощении народной веры, народного идеала; через это власть его становится властью самого нравственного идеала в жизни, который не может быть и понят без проникновения в учение Православия о смирении и стяжании благодати через самоотречение и жертвенность подвига жизни».

Мы показали здесь, что принцип соборности, ставший природным качеством русского народа, наиболее гармонично уживается с принципом самодержавия. С другой сторо-

ны, оба они имеют совершенную основу в святом Православии. Таким образом, мы получили классическую формулу русской идеологии, в свое время столь удачно выраженную графом С.С. Уваровым: Православие — Самодержавие — Народность. И хотя была так чеканно выражена в XIX веке, действовала она изначально — с века X — то как бы теряясь в глубинах русского национального самосознания, то воскресая с новой всепобеждающей силой.

Тернистый путь к осуществлению национального идеала

Когда монархическое начало ослабло, когда на смену единению во Христе пришли распри, в «Слове о полку Игореве» (XII век) зазвучал призыв к единству Руси, которая лишь всеми своими совокупными усилиями может отстоять собственную свободу.

Основанием этой свободы должно было стать достигаемое подвигом единение в истине. Поэтому в годы татарского ига Русь перед лицом еретического соблазна Запада утвердилась в Православии, точь-в-точь по Пушкину:

*Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.*

Причем Господь вновь избрал, как ранее для насаждения веры, так теперь для ее утверждения в душе русского народа, Монарха, на сей раз — благоверного Великого Князя Александра Невского.

Этот святой не поднимал своего меча против татар, стеснивших Русь лишь внешним образом. Однако поднял его против шведов и немцев, которые через насилие над духом народа грозили Руси окончательной гибелью. Он же, Великий Князь Александр, дал жесткую отповедь Римскому папе, который через своих, снабженных чрезвычайными полномочиями, легатов стремился, теперь уже лестью, поработить дух русского народа.

Линию святого Александра продолжил в Москве Великий Князь Василий, по прозвищу Темный. Когда греки на Флорентийском соборе продались папистам, Великий Князь, исполнившись дерзновения, отдал приказ арестовать митрополита-иуду (грека Исидора) прямо в храме за его отступничество от святого Православия в ересь папизма. Вот ярчайшее подтверждение того, что благодать Божия обильно действовала на Руси, используя монархическую систему власти.

Тогда же Русская Церковь стала автокефальной, независимой от впавшего в ересь Константинополя, что, несомненно, дало новый мощный толчок развитию русского национального самосознания, сообщив ему высшую степень собственной духовной ответственности.

В судьбоносные моменты истории отчетливо звучал соборный голос русского народа, например, при разгроме ереси жидовствующих. Благодаря самоотверженным усилиям святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа, игумена Волоцкого, ересь, уже свившая себе гнездо в священных стенах Кремля, была удалена, точно смертоносная зараза, из сознания русского народа.

Несколько ранее старец-монах Филофей, вдохновленный свыше, выдвинул крайне смелую, но, как показал исторический опыт, истинную мысль, что Москва есть Третий Рим, и высказал пророчество, согласно которому все христианские царства должны сойтись в Русскую землю. Тот факт, что слова простого монаха, произнесенные полтысячелетия назад, теперь известны едва ли не во всем мире, свидетельствует о духовной чуткости русских правителей, проникнутых тем же соборным началом, что и весь остальной народ.

В те уже давние от нас времена Русь стала осознавать себя силой, удерживающей мир от «тайны беззакония», о которой пророчествовал апостол Павел (1 Фес., 2, 7-10). Это осознание не надмевало Русь, но напротив, внушало страх Божий, побуждающий к державному строительству в режиме постоянного духовного бодрствования.

Первый русский Царь Иоанн Грозный выразил высокое понимание собственного служения Божию промыслу: «Земля правится Божиим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими...»

Царь, столько сделавший для утверждения самодержавия и ослабления аристократии, ставит себя, в отличие, скажем, от Людовика XIV, в деле управления государством не на первое, а на последнее место, правда, не среди земных людей, а среди представителей Церкви, торжествующей на Небе. В этом раскрывается коренное отличие самодержавия от абсолютизма.

Здесь явлена связь земной Церкви в ее внешней ограде (государстве) с Церковью небесной, связь, позволяющая взирать на земные дела при свете вечности. Такой взгляд, несомненно, является наиболее объективным, не зависящим от личных пристрастий.

Тот же Иоанн Грозный писал изменнику князю Андрею Курбскому: «Верую, яко о всех своих согрешениях, вольных

и невольных, суд прияти ми яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают». Здесь утверждается нравственная ответственность Царя за вверенный его попечению народ.

Царь Иоанн, в ходе своего правления неоднократно созывавший церковные и земские соборы, осознавал потребность слышать соборный голос Церкви с нацией. В этом смысле характеристично его обращение к членам Стоглавого собора (1551 г.): «Если я буду вам сопротивен, вопреки божественных правил, вы о том не молчите; если буду преслушником, воспретите мне без всякого страха, да жива будет моя душа, да непорочен будет православный христианский закон и да славится пресвятое имя Отца и Сына и Святого Духа».

Отношения между Царем и народом ценны своей взаимностью, обратной связью. Если она теряется, самодержавный строй становится невозможным. Эта связь, несомненно, была, и она составляла сокровище души русского народа, что мы видим в тщательно собранных В. И. Далем пословицах: «Сердце Царево в руке Божией»; «Народ тело, а Царь голова». Высокое дерзновение Царя перед Богом и его неразрывная нравственная связь с народом представлена, например, здесь: «Народ согрешит — Царь умолит, а Царь согрешит — народ не умолит». Совершенная необходимость для Руси Царя в качестве верховной власти является в следующих пословицах: «Народ думает, а Царь ведаёт»; «Царёво око видит далёко»; «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Без Царя земля вдова»; «без Царя народ сирота».

Иоанн Грозный, которого можно назвать выдающимся теоретиком самодержавного строя (в этом плане сравнить его можно разве с Юстинианом Великим, правившим как раз тысячелетие назад), отчетливо видел разницу между русской (подлинной) монархией и ущербными западноевропейскими. Поэтому, возражая в полемике с князем Курбским — «како и самодержец наречется, аще не сам строит?!», проникшимся польскими «идеалами» государственного строительства, не без иронии писал и шведскому королю Юхану, что он напоминает сельского волостного старосту (выборное лицо). Подобным образом Грозный Царь воспринимал власть польского короля Стефана Батория, которому писал: «Мы, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению». Равно английскую королеву Елизавету русский Царь уподобил «пошлой девице» по той причине, что в Англии государством не она сама, а «торговые мужики» управляют, — этими словами Царь обозначил лордов, уничтожив

их таким образом за страсть к торгашеству. Власть западно-европейских монархов, которых и монархами можно было называть лишь условно, была ограничена властью папы или же аристократии, т.е., по сути, представляла собой разновидность республиканского строя.

Перед представителями иностранных государств Царь выступал как глава всего русского народа. Его суверенитет был суверенитетом русского народа. Ограничение же царского могущества было ограничением могущества всего русского народа. О выдающемся значении царской власти прекрасно сказал Л.А. Тихомиров: «Царская власть — это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого, и имея в виду будущее нации».

Здесь будет уместным привести рабочее определение государства. Мы заимствуем его у Н.Я. Данилевского: «Оставляя всякие мистические, ничего ясного уму не представляющие определения государства (как, например, то, которое мы во время оно заучивали на школьных скамьях: что государство есть высшее проявление закона правды и справедливости на земле), мне кажется, надо остановиться на более удовлетворительном, в сравнении с прочими, английском понятии, что государство есть такая форма или такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу. Такое определение кажется мне вполне удовлетворительным, если жизнь, честь и свободу личности понимать в обширном значении этого слова, то есть не одну индивидуальную жизнь, честь и свободу, но также жизнь, честь и свободу национальную, которые составляют существенную долю этих благ». Иными словами можно сказать, что государство — способ существования нации, крепостные стены, которые ни в коем случае нельзя позволять разрушить.

Болезни русского самосознания

Болезни русского самосознания обнажились со всей ужасающей глубиной в Смутное время. Оставшись без Царя, Русь осиротела. Лучшие люди потеряли точку опоры. Это позволило возвыситься худшим, которые вконец обнаглев от безначалия, избирали себе в вожди самозванцев и разбойников.

Смутное время явилось грандиозным провалом демократии. Хотя боярин Борис Годунов был избран на царство Зем-

ским собором, это было скорее демократическое (где вопрос решается большинством), чем соборное решение всей Русской земли. Не было справедливости, не было искренности в расследовании убийства наследника престола Царевича Димитрия. Следовательно, не было у всего народа твердой убежденности в том, что Борис Годунов поставлен Самим Богом родоначальником новой династии. Даже если оставить в стороне вопрос о заказчике убийства Царевича, должно признать: принцип соборности был грубейшим образом нарушен. Народ, если можно так выразиться, чувствовал органическую несовместимость со своим новым главой.

Это не только подорвало авторитет верховной власти, но и разрушило веру в конкретного ее носителя. За первым провалом демократии (имеется в виду Земский собор 1598 г.) последовали другие (воцарение Лжедмитрия, затем — князя Василия Шуйского, а чем далее, тем подлее), которые убедили, наконец, Русь в том, что демократия здесь равнозначна разбою, а демократические вожди — воры и льстецы. Стоя уже на краю пропасти, Русь пришла в себя. Руководимая священномучеником патриархом Гермогеном, который стал голосом народной совести, она свергла иноплеменное иго, разорвала цепи демократии, которыми ее сковали враги, чтобы под водительством Святого Духа не избрать, а вымолить себе, как величайшую милость, Божия Помазанника.

Действительно, «избрание» боярина Михаила Романова в заключительной фазе не напоминало собою ни шумное вече, ни сговор аристократических фамилий. Это было богослужение, итогом которого стало единение в истине. Оно явило качественный перелом народного сознания, его преобразование от низшего к высшему — от демократии к соборности.

Непостижимыми путями божественного промысла во главе Руси встали тогда отец и сын, Патриарх и Царь, что дало образец теснейшей симфонии государства и Церкви, и это, в свою очередь, влило новые силы в начало русской соборности. Таким образом, испытание Смутой возвратило Русь к ее исконной национально-государственной идеологии.

Однако болезни русского самосознания на этом не закончились, что и неудивительно с учетом общей нравственной деградации человечества. С XVII века на Руси стала бурно развиваться бюрократия, превращаясь из опоры царской власти в начало самодовлеющее. Ранее мы уподобили систему государственной власти каркасу, скелету. Разумеется, что организм нации жить без него не может. Однако, если он начинает посягать на Церковь и поглощать социальный строй нации, последняя, если не окажет сопротивления, со време-

нем превратится в обескровленный, обтянутый кожей, поглотивший все вокруг себя и потому ставший отвратительным в своей нагоде, скелет.

Первым большим «успехом» бюрократии стало учреждение Монастырского приказа, в соответствии с «Соборным уложением» 1649 г. Чиновники этого приказа (министерства) получили возможность административного контроля над церковной иерархией. Мужественным поборником исконно русских начал выступил тогда Патриарх Никон, которого архиепископ Серафим Соболев в труде «Русская идеология» (1939 г.) называет «величайшим защитником симфонии властей и вместе с этим проповедником истинной самодержавной царской власти и поборником русской идеологии».

Очередную болезнь русского самосознания вскоре обозначил церковный раскол, поставивший гордостный провинциализм (что было несовместимо с идеей Москвы как Третьего Рима) выше вселенского единства церковной полноты. Раскол чрезвычайно ослабил на Руси соборное начало, повысив (конечно, вовсе не ставя такой цели) значение той же бюрократии.

Раскол же ярко выявил недостаток образованности русского народа, что не позволяло ему успешно конкурировать с народами Западной Европы. Указанный недостаток был горячо воспринят Петром Великим, поэтому он успешно боролся против гордыни невежества, расширив горизонты и пределы обитания Руси, однако допустил другие ошибки.

В XVIII веке государственный строй России был сильно искажен восприятием политической системы, выработанной протестантскими государствами Западной Европы. Это дало перекос в сторону абсолютизма.

Император формально был объявлен главой Церкви, что, конечно, грубо противоречит православному учению, и в этом случае Россия стала повторять ошибку Византии, только в более последовательной форме, потому что бюрократическое начало проникло в церковные структуры глубже. Принципы самоуправления, принесенные из Швеции, туго прививались на русской почве. Это ослабляло нацию, разрушало ее природный социальный строй.

Впрочем, на протяжении двух столетий началом, сплачивавшим народ, стало служить дворянское сословие: во-первых, как важнейшая опора Царя; во-вторых, как живая связь верховной власти с низшими сословиями. Об этом Л.А. Тихомиров пишет так: «...дворяне были истыми гражданами петербургского государственного периода, и если бюрократия захватывала в свои руки другие сословия, то дворяне дер-

жали в руках саму бюрократию. Дворянство стояло так близко около верховной власти, так было с нею солидарно, так интимно общалось, что независимость верховной власти в отношении бюрократии охранялась в значительной мере, пока существовало крепостное право и господствующее положение дворянства. Через дворянство верховная власть оставалась в непрерывном общении со страной... Охраняя себя, оно охраняло волей-неволей всю страну от владычества «приказного семени», «чернильных душ» и т.п.».

После реформы 1861 года, наряду с не подлежащими сомнению положительными ее последствиями, выступило и отрицательное — умаление значения дворянства, что, с одной стороны, внесло в русское общество дезинтеграцию, с другой же — усилило власть бюрократии, которая, в известной мере, стала средоточием между верховной властью и народом. Цари время от времени своим непосредственным действием старались нейтрализовать злоупотребления бюрократической системы, однако коренным образом изменить ситуацию уже не могли.

Многие, видя недостатки русского социально-политического строя, искали путей их разрешения в Западной Европе, что не могло принести ничего, кроме сугубого вреда, потому что принцип верховной власти на Руси оставался прежний, выработанный веками всенародного подвига общественно-государственного и церковного строительства. Пусть он был скрыт в глубинах народного самосознания, однако силы своей не утратил. Смотревшие на Россию поверхностно, видели в ней европейские социально-политические институты и заключали, что для достижения совершенства их нужно развивать и раскрывать более последовательно. Таковые люди (западники), к сожалению, не замечали органической несовместимости этих институтов с русскими идеалами и вели Россию со своими догмами конституционализма, парламентаризма, народовластия по пути разрушения.

Следует заметить: при всей своей мощи бюрократия не могла заглушить живых источников русского самосознания. То и дело находились светлые головы, утверждавшие идеалы самодержавного строя. К таковым, вне всякого сомнения, относится святитель Филарет, митрополит Московский. Он учил современников, в значительной мере уже впитавших в себя так называемые идеалы демократии: «Как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало власти только в Боге... Бог по образу Своего небесно-

го единоначалия устроил на земле Царя, по образу Своего вседержительства — Царя самодержавного, по образу Своего непреходящего царствования — Царя наследственного». Возвеличивая, таким образом, Царя, Божий святитель ука­зывал и на проистекающие из самой природы самодержавия пределы его власти: «Благо народу и государству, в котором всеобщим светлым средоточием стоит Царь, свободно огра­ничивающий свое самодержавие волей Отца небесного».

Выдающийся государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода, К.П. Победоносцев, тотчас по убиении императора Александра II писал новому Государю, убеждая его оставаться верным идеалам самодержавия: «Народ верит в эту волю Божию — и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкою рукою и твердой волей».

Когда на смену дворянству пробился новый социальный слой — разночинной интеллигенции — и стал претендовать на интеллектуальное господство над страной, Россия стала стремительно разлагаться изнутри. Эта интеллигенция заняла прочные позиции, с одной стороны, в бюрократии, с другой — в революционном движении. Производя, таким образом, давление сразу с обеих сторон, она расстраивала одновременно политическую и социальную жизнь России, ставши в конце концов детонатором революционного взрыва начала XX века.

Когда бюрократия в ходе земской реформы стала насаждать в среде крестьян вместо принципа соборности (не понимая его) чуждые русскому народу начала демократии, он стал деградировать семимильными шагами. Яркую картину этого процесса представил писатель С.А. Нилус, например, в своей работе «Корень зла: истинная болезнь России»: «...когда по деревням еще было живо семейное начало, сын еще не таскал отца сажать в волостную «холодную», пока еще сохранялась в своей хрустальной чистоте православная вера, не тронутая нечистыми руками «новых веяний», мир был силен своими «стариками»... как патриархального совещания мужей разума, совета старейшин по важнейшим вопросам деревенской жизни. Взрослая молодежь, хотя и достигшая политического совершеннолетия, допускалась на мирской сход, но суждение свое высказывала редко и главным образом поучалась... Производились и выборы должностных лиц и всё тем же наиболее зрелым элементом сельской общины. «Как старики положили, так тому и быть»...».

Главное в соборности — этическое начало, искание справедливости в каждом деле. Когда под двойным влиянием —

бюрократии с революционной интеллигенцией — в толщу народа стала внедряться чуждая идеология, все пришло в расстройство, результатом чего стала демократия в наиболее подлой своей разновидности (охлократии).

Приведем об этом свидетельство того же Нилуса: «Естественно, благодаря безграмотности избирательной толпы речи и фразы отсутствуют, политическая программа кандидатов на избрание не подвергается обсуждению. Зато во всю свою ширь и во всю свою мощь начинает работать матушка-водочка: «Иван Петров стравил сходу 5 ведер, да не его взяла! Петр Иванов дал на 7, и его выбрали». Нравственные качества кандидата в расчет не принимаются, да о них никто из избирателей в простоте сердечной и не заботится. Выбирают на платную волостную должность или кого побогаче, пользующегося обеспеченным от хозяйственных забот досугом (преимущественно из удалившихся от дел кабатчиков-рантье-ров, отставных урядников, волостных писарей и т.п...) На мелкие же полицейские, сельские должности, скудно даже для крестьянского бюджета оплачиваемые, тянут «силом» (насильно) самую что ни на есть дрянь деревенскую...»

Новые демократическо-бюрократические начала совершенно развратили как сельский мир, так и семью. Не лучше было в городах империи, т.к. там органы «самоуправления» формировались выборщиками, и последними часто становились либо те же «чернильные души», либо безответственные политиканы, либо лоббисты интересов набравшей политической вес буржуазии. Если добавить сюда инфантильных присяжных заседателей, оправдывавших террористов, и буйную в основной массе, с повадками гиен и шакалов, печать, картина становится вовсе удручающей. Главное и совокупное преступление безответственных вдохновителей реформ 60-х годов XIX века (впрочем, как правило, не осознававших сути своих действий) заключалось в подрыве русской национально-политической идеологии.

В период революционных волнений 1905—1907 годов развернулось мощное народное движение в поддержку самодержавного строя. Оно подставило свое плечо уже пошатнувшейся монархии, но увы, бюрократия оттолкнула это плечо, побоявшись утратить собственную власть над страной. Монархистов (или, как их презрительно называли, «черносотенцев», т.к. они представляли собой преимущественно черное, тяглое население) преследовали наряду с революционерами. Поэтому отчасти закономерно, что в 1917 г. такого плеча, способного, развернувшись, задавить революцию, у верховной власти уже не оказалось. Бюрократия же в один миг ее предала.

Мы считаем нужным привести в очередной раз слова Л.А. Тихомирова из его капитального труда «Монархическая государственность», увидевшего свет в 1905 г., где он размышляет над текущими событиями, как бы подводя черту болезням русского самосознания: *«После 1861 года около верховной власти осталась только бюрократия. Она все делала. Она вдохновляла верховную власть. Она все решала за Россию. И вот, в течение 40 лет, она успела вырыть такую яму между Царем и народом, какой никогда не было за все предыдущие 1000 лет существования России...»*

Нация приучается все меньше делать что-либо собственными силами, и удовлетворения всякой своей потребности ждет от «начальства». Это истинное политическое развращение взрослых людей, превращаемых в детей, сопровождается отсутствием возможности их контроля за действиями опекателей — чиновников, порождая в общественном мнении, вместо разумного обсуждения действий администрации, царство сплетни, в которой уже и разумному человеку невозможно отличить фантастических и злостных выдумок от действительных злоупотреблений.

Само собою — что так воспитываемая нация не может не терять постепенно политического смысла и должна превращаться все более в толпу.

В толпе же непременно возобладают демократические понятия о верховенстве.

Не только более высокий этический принцип заглушается у политически приниженного народа, но даже аристократическое доверие к силе лучших исчезает, ибо их уже не видно: толпа сера и однообразна, в ней нет ни худших, ни лучших, есть только численность — большинство и меньшинство».

Обоснование (временному) упразднению в России самодержавного строя Тихомиров дает в разделе «Монархическая политика»: «Необходимость Монарха для нации обуславливается верностью самой нации духу, признающему нравственный идеал за высший принцип. Если в нации этого духа нет — Монарх становится излишен и невозможен, и ему остается лишь удалиться с места, так сказать, нравственно опустелого. Оно тогда — ниже его, недостойно его...» — Что и сделал император Николай Александрович.

Приведем здесь замечательный прогноз, данный Л.А. Тихомировым: «Чем бы ни кончилась современная эпоха смуты, измены, бессилия и позора, — ясно одно — что общее устройство, полученное Россией в «пореформенную эпоху», в будущем невозможно... Оно противно природе государ-

ственных явлений, и так или иначе неизбежно должно исчезнуть. Вопрос будущего состоит лишь в том — какая власть это произведет».

Наряду с этим негативным прогнозом, который исполнился в наиболее пессимистической его части, Л.А. Тихомиров дал и прогноз более чем оптимистический, притом основанный не на смутных предчувствиях, но на знании русского национального самосознания, русской (объективно существующей) идеологии.

«Современные русские, несомненно, крайне развращены, так что об их «этике» может казаться стыдно и говорить. Но должно вспомнить, что это состояние «греховное», а не возведенное в норму. Русский — сбился с пути, потерял рамки жизни, необходимые для воспитания, и вот почему он стал так деморализован. Но этическое начало в этом развратном человеке остается все-таки единственным, которое он в глубине сердца своего уважает.

Простую нравственную «дисциплину», «дрессировку», которую столь искренне ценят другие народы, он не уважает и доходит до современной деморализации именно потому, что в существе своей души он «этичен», хочет непременно истинного чувства, и если его не находит, то отворачивается от всяких утилитарных подделок.

Но пока душа русского такова — он не может быть способен искренне подчиниться какой-либо верховной власти, основанной не на этическом начале, а потому он не способен признать над собою власть ни аристократии, ни демократии.

Русский по характеру своей души может быть только монархистом или анархистом. Если он почему-нибудь утратил веру в монархию — то делается или политическим индифферентистом или анархистом...

А потому было бы невероятным увидеть в России — по крайней мере теперь, до чрезвычайного изменения самой души народной, не только республику, но даже сколько-нибудь прочную конституцию, ограничивающую царскую власть. Можно себе представить у нас, как везде, смуты, перевороты, узурпации, но как прочный строй — в России возможна только монархия, и думаю, что она теперь возродилась бы из самых тяжких смут столь же самодержавною, как в 1612 г.».

Плюсы и минусы советского периода

Дорвавшись до власти в феврале 1917 г., бюрократия (включая церковное ее крыло в лице Св. Синода, тотчас отрекшегося от Царя) в союзе с революционным крылом разночин-

ной интеллигенции развалила Россию за каких-то полгода. Большевики, придя к власти, зачистили, в свой черед, могильщиков Российской империи. Это был несомненный плюс.

Всех большевиков можно разделить на две большие группы. И к первой из них относятся те, кого У.Черчилль назвал в 1918 г. «подонками больших городов Европы и Америки». Эти отбросы Западной цивилизации были убежденными русофобами, и даже шире — мизантропами. Если только немногие из них совершали религиозное поклонение дьяволу, по делам в большинстве своем они были преимущественно сатанистами. Это были подлинныи козлища, власть коих была попущена Богом для наказания и вразумления русского народа за попрание священной присяги Государю, за его массовое отступничество от русской идеологии, за допущенное им разложение самодержавного строя. Именно эти козлища сделали убийцами Божия Помазанника Царя-страстотерпца Николая со всей Августейшей Фамилией. Именно эти козлища предприняли геноцид русского и союзных ему народов. Именно они методично разрушали русскую веру, русскую культуру, русскую этику, русскую науку, русское право, русское образование, русское хозяйствование, русское мировоззрение.

Ко второй группе большевиков относились в основном русские люди, носители еще сохранившейся в глубинах сознания русской идеологии, которая в их душах вошла в пассивную стадию, тем самым обнажив анархическое, деморализующее начало. Находясь в значительной мере в идеологическом плену у первой группы большевиков, они, со временем встав перед необходимостью устраивать государственную жизнь в России, принялись, порой неожиданно для себя, насаждать элементы русской идеологии: сначала довольно робко, а потом — всё последовательнее. Русская идеология постепенно переходила от пассивного (спящего) состояния в активное. Ведь это стройная система, следовательно, воплощение в жизнь отдельных ее элементов необходимо влечет за собою появление других.

Конфликт русских большевиков с козлищами был неизбежен. Эмблемой последних выступил Лейба Бронштейн (Троцкий). А вождем русских большевиков стал Иосиф Джугашвили (Сталин), как он о себе отзывался, «русский грузинского происхождения». Козлища в значительной своей массе были истреблены, одновременно стали спадать цепи с души русского народа. Это была подлинная контрреволюция, хотя, в силу известных причин, она так не именовалась.

Обратимся к перечислению того положительного, что было сделано большевиками. Они под корень уничтожили прежнюю бюрократическую систему с ее демократическими потугами, только развращавшими народ.

Большевики научили не презирать власть и не смеяться над нею, но бояться ее. Сколь бы ни чудовищным было их владычество, особенно в годы Гражданской войны, это был парадоксальный возврат к христианским нормам отношения к власти.

Большевики, пусть в уродливой форме партийности, принялись восстанавливать уже разложившийся социальный строй, потому что различные выборы на местах стали проходить без процедуры спаивания водкой и на низшем уровне за общественную работу перестали выдавать жалованье.

Большевики сумели возродить патриотизм в советской его форме.

Большевики, правда, зверскими методами, и на самом деле добиваясь совсем другого, очистили слой священнослужителей от людей, ранее вошедших в него не ради служения Богу, а ради мирских, земных преимуществ. Вследствие этого русское Православие очистилось от раковой опухоли так называемого обновленчества.

Большевики объявили войну индивидуализму, насаждая коллективизм, который оказался ближе душе русского народа, нежели атомизированное общество капиталистического строя.

Большевики очистили Россию от духа меркантильности, осмеяв страсть сребролюбия.

Большевики освободили российскую экономику от гнета западных капиталов.

Большевики заново создали военно-промышленный комплекс и боеспособную армию.

Отрицательным началом в большевизме была, конечно, коммунистическая квазирелигия, вера в торжество человеческого разума, во всеобъемлющий прогресс и построение рая на земле. Это было самое примитивное язычество, над которым посвященные (из числа козлиц) только посмеивались. Но в то же время это была защитная оболочка, которая заставляла других посвященных из Западных стран (прежде всего, США и Британии) быть лояльными к Советскому Союзу. При отсутствии этой лояльности войну с Германией выиграть было бы невозможно. Но еще более невозможно было победить в ней без русской идеологии.

В годы Великой Отечественной войны она воскресла, точно феникс из пепла. Все началось с объявления предостояте-

лем Русской Церкви митрополитом Сергием начавшейся войны священной и с обращения Сталина «братья и сестры». Это явилось неким подобием симфонии двух властей. Начал осуществляться разворот машины государственной пропаганды в сторону русского патриотизма. Русский народ, увлекаемая за собою других, явил миру коллективный, соборный подвиг на фронтах и в тылу.

Вождь Сталин стал неким подобием главы русского народа, неким подобием Самодержца Русской земли. Поэтому далеко не случайным стал исторический факт: главное сражение войны, которое ознаменовало ее перелом, развернулось в городе, носившем имя Сталина. Это была борьба за суверенитет русского народа с присущим ему монархическим началом против гитлеровского языческо-сатанинского абсолютизма.

В годы войны самосознание русского народа было на большой высоте, о чем свидетельствует расцвет его художественного творчества. Несомненной победой русской идеологии стало возрождение в 1943 г. патриаршества. Русь воскресала, однако по рукам и ногам была еще связана прогнившими догмами марксизма-ленинизма.

Вопрос принципиальной важности: почему в Первую мировую войну Россия была побеждена Германией, а во Вторую мировую — победила сама? В таких войнах очень многое, если вообще не всё, решает дух народа: насколько он целостен в отстаивании собственного суверенитета — или же, напротив, ущербен; насколько он следует собственной национально-государственной идеологии — или же, напротив, предает ее.

Как это на первый взгляд ни парадоксально, при внешности самодержавного строя Россия была так глубоко развращена бюрократией вкупе с охлократией, что ее соборное начало заглошало, отчего разрывалась естественная органическая связь между народом и его Главой. В сталинской же России, при внешности республиканско-демократического строя, она, напротив, прониклась лучшими из своих исконных идеалов. Указанный факт предопределил великую победу, которая не случайно пришлась на дни святой Пасхи.

С этой победой уже погибавший и готовый для последней казни мир вдруг получил силу для своего обновления. К 1945 г. русский народ, вопреки большевизму, стал настолько притягателен для других, что смог подчинить своему влиянию значительную часть мира. Что бы стало — выступай русский народ не под знаменами марксистско-ленинской квазицерковии, а под своими собственными!

Данный факт, несомненно, напугал так называемых посвященных, как на Западе, так и в самой России, результатом чего стало пришествие к власти такого реликтового козлища, как Хрущёв. Главным врагом его группировки стала русская национально-государственная идеология и ее носители. Хрущёв действовал последовательно, с упорством идейного врага. Первым его делом стала борьба против русского монархического сознания, обозначенная как преодоление культа личности. Вторым — борьба против Русской Православной Церкви. Третьим — попытка выдрессировать общество в соответствии со своими, как правило, очень странными волонтаристскими пристрастиями, тем самым осмеивая, убивая в обществе всякую инициативу и подменяя начало соборности всепроникающей партийно-бюрократической дисциплиной.

Важной составляющей этой дрессировки стала национальная политика, направленная на принижение значения русского народа. Ее составляющие: формирование в национальных республиках элит, враждебных русскому народу; реабилитация бандеровцев, передача Крыма Украине, массовое переселение русского крестьянства в Казахстан для освоения целины. Хрущёв верно метил в цель — ведь она была всё та же: Православие — Самодержавие — Народность. Жизнь стремительно наполнилась бюрократическо-демократическим развратом. Вновь начал крепнуть дух стяжательства. Если Сталин старался избирать в качестве элиты людей, преданных стране и полезных для общего дела, Хрущёв окружил себя толпами льстецов. Последние, в свою очередь, стремились поступать так же, окружая и себя льстецами низшего звена. Всё это предопределило развал Советского Союза. Отстранение Хрущёва от власти лишь отсрочило столь печальный итог.

Смута 80—90-х годов XX века

Когда советский строй в достаточной степени прогнил, а в национальных республиках созрели сепаратистские настроения, так называемые посвященные дали свободу разрушать новым козлищам. Они действовали в духе Хрущёва, прибегая лишь к незначительным вариациям. Вместо того, чтобы открыто преследовать Русскую Православную Церковь, просто предоставили свободу деятельности любым сектам. В остальном же — всё шло как по писаному: десталинизация, шельмование всего русского (истории, культуры, мировоззрения). Это была подготовка (заклучавшаяся в агрессии

против русской идеологии) к полномасштабному геноциду, который разразился после 1991 г., т.е. после формального распада СССР.

Русских стали изгонять или убивать во многих национальных республиках. Юго-Западная и Западная Русь оказались отрезанными от основной части русского народа. Шло разграбление государственной собственности. Был дан зеленый свет культу наживы. В то же время русским пытались привить комплекс собственной неполноценности. Результатом стало обнищание населения, увеличение смертности, в том числе от недоедания и самоубийств, массовая апатия.

Касте посвященных стало казаться, что еще чуть-чуть — и русский народ исчезнет как субъект истории. Они стали проявлять нетерпеливость, всё более раскрывая свои замыслы. Это подействовало отрезвляюще, равно как и преступная деятельность всевозможных сект. Подождли десятилетиями ранее разогревавшуюся Чечню. Но просчитались, т.к. открытая агрессия обыкновенно мобилизует русских. Русь не пошла на поводу ее «демократизаторов», расчет которых заключался в разогревании противоречий общества, его раскалывании с началом бесконечной войны всех против всех, результатом которой стало бы самоуничтожение России.

Русская идеология как путеводная звезда в будущее

В XXI век Россия вступила в состоянии своего рода полураспада. Казалось, еще чуть-чуть, и она рассыплется на части. Страну высасывала «семибанкирщина», к регионам, к городам прицепились подобные же «высасыватели». Народ в основной массе был деморализован.

Однако шла напряженная, едва заметная извне, работа русского самосознания. Когда всё вокруг рушилось, Русь стала возвращаться к святому Православию. С наступлением нового тысячелетия Русская Церковь прославила сонм Новомучеников Российских, тем самым прокладывая духовные мосты, связавшие современность с прошедшими эпохами. Ведь тогда и даже позднее многие говорили, что Россия — очень молодое государство, берущее свое начало в 1991 году, следовательно, должна учиться у тех, что постарше да поумней.

Именно русский народ создал российскую государственность, поэтому именно его идеология должна продолжать быть ее стержнем. Нынешний политический лексикон оперирует понятиями «гражданская нация» и «этническая нация», что представляется неверным. Понятно и вполне за-

конно желание сплотить всех граждан государства в одно целое. Но такое сплочение не может быть юридическим актом, нельзя менять нацию как перчатки (ибо это, по словам И.В.Сталина, — «исторически сложившаяся устойчивая общность»). Если человек по каким-то причинам меняет гражданство, он что: в мгновение ока утрачивает прежнюю национальную идентичность и приобретает новую?

Гражданская общность, помимо того, что прописано в законах данного государства, должна спланироваться степенью приобщения к культуре государствообразующего народа, и этого достаточно. Нельзя навязывать людям ни религию, ни даже идеологию. Однако и та, и другая, будучи сердцевинной национальной культуры, будут оказывать свое мягкое влияние на союзных русскому представителей других народов.

Итак, пусть будет гражданская общность, пусть будет государствообразующий народ, пусть будут во всем равные с ним в правах и обязанностях другие народы (не «этнические», не недоразвитые, а полноценные нации, субъекты человеческой истории), и пусть они интегрируются в общегражданское пространство посредством русского языка и русской культуры. Это не будет им в тягость, ибо только научит взаимопониманию, что необходимо для осуществления общей цели государственного строительства.

Первейшей задачей национальной политики должно стать воссоединение трех ветвей искусственно разделенного русского народа (великороссов, малороссов и белорусов). Это сообщит единой нации новую силу и новое духовное богатство. Воссоединение должно быть достигнуто на добровольной основе через соответствующую, основанную на русской идеологии культурно-просветительскую работу. Впрочем, события последнего времени в прежних областях Всевеликого войска Донского показывают: попытки такого рода вызывают настоящую войну со стороны дегенеративных холопов Запада. Поэтому для воссоединения, точнее, для освобождения русского народа, поработанного русофобской пропагандой, по всей видимости, потребуются две вещи: правдивое слово и справедливый меч.

В Российском государстве все нации должны быть юридически равны. В настоящее время это, увы, не так. Покуда существуют национально-территориальные образования (в виде соответствующих республик и областей), их титульные нации оказываются в привилегированном положении. Это повторение преступной по отношению к государству национальной политики Советского Союза, возобновившейся с приходом к власти Хрущёва и дававшей благоприятную по-

чуву местному (враждебному общему государству) национализму и сепаратизму.

Поддерживая развитие национальных культур, Российское государство обязано повсеместно обеспечивать приоритет великому русскому языку и великой русской культуре как универсальным средствам интеграции национальных меньшинств в единую гражданскую общность.

Следует сказать здесь и о национализме. Если понимать его даже в самом положительном смысле, как И.А. Ильин, т.е. как любовь к своему народу, не предусматривающую неприязни к другим, подобает всемерно развивать общегражданский патриотизм, основанный в обязательном порядке на русской национально-государственной идеологии.

Говоря о современном социальном строе, нужно сделать одно замечание. Сейчас постоянно используется понятие гражданского общества. Нам это понятие, введенное в политический обиход английским философом Джоном Локком, представляется для современной России ненужным и даже вредным. Гражданское общество было естественным в Англии XVII века как сила, противостоявшая двойному гнёту: со стороны Англиканской церкви и государства, глава которого почитался и главой указанной церкви. В тогдашней Англии часть граждан была поражена в своих правах. Чтобы отстоять последние в какой-то мере, им требовалось объединиться, в то же время не порывая до конца с государством. Всё это так. Однако никто не дает вразумительного ответа на вопрос: почему порядок, принесший в XVII веке некоторую пользу Англии, принесет ее России века XXI?

Существующие определения гражданского общества весьма туманны. Из них можно понять лишь то, что это политически активная часть граждан, состоящая в политических партиях и общественных организациях. Но политически активные граждане вовсе не одно и то же, что лучшие граждане, не одно и то же, что компетентные в каком-либо вопросе граждане. Скорее даже наоборот. Интерес же государства заключается в привлечении как раз лучших и компетентных людей. Но для порядочного русского человека политиканство омерзительно. Поэтому напрашивается вывод: так называемые институты гражданского общества, финансируемые государством (а иногда — враждебно настроенными иноземными державами), корпорациями, частными лицами, просто-напросто подменяют собою естественный социальный строй, препятствуя его нормальному развитию.

Л.А. Тихомиров выделяет в сложном социальном, характерном для развитой политической системы, строе две раз-

новидности: 1) наследственно и принудительно сословный строй, который в России во второй половине XIX века уже уходил в прошлое, и 2) новый, свободно сословный. Разумеется, в современной России может сформироваться только свободно сословный строй.

Послушаем же Тихомирова, слова которого сегодня звучат более чем современно: «Социальная группа, слой, класс, сложившиеся... свободной работой членов нации, имеют право на представительство в государстве, на то, чтобы их мысль, потребность, желание отражались в государственной деятельности. Это же возможно лишь тогда, когда представителями нации в государстве являются сами группы, сословия, в лице посланных ими людей. Касается ли дело общественного управления — оно должно создаваться не дезорганизованной толпой «общеграждан», а их организованными социальными группами. Потребуется ли государству услышать голос «нации», «земли» — этот голос должен быть выражен представителями социальных групп. Только при этом условии люди нации, те самые, которые думают, работают и создают все, чем сильна и красна страна, будут основой государства, и государство будет думать их мыслью, исполнять то, что требуется для нации. Непосредственный голос социальных групп должен быть вдохновителем государства. Только при этом государство может быть действительным завершением национальной организации и орудием ее творчества, а следовательно, и само оставаться могучим и творческим».

В настоящее время социальный строй может формироваться на основании трех начал: территориального (населенный пункт, многоквартирный дом, город и т.п.), профессионального (военные, учителя, медики и т.п.), корпоративного (работники какого-либо предприятия или учреждения со своей уже сложившейся структурой).

При существующей политической системе представители указанных складывающихся или уже сложившихся социальных групп для того, чтобы защищать свои законные интересы на местном, региональном или общегосударственном уровнях, вынуждены заручаться поддержкой чиновников (которые далеко не всегда действуют бескорыстно), политических партий, депутатов разных уровней. Такой порядок не является нормальным, голос общественных настроений искажается, используется разными политическими силами в собственных, а не в общенародных и общегосударственных интересах.

Вся эта многочисленная чиновничье-политиканская среда становится преградой между нацией и верховной влас-

тью. Указанное средостение — истинный бич Российского государства и его народов. Чтобы от этого бича избавиться, нужна хорошо продуманная социально-политическая реформа, в ходе которой должен быть последовательно институционализирован социальный строй с параллельным упразднением всех политических партий, депутатских корпусов всех уровней и кардинальным сокращением чиновного аппарата.

Это создаст необходимые условия для возрождения самодержавного строя, наиболее свободного социально-политического строя из всех возможных на земле. Это позволит развить русскому и союзным с ним народам все свои лучшие творческие силы. Живой социально-политический организм будет самым своим существованием требовать естественной для себя главы — то есть Монарха — верного сына Православной Церкви, верного сына русского народа.

Теперь пришла пора сказать о формировании властной вертикали. Важно, чтобы государственные служащие ощущали себя, во-первых, частью нации, во-вторых, частью граждан, верных подданных своего Монарха. Тогда, проходя свое ответственное служение, они, во-первых, не смогут угнетать народ; во-вторых, не смогут, сохраняя лишь внешнюю покорность, узурпировать верховную власть Монарха.

Что касается остальных граждан, недопустимо, чтобы они чувствовали себя подданными Совета министров, Верховного суда, Генеральной прокуратуры, Генерального штаба, губернатора, городского головы и т.д. Они должны быть подданными только по отношению к Монарху. Именно такой порядок, а не всевозможные демократические фикции, уравнивает в политическом отношении простого крестьянина, устроение которого присутствует в соответствующей социальной структуре, и какого-нибудь министра (в буквальном переводе это слово значит «слуга»), когда он выступает в качестве простого гражданина также в соответствующей (например, по месту жительства) социальной структуре.

Данный аспект прекрасно раскрыт Л.А. Тихомировым: «Допущение тенденций поставить нацию в подданство правительству, лишить ее прав гражданства, крайне ошибочно. Именно верховная власть, т.е. в данном случае Монарх, должна служить охраной самостоятельности нации и поддерживать служебное значение правительственных учреждений... Притом же, организуя элемент принудительности, Монарх передоверяет его охрану правительственным учреждениям лишь постольку, поскольку на это не хватает сил нации, не организованной посредством государственных уч-

реждений. Но везде, где общественные силы способны сами поддерживать самостоятельно общественные нормы — действии правительственных учреждений излишне, не нужно, а стало быть, и вредно, т.к. без нужды расслабляет способность нации к самостоятельности».

Действительно, свобода и самостоятельность нации определяются не наличием так называемых демократических учреждений, не формальным правом отдать (продать) свой голос на очередных маловразумительных выборах и т.д., а наименьшим количеством надсмотрщиков, в котором бы она действительно нуждалась для поддержания своего процветания.

Охватывая собою по мере надобности социальный строй, выборы не нужны на уровне государственном, где должна действовать идущая от Монарха властная вертикаль. Механизм парламентского строя (т.е. избираемого представительства) хорошо раскрыл обер-прокурор К.П. Победоносцев в работе «Великая лож нашего времени», которую мы здесь и процитируем: «Перед выборами кандидат в своей программе и в речах своих ссылается постоянно на вышепомынутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он не что иное как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для избранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы — в угоду одним, в угрозу другим; длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, образующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжается до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание... Жалкое человечество!»

Заметим здесь, что высокое понятие о гражданственности, о подданстве только Царю, благотворно скажется и на церковном управлении. Ведь как некоторые чиновники име-

ют склонность к узурпации власти Царя и начинают действовать не в высших интересах последнего, а в своекорыстных; так и некоторые священнослужители либо и вовсе церковные чиновники, склонны, прикрываясь именем Божиим, искать своей выгоды, ставя себя в какой-то мере вместо Бога. Привычка народа быть подданным только Царя, безусловно, научит его видеть и фальшь в служителях Церкви, чтобы ставить их на свое место. Безусловно, развитой социальной строй даст новый импульс жизни структурных подразделений Церкви.

Нужно обратить внимание также на то, что неразвитость социального строя губит само чиновничество, делая его власть сначала чрезмерной и всеподавляющей, затем — абсолютной и недоступной для критики, наконец — превращая ее в пародию на власть.

Именно поэтому при монархическом строе с его жесткой вертикалью власти крайне необходимо сотрудничество государственных органов власти с органами социального строя. Тот же Тихомиров по этому поводу замечает: «Разнородность принципов бюрократии и общественного управления не только не составляет помехи их сочетанию, а наоборот, есть причина полезности сочетания. Некоторое соперничество между ними создает взаимный их контроль, взаимную поправку и обличение всякой ошибки и злоупотребления. Сверх того, бюрократия, находясь в связи с общественными силами, не допускается их влиянием до того извращения гражданского чувства, когда «чиновник» перестает даже сознавать себя членом нации, сыном своего Отечества. В свою очередь, деловитость чиновника дает полезный образчик для властей общественных.

Присутствие общественных элементов в управлении государством, в местных делах и около верховной власти (в задачах законодательства и контроля), усиливает средства самой верховной власти сохранять свой нормальный верховный характер...

Участие общественных элементов в государственном управлении дает, наконец, верховной власти широкое осведомление о состоянии духа нации и расширяет выбор лиц для достойного привлечения к государственной службе на бюрократическом поприще».

При самодержавном строе необходимо народное представительство в лице совещательных органов. Оно может формироваться двумя способами: с помощью выборов или же с помощью призыва самой властью.

В монархии народные представители являют не власть, не волю якобы самодержавного народа (как в демократии), а

его ум, совесть, его чаяния, его насущные потребности. Это более достойное представительство, без дорогостоящих и, как правило, дурно пахнущих предвыборных кампаний, основанных на соперничестве и лжи.

О преимуществе монархического представительства перед демократическим говорит тот же Тихомиров:

«Арифметический подсчет всенародного голосования вообще дает выражение не высоты нации, а ее низкого состояния, почему совершенно не имеет смысла для задач монархического народного представительства.

Какова же система народного представительства, нужная для монархии?

Такая система представительства требует, чтобы нация была организована в своих классах, сословиях, вообще в реальных коллективностях, из которых она состоит и в среде которых живут и действуют ее отдельные граждане. Чем лучше нация организована в своих социальных группах, тем проще и легче исполнима монархическая система национального представительства. Чем более нация дезорганизована — тем труднее создавать ее. При дезорганизованности нации — ее творческие силы не видны. Их трудно вызвать, если этого пожелает верховная власть, ибо неизвестно, где они находятся. Их трудно выбрать даже народу, ибо он также их не всегда видит. При дезорганизованности нации — приходится прибегать к системе выборов по большинству голосов, то есть к системе слепых выборов, к системе опроса не высших, а низших элементов социальной жизни.

Но когда нация организована, когда закон предоставил гласное существование тем социальным группам, из коих нация состоит, то представительство их одинаково легко и в общественном управлении, и в государственном. Каждая группа — территориальная или промышленная, или выражающая какую-либо отрасль умственной деятельности — хорошо знает своих выдающихся людей и без труда их выдвинет. Будучи организованной, каждая группа может также и усмотреть за деятельностью своих представителей и понять — верно ли они выражают ее интересы и мысли, или изменяют ей, и в потребных случаях может обличить или сменить их».

Тихомиров предлагает следующее сочетание бюрократических и общественных начал в деле управления государством: «1) управление местное, сословное, профессиональное — находится по преимуществу в руках общественных учреждений, и бюрократия здесь является органом по преимуществу лишь контролирующим; 2) все среднее государственное управление сосредоточивается по преимуществу в

руках бюрократических учреждений, и общественные силы здесь являются лишь с совещательным и контролирующим значением; 3) в высшем государственном управлении все исполнительные функции естественно принадлежат бюрократическим учреждениям, функции же законодательные и контрольные представляют сочетание сил общественных и бюрократических».

Власть Самодержца, будучи образом божественного вседержительства, едина и неделима. Однако делегируя властные полномочия соответствующим компетентным органам, самодержец разделяет власть функционально на законодательную, судебную, исполнительную для того, чтобы они, действуя независимо в пределах своих компетенций, были однако же ему подотчетны. Общегосударственные законы должны утверждаться Монархом. Он же является высшей судебной инстанцией. Он же имеет возможность и даже обязанность поправить любого из министров, когда тот станет поступать вопреки интересам государства.

Естественной вершиной всего общественно-государственного здания становится самодержавный Монарх, защитник Вселенской Православной Церкви, могущий приводить частные и сословные интересы к общенациональной и общегосударственной гармонии.

Начиная с венчания Царя Феодора Алексеевича, русские святители во время коронации произносили от лица всей Церкви поучение новому Царю, приведем здесь заключительную его часть: «И паки ти глаголю, о боговенчанный Царю: цело имей мудрование православным догматом, почитай излише мать твою Церковь, яже о Святом Дусе ты воздои, и сам почтен будеши от нея; языка же лъстива и слуха суетна не приемли, Царю, ниже оболгателя послушай, ни злым человеком веры емли... Тщися, о боговенчанный Царю, сия царствы исправити нравы благими, и аще хошеши милостива имети себе Бога и Царя Небесного, милостив буди и ты, Царю, ко всем. Силою Творца, и премудростию Искупителя и Духа Святаго Утешителя возмогай, о благочестивый Царю, о Христе; паки Им возмогай, да наследник будеши и небесного Царствия со всеми святыми православными Цари, да возможеши с дерзновением реши и во второе пришествие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: се аз, Господи, и людие Твои, их же ми еси дал великого Твоего Царства Русскаго».

Самодержавный Монарх, имеющий за собою всю силу общенационального духа, без сомнения лучше всего будет представлять и защищать суверенитет страны. При этом за

пределы государства должна постоянно осуществляться культурная экспансия — эти живительные для народов Земли лучи самодержавного солнца, освобождающие их от различных видов тирании.

Призыв «За Веру, Царя и Отечество!» должен вызывать в каждом верном подданном живейшую готовность послужить до конца общему делу. Поэтому патриотизм должен воспитываться с младых ногтей, патриотизм, чуждый ненависти к соседям, патриотизм, приближающийся к всемирной миссии.

Об этом так говорит Л.А. Тихомиров: «...патриотизм христианина не может быть абсолютным, но зато он привносит к идее национальной идею всемирную, всечеловеческую, а следовательно очищает, повышает и расширяет национальную идею. Это такая важная услуга развитию народа, что в сравнении с нею бледнеет та польза, которую оказывает своему народу и государству «абсолютный патриотизм», не знающий в мире ничего выше Отечества».

Последняя масштабная проповедь миру святого Евангелия должна открыться из обновленной России. В этой проповеди угадывается высшее предназначение русской идеологии, могущей в своем потенциале объять все человечество, о чем говорил в свое время Ф.М. Достоевский.

Есть об этом пророческое свидетельство одного из святых последних времен, святителя Иоанна, Шанхайского и Сан-Францисского: «Отряхните сон уныния и лени, сыны России! Воззрите на славу ее страданий и очиститесь, омойтесь от грехов ваших! Укрепитесь в вере православной, чтобы быть достойными обитать в жилище Господнем и вселиться в святую гору Его! Воспряни, воспряни, восстань, Русь, ты, которая из руки Господней выпила чашу ярости Его! Когда окончатся страдания твоя, правда твоя пойдет с тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Придут народы к свету твоему и цари к восходящему над тобою сиянию. Тогда возведи окрест очи твои и виждь: се бо приидут к тебе от запада и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

РУССКИЙ МИР И ПЛАНЫ ЗАПАДА

В связи с концепцией «Золотого миллиарда» часто встречается упоминание высказывания, приписываемого бывшему премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер об экономической целесообразности уменьшения населения. По словам А. Паршева, автора книги «Почему Россия не Америка», фраза эта *«относится не к России, а к Советскому Союзу, ведь Тэтчер была премьер-министром, когда еще существовал Советский Союз. Это было ее выступление по внешней политике. Я слышал его в звукозаписи. Там прямо не говорилось, что в СССР надо оставить 15 миллионов человек, а говорилось более хитро: дескать, советская экономика совершенно неэффективна, есть лишь небольшая эффективная часть, которая, собственно, и имеет право на существование. И в этой-то эффективной части занято всего 15 миллионов человек нашего населения. Таков смысл высказывания Тэтчер, которое потом интерпретировали по-разному. Но суть в том, что с точки зрения современных политиков, которые не всегда высказываются столь откровенно, как «железная леди», оправдано существование только тех людей, которые заняты в эффективной экономике».*

РУССКИЙ ВОПРОС

Однако в ведущейся против России войне ложь является её основой. Главный миф информационной экономической войны, что «...СССР рухнул, распался» и «...коммунистический режим взорвался под грузом собственных противоречий», вбивается СМИ в мозги русских, чтобы исключить даже мысль о восстановлении СССР. Постоянное и массированное его тиражирование действительно сформировало деформированное информационное пространство. Поэтому задача восстановления суверенитета, территориальной целостности и национальной независимости России—СССР не ставится даже оппозицией. Этот ложный миф тиражируется и сегодня.

Так, например, Е.Фёдоров утверждает: «Мы проиграли в 40-летней войне, которую почему-то называют «холодной». И сегодня наш государственный аппарат подчиняется победителю, то есть Америке. Мы платим им дань, и они нас полностью контролируют». Т.е., по мнению Фёдорова, в развязанной США и ЕС в послевоенный период «холодной войне» и в условиях экономического удушения СССР гонкой вооружений руководству СССР якобы не удалось создать эффективную экономику. Экономика страны «рухнула», СССР «распался». США и ЕС якобы одержали победу в «холодной войне».

О том, что утверждение Е.Фёдорова есть искажение, достаточно привести выступление той же М.Тэтчер в 1991 г. на заседании Американского института нефти, широко растиражированное СМИ: «Советский Союз представлял весьма серьёзную угрозу для Западного мира. Я говорю не о военной угрозе, поскольку наши страны также достаточно хорошо вооружены, в том числе и атомным оружием. Я имею в виду угрозу чисто экономическую!»

Благодаря плановой экономике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, СССР удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в 2 раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные шансы вытеснить нас с мировых рынков».

Мировая официальная статистика подтверждает объективность выступления М. Тэтчер, опровергая утверждения мифотворцев.

Таким образом, документально подтверждается, что СССР не «рухнул и распался» (это главный миф информационной экономической войны), а расчленен по программе США «Ле-

реход к рынку», реализуемой на основе «...экономической помощи Запада» по «установленным критериям» МВФ иностранными агентами в руководстве СССР с катастрофическими последствиями.

Наша перестройка — часть всемирной перестройки. Первый этап мировой перестройки начался после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам с рыночной экономикой, какую опасность несет нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает (при оптимальном использовании) только на 1 млрд. человек. Не случайно, что в золотой фонд «одного миллиарда» вошли только такие страны, как США, Япония, страны ЕС и т.д., в то время как 4/5 населения Земли из Азии, Африки, СССР, Латинской Америки, обладающие основной массой сырья и энергии, вытеснены с «места под солнцем» и, по существу, являются сырьевыми колониями вышеназванных стран...

Генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, и. о. председателя КГБ СССР, начальник внешней разведки СССР, утверждал, что «Запад хочет от России только одного — чтобы её не было». На заседании Всемирного Собора русских Вазген Авагян — экономист, представитель Новосибирской академической школы экономики, изобретатель-инноватор, чётко заявил, что только Россия сдерживает планы мирового закулисы по уничтожению 8/10 населения планеты.

Одной из базовых математических формул экономики является формула, гласящая, что «система из нескольких элементов не может существовать, если один из элементов имеет тенденцию к бесконечному расширению». Если нечто расширяется, не зная пределов, то оно пожирает или выдавливает все остальные элементы. Если никак и ничем не ограничивать доходов человека — чей-то личный доход в итоге поглотит всеобщий доход.

Британский институт Oxfam опубликовал следующие данные: в 2016 году совокупное состояние 1% богатейших людей мира впервые в истории превысит совокупное состояние остальных 99% землян. Таковы данные британских, а не российских или армянских учёных. То есть происходит выдавливание и пожирание одним элементом всей совокупности (99%) элементов, из которых состоит человечество.

Речь идёт не просто о том, что сильные пожирают слабых, а о бесконечном процессе, когда сильные пожирают слабых, сильнейшие — просто сильных, наиболее сильнейшие — просто сильнейших и так далее. Этот процесс не имеет никаких внутренних тенденций к торможению — наоборот, все

его тенденции направлены к эскалации поглощения «всего и вся». Можно сказать так: если мы ещё не сожраны всемирной финансовой олигархией — это не наша защищённость, а лишь её неторопливость.

Это, помимо всего прочего, формула онкологических заболеваний, рака, но это и формула современной мировой либерально-конкурентной рыночной экономики. И это на базовом математическом уровне показывает, что такая модель экономики несовместима с жизнью человечества. Экономика человечества больна сегодня раком! Это неизлечимая болезнь, и единственное лекарство от неё — Россия, утверждая учёный.

У России в настоящее время есть реальная возможность расторгнуть договор с МВФ для прекращения реализации истребительных программ «*переходного периода*» США и ЕС. В кратчайшие сроки восстановить отечественное производство и преодолеть нарастающую демографическую катастрофу. Вероятность исполнения не более 5%.

Но вероятность исполнения этих прогнозов может измениться полярно, если будут раскрыты программы «*переходного периода*», выполнен их анализ и оценка. И население узнает, в чем суть и содержание плана реформ под названием: «*Окно возможностей. Преобразование Советского Союза в демократию с рыночной экономикой*», предоставленного 19.06.1991 Г.Алисоном и Г.Явлинским сенатскому комитету по иностранным отношениям США.

Экономист М.Хазин утверждает, что «пока либералы у власти, кризис в России будет продолжаться. Не очень ясно, когда Путин начнет выстраивать логику социалистического управления. Если он этого делать не будет, то его весьма хрупкое взаимодействие с либералами будет быстро разрушено, и ему придется уйти».

Либеральная элита, проигнорировав государствообразующую роль русского народа и моноэтничную сущность России, взяла четкий курс на создание «российской нации». Так, президентский совет по межнациональным отношениям обсудил вопросы о разработке Декларации национального единства народа России, где депутат Госдумы от «Единой России» Алексей Журавлёв внёс предложение: из «многонационального населения» (не народностей), составить единую «российскую нацию». В Декларации национального единства народа России Журавлёв хочет закрепить следующий тезис: «Народ Российской Федерации составляет многонациональное население Российской Федерации — все граждане России, являющиеся носителями русского языка, куль-

турных, духовных, морально-этических и социально-государственных императивов, присущих многонациональной российской цивилизации». Его поддержал и председатель комитета Госдумы по делам национальностей и член Совета по межнациональным отношениям Гаджимет Сафаралиев.

Ситуация в России близится к социальному взрыву. Президенту необходимо приступить к исполнению ст. 3 Конституции РФ — реализации народовластия на национально-пропорциональной основе с опорой на патриотических представителей политики и местной власти. При условии наличия русской власти будет сохранено и коренное население России, и сорваны планы финансовой мировой олигархии по сокращению народонаселения Земли. Будущего боится только тот, кто не ведает прошлого. Устроителям нового мирового порядка следует помнить, что предпоследняя серьезная попытка радикально реформировать Россию была начата 22 июня 1941 года и закончилась 9 мая 1945 года.

Александр ДУГИН

НОВОРОССИЯ ДЛЯ РОССИИ

События на Украине 2014 года стали поворотным моментом в новейшей истории России. Причём на вызов, брошенный тогда Москве, она так толком и не ответила. А это вызов фундаментальный, требующий чёткого «да» или «нет». Москва не ответила ни да, ни нет. То есть «не совсем да», но и «не совсем нет». Экстренные и вполне адекватные меры как реакция на евромайдан были приняты, в результате мы имеем Крым в составе РФ. Но на Новороссии Москва споткнулась. Во всех смыслах. Это ставит перед нами вопрос: что такое Новороссия?

Ответ может быть дан сразу на нескольких уровнях.

Союз Украины и России, как прекрасно понимают геополитики, — главный залог воссоздания России как Евразийской империи. Это наш исторический долг и главная угроза для наших врагов — США, НАТО и Запада в целом. Однако в сложившейся после евромайдана ситуации, когда Киев был захвачен проатлантистско-неонацистской хунтой, даже теоретическая возможность восстановления «большого пространства» была утрачена. Это однозначный успех атлантизма. Добровольного союза с Россией больше не будет. Это факт, подкреплённый свержением Януковича и всем, что за этим событием последовало. Поэтому и появились в повестке дня Крым и Новороссия. Крым и Новороссия — геополитически одно и то же, это ответный ход, реакция на то, что в результате евромайдана Россия лишилась перспектив объединиться со всей Украиной в общее стратегическое пространство.

После евромайдана Украина перешла в лагерь врагов, блокировав саму возможность нашего имперского возрождения. Россия оказалась в капкане. И решила: раз не вся, то пусть половина Украины интегрируется в империю. Это хуже, зато надёжнее. Мы приняли вызов и соединились с Крымом. Нацистская политика хунты дала нам для этого моральные основания. Дальше логично было начать битву за всю Новороссию — с сердцем в Донбассе и от Одессы до Харькова. Ни на что не обращая внимания, как ни на что не обращали внимания те, кто устроил переворот в Киеве, кто его подготовил и поддержал. Политика — это только баланс сил. Сильный может всё. Слабый не может ничего или почти ничего.

В Крыму мы поступили геополитически верно. Как поступают сильные. Но следующего шага не сделали. Так поступают слабые. Тем самым мы не ответили на вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею», просто отложив его, полагая, видимо, что всё разрешится само собой. Поэтому Новороссия — кровавая неопределённость. И в первую очередь — неопределённость самого геополитического статуса России.

Кто мы? Мировая держава? Региональная? Или субрегиональная? Крым обозначил региональный статус нашей державы с претензией на мировую. Колебания по Новороссии означают, мы субрегиональная страна с претензией на региональную роль.

События в Новороссии также стали тестом на то, кто управляет Москвой: носители наших национальных интересов или «шестая колонна», т.е. атлантистская сеть влияния. Оказалось, «пятьдесят на пятьдесят», с переменным успехом: Крым наш — власть русская, Минские соглашения —

«шестая колонна» победила. Поэтому Новороссия сделала явной принципиальную геополитическую неопределённость современной России: наполовину суверенное государство, наполовину — социально-политическая и экономическая колония Запада (хорошо хоть так, в 90-е не было и того). Поэтому Новороссия — это обнаружение истины, неприятной для обеих половин нашего общества: и тех, кто чувствует себя русским (это большая половина, и для неё Новороссия — всё), и тех, кто проклинает нынешний курс, желая открыть ворота врагам («Эхо» и другие).

С точки зрения цивилизации Новороссия — интегральная часть Русского мира. Более того, та часть, которая делает его целостным. По истории, культуре, этногенезу, вероисповеданию, самосознанию Новороссия — от Одессы до Харькова — есть неотъемлемая часть Великороссии и немыслима в отрыве от неё. 20 миллионов людей, живущих на этой территории, — русские в культурном смысле, кем бы они ни были этнически. Ведь очевидно, что и в самой России живут далеко не только этнические великороссы, но все они русские. Когда Донбасс поднялся, вместе с ним поднялся Русский мир. И вереницы русских молодых людей, о существовании которых никто не подозревал, потянулись в Новороссию проливать кровь за Родину, потянулись без приказа, по зову сердца. И многие там погибли. И спят вечным сном. Видя во сне Россию, за которую отдали жизнь.

Новороссия показала русским — мы есть. Мы всё ещё есть. Нам не переломили хребет за эти позорные десятилетия, тянущиеся неизбывным и подлым кошмаром. Мы есть. А это значит, мы вот здесь, готовы умереть и убить за Россию. А Русский мир, Новороссия — пробуждение. Видимо, это несколько напугало режим в самой России. Так как иметь дело с проснувшимися русскими явно не стояло в повестке дня. Спящие мы безобидны и безвредны. Пробуждение попытались загасить. Отчасти это удалось, так как гигантские массы были брошены на удушение «Русской весны», открывшейся Крымом. Баланс этой линии подводить рано. Но линия противостояния обозначена чётко. 1990-е никуда не делись. Те, кто нами правит, нас ненавидят и боятся. Это факт. Это стало фактом Новороссии. Трудным фактом для всех сторон. Мы проснулись, точнее, начали пробуждаться, но всё ещё слишком слабы, чтобы заявить о себе в полный голос. Нам, русским, пока ещё нужна поддержка государства, в которой оно нам в общем-то, начиная с мая 2014 года, и отказало. Это очень трудная ситуация. Она тоже называется «Новороссия». Слив «Русской весны».

Новороссия — это также Донбасс. Как он есть: его люди, его герои, его темперамент, его нрав, его стиль. Это особые новороссийские русские — очень упорные, часто слишком дерзкие и упорные, во многом анархические по-казацки, свободолобивые и непокорные, как жители пограничных пределов великой России. На них, людях Донбасса, держится Новороссия. Это их кровью, кровью их детей, женщин и стариков, их сыновей и дочерей окроплена святая земля Новороссии. Не будь их, вставших во весь рост против киевского нацизма и атлантизма, ничего бы не было. Они не просто выстояли в поворотные дни, они стоят и стоят за пределом мыслимых возможностей, выдерживая всё, не сдавая позиций. Любой скользкий московский менеджер обламывается об эту новороссийскую донбасскую твердыню. Это свободные русские, свободнее, чем те, кто к востоку от них, и уж конечно, чем те, кто к западу. Новороссия — это победа Донбасса, вошедшего в историю. Это высочайший символ для всех нас. Настоящий подвиг — не в учебниках истории, а здесь и сейчас. Глядя в лица этих людей Донбасса, живых и мёртвых, понимаешь, как мы выиграли столько войн в истории. Вот так. Кровью и особым упрямым, несколько вызывающим донецким казацким взглядом.

Запад будет давливать Москву через сеть агентуры влияния, предлагая сделку — Крым в обмен на Новороссию (Минские соглашения и их вариации). Если мы прогнёмся, начнётся активная подготовка к свержению нынешнего режима и атаке на Крым. Так как нападающая сторона — они, пространство нашего манёвра будет только сужаться. Когда власть это наконец поймёт? Может быть, никогда, как ничего и никогда (до сих пор) не поняли и не собирались понимать коммунистические вожди конца 1980-х — начала 1990-х. Как сказал мне Бжезинский: «А Горбачёва мы просто обманули». Так же Киссинджер и Бжезинский вполне могут сказать позднее и ещё кое о ком: «Ничего личного. Большая политика».

Чем это кончится? Если враги выиграют, то свержением режима и распадом России. К этому ведёт Запад, прорабатывая вместе с тем целый спектр разноплановых стратегий, направленных к общей цели. Даст ли результат планомерная работа по инфильтрации всего российского общества сверху донизу сетью агентуры влияния, безнаказанно действующей во всех областях, включая стратегическое планирование, покажет время. Пока — ни да, ни нет. А от этого-то всё и зависит.

Спасительный сценарий в духе «русские начинают и выигрывают» прост и понятен. Но шансы на его реализацию, мне кажется, не слишком велики. Москва говорит «да» русской истории и суверенитету и включается в Новороссию

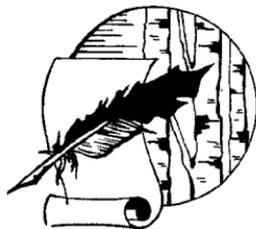
по-настоящему. Трудно, страшно, рискованно. Но если выстоим, новый мировой порядок рухнет. Это в конце концов исполнение исторического долга. Не мы начинали многие войны, но те, которые нам навязывали, мы в большинстве своём выигрывали. Теперь же речь о нашей родной земле — Новороссии. Чем можно жертвовать? На самом деле — всем. Начинаем и выигрываем. Это будет не просто новым рождением империи, это будет духовное пробуждение, рывок и одновременно конец мировой доминации «цивилизации Charlie». Мы прорвём блокаду и перебросим евразийскую консервативную революцию в Европу и саму Америку.

Мы освободим народы мира от диктатуры олигархического транснационального капитала, процентного рабства и извращённых меньшинств. Европа — для европейцев, Франция — для французов. Германия — для немцев. И конец либеральной демократии. Дальше власть будет передана самим народом — из рук мировой закулисной элиты банкиров и финансистов, не представляющих никого и ничего, кроме дьявола. Передана с нашей помощью. А Косово — Сербии.

Новороссия — это заветная черта обоих сценариев: краха и взлёта. Но даже если крах будет неминуем, а мы иногда переживаем именно настоящий крах и довольно регулярно — в 1991 году или в 90-е и в начале 2000-х в Чечне, русские должны стоять на стороне партии взлёта. Я не удивлюсь, если нынешний режим демонтирует себя сам. Я удивлюсь, если не демонтирует. Но и это не основание, чтобы опускать руки. Новороссия — это наш полюс, наш рубеж. Мы должны отдать ей всё, что имеем, и даже то, чего не имеем. Это просто судьба. Там «да» и «нет» схлестнулись в кровавой битве. И это уже выше расчётов, аналитики, прогнозов и хитрых планов. Это поступь истории. Если «да» — Новороссии, то «да» и Крыму, «да» — России, «да» — спасению мира. Если «нет», то власть наших врагов станет вселенской. Россия без Новороссии не Россия. Больше не Россия. И добить всех противников нового мирового порядка будет делом техники.

Когда Хайдеггера спросили, что может спасти западную цивилизацию от коллапса, он грустно ответил: «Только Бог». Для того, кто не верит в Бога, это, правда, довольно грустно. Но для того, кто верит, всё меняется. Новороссию, Россию, Русский мир спасёт Бог. Но только если мы сами будем на его стороне, а не на стороне мамоны, телевизора или тезиса «своя рубашка ближе к телу». Бог спас человечество. Он спас каждого из нас. Мы забыли об этом. Вспомним — победим.

«Новостной фронт»

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Ирина ЩЕРБИНА

* * *

Бирюзовые дни да морозные ночи,
Под ногами хрустит ледяная слюда.
Дальних окон огни мне весну напросят,
Засверкают мечтой, обманув холода.

Ну зачем эта блажь? Я доподлинно знаю:
Эфемерна фантазий причудливых нить.
Птиц, погибших в пути, не собрать снова в стаю,
И засохших деревьев нельзя оживить.

Но душа расправляет поникшие крылья,
Оттого так тревожно: молись — не молись...
Рвутся сотни ветвей через боль и усилья,
Сквозь студёную явь в поднебесную высь.

* * *

На небесном чернозёме —
Зёрна ранних звёзд.
Растворился в чуткой дрёме
Полусгнивший мост.

Только шорох возле балки
Нарушает тишь...
Что там? Шепчутся русалки?
Шелестит камыш?

Может, прошлые волненья
Изменяют явь?
Или бродят приведенья
Меж росистых трав?

Лёг туман, посёлок тает —
Странно незнаком.
Лишь окно вдали мерцает
Ярким угольком.

СУДЬБА

Пусть жизнь — нелепая борьба,
Но разве это поражение:
Понять, что вся твоя судьба —
Одно великое сраженье?

Кому — покорности порог,
Кому-то — неповиновенье.
А мой удел — завидный рок:
Самой себе сопротивленье.

Москва

Татьяна ЛЕОНОВА

УТРО

Восход растопил акварель
Холодной лазоревой рани.
Поёжась, чуть скрипнула ель,
Вспугнув тишину на поляне.

Под ласковый шёпот цветов,
Умытых прохладной росой,
Густел изумрудом покров
Душистой и мягкой травой.

А солнце роняло лучи,
И дымка туманная, тая,
В лесу бередила ручьи
Земного волшебного рая.

* * *

Любуюсь шишкинским пейзажем...
Как ты, Россия, хороша!
Тебя воспела не однажды
В полотнах русская душа.

Часовенка средь луга встала,
Притихла в половодье трав.
Тропинка к речке убежала,
Родной напев в себя вобрал.

А ширь простора — необъятна,
И синь речная — глубока...
Мне эта красота понятна,
И сердцу Родина близка.

Москва

Михаил АНДРЕЕВ

* * *

Можно любить, жалея, каждую в жизни малость,
Радуясь, негодуя и становясь добрей.
Только не говорите, что унижает жалость —
Можно любить, жалея, бабочек, птиц, зверей,
Странствующего старца, маленького ребёнка,
Нищих, кому на сердце пусто и тяжело,
Можно любить, жалея, девушку, как сестрёнку,
Кроткую и смешную — бережно и светло.
Смотрят со старых фото трогательные взгляды,
Искренностью пронзая преданные сердца.
Можно любить, жалея, — нежно, красиво, свято,
Можно любить, жалея, — крепко и до конца.

В ГОРОДЕ

Был обычный вечерок,
Был обычный вторник:
Грязь и пыль сметал с дорог
Простодушный дворник.
Рядом местные жильцы

Дружно грызли семечки —
Мамы, бабушки, отцы,
Мальчики и девочки.
Кто-то хвастался вином
Импортным за тыщу,
И ютился под окном
Престарелый нищий.
Кто-то жалобно запел
Про свое былое.
Только дворник всё скрипел
И скрипел метлою...

Г. Щелково, Моск. обл.

Дмитрий БАТРАКОВ

* * *

Пусть деревья ещё не одеты,
Снег местами лежит на полях,
Но согреты, уже мы согреты
В животворных весенних лучах.

Шаг за шагом, ступая несмело,
Улыбается робко весна,
И весёлые птичьи напевы
Будят землю от зимнего сна.

Солнце лучики шлёт, как улыбки,
Утопая в глубинах небес,
И закат золотистой накидкой
Обернул всколыхнувшийся лес!

Пусть деревья ещё не одеты,
Но очнулись, и спать не хотят.
А весна вместе с ласковым летом
Шьют им новый зелёный наряд!

МАМИНЫ РУКИ

Мама, дай прикоснусь губами
Я к рукам твоим — сердце просит.

Я пришёл в золотом тумане,
Мне гадала цыганка осень
И листы в колыбель роняла
Где-то счастья, а где-то муки...
На руках ты меня качала,
Дай поглажу я эти руки!
Время спрятало дней пелёнки
Под истёртым плащом дырявым,
Но я буду всегда ребёнком
Для тебя, ребёнком кудрявым.
И всегда, за меня волнуясь,
Будешь ты мне давать советы.
Дай тобою я налюбуюсь,
Как волшебным небесным светом!
Жизнь не сахар — горчица с перцем,
В ней — сума и оскал острожный.
Но любовь в материнском сердце
Даже смерть погасить не сможет.

Москва

Надежда ОХРИМЕНКО

МОЛИТВА

Не оскудей, душа, до дна!
Не оскудей от горьких будней,
Где всё трудней, всё беспробудней
Живу, невзгодами полна.

Ты, словно странница, одна
Идёшь по выжженной дороге,
В кровь истоптав о камни ноги,
Но света высшего полна.

Не оступись на тонком льду
Лжи, лицемерья и коварства.
Они тебе предложат царство,
И будешь жить у них... в аду.

Соблазном наших дней дыша,
Ты до конца сноси лишенья,
Хоть и врагам моим мишенью
Ты будешь, чистая душа.

ОТЧИЙ ДОМ

Здесь всё напоминает о былом:
И старый сад, и тихий скрип калитки,
Осевший набок потемневший дом,
Похожий на ракушку без улитки,

И ржавый флюгер, что глядит на юг, —
От старости он двигаться не может.
Мой отчий дом, мой верный старый друг,
Меня вина перед тобою гложет.

Ведь ты с тоской глядишь уж столько лет
На этот сад, калитку и дорогу!
Хозяев ждешь, а их всё нет и нет,
И я шла годы к твоему порогу..

Когда-то дружно здесь семья жила,
И дом лучился ясным, добрым светом.
Казалось, жизнь безмерно была,
Но пролетела быстро, как комета...

А соловей так счастливо поёт,
Что вечен мир. И вечна эта песня!
Я слушаю, и горечь сердце жжёт,
Ему в груди неизмеримо тесно.

Москва

Иван НЕЧИПОРУК

ГУЛЛИВЕРОПАД

Без надежды, без любви, без веры,
Одурев в предчувствии войны,
Лилипуты вают гулливеров
С постаментов гибнущей страны.

Иzolгав историю и даты,
Малорослый озверел народ,
Словно гулливеры виноваты,
В том, что лилипутам не везёт.

НАД РОСЬЮ

Вербы тоскуют над водами в тихом укорё.
В кручах прибрежных мерещится мне Святогорье —
Как же похож этой речки поток на Донец!
Но не хватает мне ветра в беззвучном просторе,
Мне не хватает биенья донбасских сердец...

Край мой родной, я душою с тобой непрестанно
Там, где твои терриконы — наследье титанов —
Вместе с курганами тайны столетий хранят,
Там, где вся степь стала чёрною огненной раной,
Там, где твои города превращаются в ад.

* * *

В хитросплетеньях цифр и дат
Перемешались все события.
Дома, осколками побитые,
Безглазо выстроились в ряд.

А под ногой хрустит стекло,
Деревья с вырванными удами...
Мой город, преданный иудами,
Ещё в строю в борьбе со злом.

Мы верим завтрашнему дню:
Мы город исцелим, отстроим,
Мы наречём его героем,
Назло и смерти, и огню.

г. Горловка, ДНР

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
доктор философских наук, профессор

ПРАВДА О «ЦЕНЕ ПОБЕДЫ»

Великая Отечественная война стала для СССР страшной трагедией. Всем известны её масштабы. Урон от нанесённых войной разрушений в 20 раз превысил национальный доход страны в 1940 году. Страна лишилась 30 процентов своего богатства. В денежном выражении — 130 миллиардов долларов. Это половина стоимости всех разрушений во всех странах мира за годы Второй мировой войны.

Однако, когда разговор заходит о «цене победы», об этих цифрах как будто забывают. Вроде бы понятно почему: разрушенное восстановили, понастроили новых городов и сёл, заводов и фабрик, электростанций и мостов, создали атомное и водородное оружие, запустили в космос спутник, а потом и человека. И всё это в фантастически короткие сроки. Советский Союз стал второй сверхдержавой мира, им восхищались сотни миллионов людей планеты, ему хотели подражать целые государства, а иные откровенно побаивались...

Советские люди гордились страной, но в их душах незаживающей раной жила и nepřеходящей острой болью ныла память о род-

УРОКИ ИСТОРИИ

ных и близких, погибших на той проклятой войне, хоть и была она воистину Отечественной и Священной.

Цифра «семь миллионов человек», оставшихся навсегда лежать в родной и чужой земле, в сталинские времена почти не росла.

И вдруг на XX съезде партии Хрущёв потряс умы и души людей известием, что на фронте, в партизанских отрядах, в плену и на оккупированных территориях погибло 20 миллионов воинов и мирных граждан. Позднее Брежнев подтвердил эту цифру. Общество мучительно осмысливало страшную новость, проясняя в жестоких спорах вопросы «почему так много?» и «кто виноват?». В конечном счёте всё списали на ошибки Сталина и сталинизм: «Ведь был же XX съезд партии, ведь Хрущёв сказал...» Тем в основном и успокоились. Казалось...

Но грянула яковлевская «гласность», горбачёвская «революционная перестройка», а следом — ельцинские «коренные реформы». В пору «гласности» и впоследствии у некоторых журналистов, писателей, политиков, историков и беглых разведчиков произошло большое умопомрачение. Соревнуясь друг с другом в злобно-слезливых публикациях по поводу вдруг опостылевшего им советского строя, ненавистного Сталина, они вываливали на головы ошалевшего народа горы цифр о Великой Отечественной, делая их всё страшней и страшней. В начале 1990-х дотянули соотношение советских и немецких военных потерь до 1:3, что означало, по их мнению, будто СССР потерял на фронте втрое больше солдат и офицеров, чем немцы. Уже эти цифры вызывали в народе грустные и гневные мысли. А потом и вовсе словно с цепи сорвались!.. «...*Советские солдаты буквально своими телами загородили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мёртвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата...*» — писал футуролог И. Бестужев-Лада. «...*В конечном счёте — и это скорбный факт — на одного погибшего немца приходится четырнадцать наших воинов*», — утверждал политолог А. Уткин.

Всех удручала и удручает поныне прежде всего общая цифра людских потерь в ходе Великой Отечественной войны: 26,6 млн. человек. Это официальная цифра, на которой после долгих дискуссий сошлось большинство военных историков и политиков. Однако некоторым «аналитикам» она казалась заниженной. Появились цифры общих потерь в 37 и даже почти 45 млн. человек. В чём смысл? Сказать всё то же, только снова и громче: «Страной управляли, армией командовали жестокие недоумки, кровожадные параноики, не щадив-

шие народ, солдат и офицеров, завалившие трупами путь победоносной немецкой армии. Какая же это Победа, да ещё Великая? Как можно ежегодно праздновать такую «победу»? И не празднуют, как в Прибалтике, Молдавии, Грузии, или объявляют День Победы «Днём поминовения павших... в борьбе с коммунизмом», как это сделали современные нацисты, наследники Бандеры, на Украине...

Статистика, даже такая скорбная, ведь лукавая. Её надо тщательно анализировать и беспристрастно объяснять. Только тогда можно понять суть вещей. Для начала цифру 26,6 млн. человек необходимо разделить на две крупные части, из которых она складывается: **потери вооружённых сил и потери гражданского населения.**

Кто лучше воевал, кто хуже, в конечном счёте можно понять из сравнения потерь вооружённых сил СССР и Германии на советско-германском фронте от начала войны до её конца. И что же выясняется?

Принято считать, что безвозвратные боевые потери Германии (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговорам военных трибуналов, не вернулись из плена) за 1418 дней войны составили 8 млн. 876,3 тыс. военнослужащих, а вместе с потерями её союзников — **10 млн. 344,5 тыс.** человек. Безвозвратные боевые потери СССР за те же 1418 дней войны — **11 млн. 444 тыс.** человек, а вместе с потерями союзников (76,1 тыс. человек) — **11 млн. 520 тыс.** человек. Обратите внимание: союзники Гитлера потеряли на советско-германском фронте 1 млн. 467,5 тыс. человек, союзники СССР — 76,3 тыс. человек. Таким образом, **соотношение безвозвратных боевых потерь Германии и СССР 1:1,1.** Различие не столь разительное, но в пользу противника. Чем это обычно объясняется?

Во-первых, безусловно, сказались внезапность нападения, просчёты военно-политического руководства СССР в первый период войны. В принципе, так и есть. Хотя роль этих факторов значительно преувеличивается.

То, что Гитлер может начать войну внезапно, Сталин понимал. Он говорил об этом на совещании командного состава Красной армии в мае 1940 года, то есть всего через восемь месяцев после подписания с Германией 23 августа 1939 года Пакта о ненападении. Чего не понимали (не хотели понимать?) прежде всего начальник Генштаба РККА Жуков (в чём он признался в книге «Воспоминания и размышления») и нарком РККА Тимошенко? Не понимали того, что суть внезапности «проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает» (К.

Клаузевиц), что главными элементами внезапности являются скрытность сосредоточения и быстрота действий в направлении главного удара. В плену иллюзий, что ему удастся переиграть Гитлера, находился и генсек ВКП (б) Сталин. Но всё-таки, на мой взгляд, в первом ряду виноватых за эти просчёты должны стоять военные, а не политик Сталин.

Говорят, будто Сталин симпатизировал Гитлеру, хотел с ним сотрудничать. Это ложь. Сталин изо всех сил пытался создать антигитлеровскую коалицию с Англией, Францией и США, но безуспешно. Поэтому, когда Гитлер предложил ему заключить Пакт о ненападении, Сталин, думаю, лишь скрепя сердце пошёл на это. Страна не была готова к войне, надо было выигрывать время.

Говорят, будто Советский Союз не готовился к войне. И это ложь. Подготовка к войне с потенциальным противником шла полным ходом. В 1928 году в СССР было 46 военных заводов, в 1938-м — 220. В 1939 году военный бюджет составлял 25,6% от общего бюджета СССР, в 1940 году вырос до 32,6%, а в 1941 году — до 46,6%. В производстве находились самолёт-штурмовик Ил-2 («летающая крепость»), реактивная артиллерийская установка «Катюша», несколько заводов производили танк Т-34. Для полной готовности к войне с Гитлером нужны были ещё год-полтора. Сталину, надо думать, не верилось, что Гитлер, находясь в состоянии войны уже два года, решится на войну на два фронта. Тут он ошибся. Но и Гитлер, напав на СССР, совершил смертельную ошибку — для страны и лично для себя.

Говорят, будто Сталин не верил данным разведки о начале войны. Это тоже ложь. Не вполне доверял — это правда. Почему? Данные разведки нередко были весьма приблизительными.

Вот легендарный разведчик Рихард Зорге. 6 мая 1941 г. Зорге, работавший в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио, сообщает начальнику Разведуправления Генштаба РККА: «Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией». В мае — это близко к истине, хотя говорится не о том, что война начнётся в мае, а что «решение о начале войны будет принято в мае». Когда же она начнётся? Из слов Зорге неясно. Тем более странно выглядит фраза «либо после войны с Англией». Кто мог сказать, когда закончится эта война?.. Позднее Зорге прислал несколько точных сообщений, но их не приняли во внимание. Почему? Ещё в 1937 году руководство разведуправления РККА сообщило Сталину, что Зорге разрешили работать на разведку Германии. Таких разведчиков тщательно перепроверяли.

21 июня 1941 г. начальнику Разведуправления Генштаба РККА поступило сообщение: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна». «Неизбежна». И всё. Между тем до начала войны оставалось несколько часов. Надо понимать и то, что с обеих сторон шла изошрённая игра по дезинформации противника.

Во-вторых, в ещё большей мере на соотношение 1:1,1 в пользу фашистской Германии повлияло количество советских военнопленных, уничтоженных и умерших в нацистских концлагерях из-за нечеловеческих условий содержания и голода — **2 млн. 722,4 тыс.** человек. Эта цифра **в пять раз (!)** выше количества военнослужащих противника, умерших в советском плену, — 579,9 тыс. человек. Хотя количество попавших в плен советских и немецких военнослужащих почти одинаково: 4 млн. 559 тыс. человек — советских и 4 млн. 376,3 тыс. — немецких.

Спросят: при чём тут военнопленные, когда речь о безвозвратных потерях? Дело в том, что после войны часть оставшихся в живых пленных обеих воевавших стран вернулась на свою родину. Однако из 4 млн. 559 тыс. советских военнопленных возвратились **только 1 млн. 836 тыс.** человек, а у немцев с союзниками — **3 млн. 572,6 тыс.** человек. В результате этого количество безвозвратных потерь у каждой из воевавших стран соответственно уменьшилось на эти цифры.

Казалось бы, заниматься математическими выкладками далее не стоит, тем более, как принято считать, история не имеет сослагательного наклонения. Но это не абсолютная истина. Да, переделать свершившиеся события мы не можем, как не можем воскресить мёртвых. Но размышлять о том, как могли бы развиваться события, «если бы», имеем право.

Представим: если бы в немецком плену не было убито и заморено голодом в пять раз больше советских военнопленных, чем немцев в советских лагерях, если бы в СССР возвратилось не 1 млн. 836 тысяч человек, а, скажем, на 2 млн. человек больше, т.е. 3 млн. 836 тыс. человек, то картина с демографическими потерями советских войск изменилась бы радикально и составила бы 6 млн. 744,5 тыс. человек, а не 8 млн. 744,5 тыс. И тогда эти потери СССР были бы ниже таких же потерь нацистов с их союзниками.

Кроме того, как считают специалисты, в немецких архивах и разных публикациях приводятся приближённые, а не точные данные людских потерь вермахта. Наиболее достоверны они лишь до января 1945 г. На последнем этапе войны, когда немцы терпели крупные поражения, им было не до учё-

та убитых и раненых. Но «если бы» были известны точные потери немцев за этот период, соотношение боевых потерь СССР и Германии ещё более изменилось бы в нашу пользу.

Далее (и это чистая правда): захватив страны Европы, Германия использовала их население для усиления мощи вермахта. В этих целях было мобилизовано свыше 1 млн. 800 тыс. человек. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов. На 1 июня 1944 г. численность этих формирований составляла 486,6 тыс. человек, из которых 333,4 тыс. воевали на советско-германском фронте. В войсках СС состояло 26 добровольческих дивизий, в которых служили албанцы, голландцы, датчане, венгры, бельгийцы, французы, латыши, литовцы, эстонцы, украинцы. Все эти соединения входили в состав вермахта. Их потери учитывались, но, как считают специалисты, их точность сомнительна. Вот если бы их уточнить, то...

Далее (и это правда) в опубликованных документах ничего не говорится о потерях гитлеровцев в таких чисто немецких формированиях, как военно-полевая полиция, СД (служба безопасности), гестапо, общие силы СС. Между тем в каждом из этих воинских объединений числилось не менее 250 тыс. человек. В целом общая цифра может колебаться от 800 тыс. до 1 млн. человек. Но «если бы...»

Правда в том, что не учтены потери вермахта за последние месяцы войны в Европе (в том числе Восточной), хотя только с 1 января по 30 апреля 1945 года, по данным немецкого командования, его безвозвратные потери составили **1 млн. 277 тыс.** человек.

И наконец, парадоксальный, но истинный факт: в число потерь вооружённых сил Германии не включены воевавшие на её стороне советские предатели — Русская освободительная армия генерала Власова (РОА), Отдельный русский корпус генерала Скородумова, сформированный из бывших белогвардейцев, 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, русский пехотный корпус генерала Штейфона, объединения украинских националистов под руководством Бандеры. Более того, эти предатели (500 тысяч человек), воевавшие против СССР, уничтожавшие военнослужащих и мирных граждан, входят в число безвозвратных потерь... Советской армии.

С учётом всех названных «если бы» **безвозвратные потери германской армии и других вооружённых сил в действительности значительно больше тех, о которых знает мир.** Во всяком случае, они выше потерь Красной армии.

Я думаю, что после сказанного рассуждать всерьёз о том, чьи войска воевали лучше — советские или немецкие, не стоит: неоспоримую победу над фашистской Германией (с запоздалой помощью наших «союзников поневоле») силами своих войск одержал Советский Союз.

Только с 1 января по 30 апреля 1945 г. советские войска взяли в плен 20 генералов, 1014 офицеров, 59 870 унтер-офицеров и 1 млн. 235 тыс. 440 солдат, а в целом — 1 млн. 305 тыс. 344 человека. Только с 1 по 9 мая 1945 г. советским войскам сдались в плен 634 950 военнослужащих вермахта, в том числе 66 генералов и 10 424 офицера. Уже после 9 мая 1945 г. перед Советской армией сложили оружие почти 1 млн. 600 тыс. немецких солдат и офицеров.

Самая страшная для обычного человека цифра — **26,6 млн.** человек советских военнослужащих и гражданского населения, погибших в ходе Великой Отечественной войны. В это число демографических людских потерь входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбёжек, артиллерийских обстрелов и карательных акций мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся в страну рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны. У Германии и её сателлитов эта цифра — 11,9 млн. человек. Наши потери в 2,2 раза больше. Без анализа и беспристрастных рассуждений цифры эти наводят на печальные размышления...

Однако чисто арифметический подход и здесь недопустим. Существует целый ряд обстоятельств, которые нельзя не учитывать.

Во-первых, это коренное различие в целях войны.

Германия во главе с Гитлером была единственным врагом за всю историю нашей страны, открыто поставившим задачу физического истребления славян. В отношении русских в гитлеровском плане «Ост» («Восток») говорилось: «Или **полное уничтожение русского народа**, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы».

«Философия» германского фашизма концентрированно изложена в следующих словах Гитлера: «Мы обязаны истреблять население — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придётся развивать технику, истребляя население... Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как черви». Эта «философия» и была основой политики Гитлера на временно оккупированной советской территории.

Одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе была «Памятка немецкого солдата», в которой содержались такие призывы: «Помни и выполняй: 1. ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... 2. ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, **убивай всякого русского**, не останавливайся, если перед тобой **старик или женщина, девочка или мальчик...** 3. ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай всё живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на колених будет стоять весь мир».

В конечном счёте гитлеровцами было преднамеренно истреблено 7 млн. 420 тыс. 379 человек. Погибли на принудительных работах в Германии 2 млн. 164 тыс. 313 человек. От жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т.п.) погибло 4 млн. 100 тыс. человек. А всего — 13 млн. 684 тыс. 692 человека. Во время ленинградской блокады только от голода умерло от 641 тысячи до 800 тысяч человек, от артобстрелов и бомбёжек погибло более 30 тысяч человек. К числу общих потерь гражданского населения отнесены 451 тысяча так называемых невозвращенцев, завербованных в качестве дешёвой рабочей силы в страны Западной Европы, США.

Таким образом, **из 26,6 млн. общего числа жертв войны в Советском Союзе одну треть составила убыль военнослужащих (8 млн. 668,4 тыс.), а две трети — 17,9 млн. человек — гражданское население.**

В отличие от нацистской коммунистическая идеология утверждала дружбу и равенство всех народов и рас, отвергла теорию национальной исключительности. Именно поэтому перед советскими войсками не стояла задача уничтожения немецкого народа, они боролись с армейскими соединениями рейха, и когда вошли на территорию Германии, гибель мирных людей происходила в ходе боевых действий, но не была преднамеренной. За убийство мирных граждан и мародёрство советских солдат и офицеров судили и сурово карали вплоть до расстрела.

Заметим, что военные действия на советской территории длились более трёх лет, а на немецкой — менее пяти месяцев. В целом за всю Вторую мировую войну (с 1 сентября 1939 г. по 9 мая 1945 г.) вооружённые силы Германии потеряли убитыми и ранеными (по неполным данным) 13 млн. 448 тыс. человек, из которых, как уже говорилось, 11,9 млн. человек — на советско-германском фронте. Это 75,1% от числа мобилизованных в годы войны и 46% всего мужского населения Гер-

мании, включая Австрию. Вот «цена поражения». А позор, стыд и унижение немецкого народа перед всем человечеством?.. Вот о чём надо говорить, а мы молчим. Корим себя, великодушные. А зря.

Кто скажет мне: а какой она должна была бы быть, «цена Победы»? Всерьёз этот вопрос не возьмётся обсуждать ни один здравомыслящий человек. Скажу так: как вышло, так и вышло. Главное, как мыслят простые люди (я один из них), мы одержали Победу, и Победу эту иначе как Великой назвать нельзя. Ибо речь шла и о том, быть или не быть советскому общественному строю, которому не дали вызреть и вполне не развиться внутренние и внешние враги. Речь шла и о ещё более важном: **быть или не быть русскому народу, России как таковой со всеми её другими народами, нациями и народностями**, которые, по определению Гитлера и его идеологических глашатаев, считались «человеческим мусором», место которому в душегубках и газовых печах.

В этом смысле рассуждать о «цене Победы» перед памятью тех, кто отдал за неё свою жизнь, аморально и грешно. Великая Победа в Великой Отечественной войне бесценна.

Нет на карте мира великой державы Советский Союз, но есть Россия, есть ещё мы, «дети войны», есть новые поколения, а значит, у России и её народа есть будущее.

Печаль по отдавшим свою жизнь за наше право жить на белом свете, плодиться, растить детей и внуков, возвышать роль России в агрессивном мире теперь уже в XXI веке не может затмить нашу гордость за героев, погибших за нашу Родину, за Великую Победу. А «побеждённым, — как говорил когда-то канцлер Германии О. Бисмарк, — мы оставим только слёзы, чтобы было чем плакать...»

Ярослав БУТАКОВ,
кандидат исторических наук

ПОЛЬША — ПОДЕЛЬНИЦА ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

В 1938 году политическая ситуация в Европе складывалась так, что именно Польша могла сыграть решающую роль в прекращении нацистской агрессии раз и навсегда. Вместо этого правящие круги «Второй Речи Посполитой» повели себя так, что сделали гитлеровское нападение на их страну неизбежным.

В преддверии Второй мировой войны единственными государствами Европы, осуществлявшими территориальные захваты, были Германия, Италия и Польша. Но в то время как фашистские государства приступили к этому лишь во второй половине 1930-х, Польша проводила политику аннексий с самого окончания Первой мировой войны. И если некоторые из этих захватов ещё можно связать с «безхозностью» территорий вследствие распада трёх империй, то захват Вильнюса и Виленской области Польшей был произведён в прямое нарушение заключённого ею в 1920 году договора с Литвой. Причём единственной великой державой, отказавшейся признать этот захват, оставался Советский Союз.

17 марта 1938 г. Польша предъявила Литве ультиматум: отменить статью конституции, провозглашающую Вильнюс столицей Лит-

УРОКИ ИСТОРИИ

вы, и предоставить гарантии прав польского меньшинства в Литве. При несогласии на эти требования в течение 24 часов Польша грозилась оккупировать Литву.

Это происходило через два дня после аншлюса Австрии гитлеровской Германией. Ещё впереди были Мюнхенский сговор и захват Чехии вермахтом, впереди была оккупация Албании фашистской Италией, но Польша уже вела себя как заправский агрессор.

Польские войска сосредоточились на границе с Литвой. В Восточной Европе запахло войной. СССР в тот момент, пригрозив разорвать пакт о ненападении, заключённый с Польшей в 1932 году, и оставить за собой «свободу действий», спас независимость Литвы. Польша была вынуждена снять свои требования.

Польша стала первым государством, заключившим пакт о ненападении с гитлеровской Германией. Он был подписан 26 января 1934 года в Берлине сроком на 10 лет (пять лет спустя аналогичный советско-германский пакт воспроизвёл эту норму польско-германского договора). Польша обеспечивала себе спокойный западный тыл на случай войны с Советским Союзом. Ещё с 1921 г. Польша имела соглашение с Румынией о взаимной помощи в войне против большевиков. Эти договоры можно трактовать как чисто оборонительные, лишь забывая, что ещё в 1919—1920 гг. польские правящие круги провозгласили своей целью восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года и завоевание коридора к Чёрному морю («Польша от моря до моря»). Правда, в 1935 году Польша продлила на десять лет пакт о ненападении с СССР.

Во время Судетского кризиса и Мюнхенского сговора 1938 года роль Польши как солидной гири, которая могла быть брошена на чашу весов войны и мира, была значительной, даже решающей. Накануне Второй мировой войны Польша была одним из крупнейших и сильнейших государств Европы. Она обладала территорией в 388 600 кв. км, на которой проживало 43 800 000 человек — больше, чем во Франции (41 700 000).

Прочный военно-политический альянс Франции и Польши мог поставить преграду любым агрессивным замыслам Гитлера. Но этого альянса к 1938 году уже не существовало. Охлаждение в традиционно тёплых отношениях двух наций обозначилось с 1934 года — как раз после того, как был заключён польско-германский пакт о ненападении. Правители Польши решили играть роль великой европейской державы, не нуждающейся в постоянных союзах и союзниках. Это дорого обошлось не только их народу, но и всей Европе.

Большое значение в обеспечении коллективной безопасности в Европе ещё с 1924 года приобрёл франко-чехословацкий

договор о дружбе и военном союзе. В 1935 году он был дополнен советско-чехословацким договором о взаимной помощи в случае нападения агрессора. Однако трёхстороннее соглашение такого рода так и не было заключено. Советский Союз был обязан помогать Чехословакии лишь в том случае, если и Франция выполнит свои обязательства перед этой страной.

Эта оговорка объяснялась прежде всего тем, что СССР не имел сухопутной границы с Чехословакией и мог направить туда войска лишь через территорию Польши либо Румынии. Подразумевалось, что только Франция обладает достаточным авторитетом, чтобы побудить эти государства дать советским войскам, идущим на помощь Чехословакии, «зелёный коридор».

Армии вермахта охватывали, после аншлюса Австрии, всю Чехию и Моравию по периметру и могли вести наступление по сходящимся направлениям. Даже не зная об умении (ещё нигде не проявившемся) германского командования вести глубокий танковый прорыв, чехословацкое командование обоснованно могло опасаться прорыва своей вынужденно неглубокой (из-за размеров страны) стратегической обороны хотя бы в одном месте. Чехословакия легко могла быть разрезана на части одним быстрым ударом, что сделало бы её дальнейшее сопротивление безнадёжным.

Общеизвестно, что Советский Союз не мог оказать в тот момент военную помощь Чехословакии из-за враждебного отношения Польши и Румынии к возможности прохода советских войск по их территории. Польша провела частичную мобилизацию, дабы показать, что будет всеми средствами сопротивляться такому проходу.

Однако Польша одна могла в 1938 году остановить гитлеровскую агрессию! Её решительная позиция в этом вопросе неминуемо отразилась бы и на позиции Франции. И фактор Советского Союза, на который ссылаются поляки, в этом случае вообще не сыграл бы никакой роли. Об этом красноречиво свидетельствуют те же цифры военного потенциала.

Население Польши и Чехословакии в сумме (59 100 000) было сопоставимо с населением Германии (75 200 000), а вместе с Францией (100 800 000) существенно его превосходило. В 1939 году Польша мобилизовала против Германии 37 дивизий (считая две бригады за дивизию). Во время кризиса 1938 года эти дивизии, будучи брошены на чашу весов франко-чехословацкого военного союза, оказали бы отрезвляющее воздействие на нацистов. Германская агрессия, скорее всего, так и не началась бы. И именно Польше достались бы честь и слава страны, остановившей зарвавшегося агрессора.

Утверждения, будто Польша не могла в тот момент выступить против Германии, так как была вынуждена опасаться

удара со стороны Советского Союза, совершенно безосновательны. Между СССР и Германией тогда ещё не было никакого соглашения. Советский Союз не выступил бы против блока Франции, Польши и Чехословакии.

Если даже Польша не хотела вмешиваться в конфликт, то она могла пропустить советские войска через свою территорию в Чехословакию совершенно без опаски для себя. Абсурдно полагать, что 40 советских дивизий, отряжённых на помощь Чехословакии, могли провести «советизацию» Польши, армия которой была сопоставима с ними по численности. И в этом случае роль Польши могла оказаться решающей независимо от позиции Франции.

Правящие круги Польши, как известно, использовали Судетский кризис, чтобы аннексировать у терзаемой Чехословакии Тешинскую область, на которую претендовали с момента распада Австро-Венгрии. В момент, когда горел дом соседа, они бросились не тушить, а грабить его имущество, не задумываясь, что пожар может перекинуться на их дом. Так и произошло.

Справедливо написал Черчилль о поведении поляков: «Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм... проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных!»

Расчленение и оккупация Чехословакии колоссально усилили Германию и безнадежно ухудшили стратегические позиции Польши. В руки третьего рейха попала первоклассная военная промышленность, позволившая быстро увеличить мощь вермахта. Кроме того, теперь германские войска могли занять по отношению к Польше охватывающее положение не только с севера, но и с юга, оккупируя Моравию и имея в качестве союзника марионеточную «независимую» Словакию. Военно-стратегическая обстановка, сложившаяся после оккупации Чехословакии, значительно облегчила Германии задачу разгрома Польши. Польша, как созревший плод, сама свалилась в руки нацистской Германии. Обстановка же эта явилась в решающей степени следствием всей внешней политики Польши за два межвоенных десятилетия, особенно же — предательских действий руководства Польши по отношению к соседней славянской стране в 1938 году.

Политика Польши осенью 1938 года сорвала франко-чехословацкий союз, направленный на противодействие Гитлеру. Агрессивное поведение Польши в отношении Чехословакии склонило правителей Франции на уступки нацистам в

Судетском вопросе. Ведь силы Германии и Польши вместе взятые превосходили совокупные силы Франции и Чехословакии. Польско-германский союз 1930-х гг. стал важнейшим спусковым механизмом Второй мировой войны в Европе.

Вряд ли мы ошибёмся, указав, что переориентация внешней политики Польши с Франции на Германию резко обозначилась после прихода к власти в Германии нацистов. В агрессивной доктрине Гитлера правители Польши увидели не угрозу себе, а... благоприятную возможность удовлетворить с германской помощью свои захватнические притязания в отношении Украины и Белоруссии. Ведь ещё в 1919 году Юзеф Пилсудский поставил Польше цель стать сильнейшим государством на пространстве «от Финляндии до Кавказских гор».

Иллюзии правителей «Второй Речи Посполитой» в отношении Гитлера — клинический случай политической близорукости, верным путём приведший это государство к гибели.

До поры до времени Гитлер и его окружение всерьёз поощряли в поляках эти иллюзии. Планы совместной интервенции против Советского Союза в 1934—1939 гг. неоднократно рассматривались в высших сферах Берлина и Варшавы. Сам Гитлер говорил в январе 1939 года, что «каждая польская дивизия в конфликте с СССР сбережёт одну германскую дивизию».

26 января 1934 года был заключён польско-германский пакт о ненападении сроком на 10 лет. Польский посол в Берлине Юзеф Липский заявил по этому поводу французскому корреспонденту: «Отныне Польша не нуждается во Франции». «Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером», — заявил глава польского государства Пилсудский французскому министру иностранных дел Луи Барту весной 1934 года. С 1934 по 1939 год стратегическое партнёрство с нацистами было стержнем внешней политики Польши.

Иногда польские правители прозревали, чем может быть чревато для них слишком тесное сближение с Гитлером. Но у них тут же находилось оправдание для себя. Общеизвестны слова, приписываемые польскому верховному главнокомандующему маршалу Рыдз-Смиглы: «С немцами мы рискуем потерять независимость, а с русскими — душу».

Сближение Польши с нацистской Германией сопровождалось не только усилением русофобии, оправдываемой антисоветизмом, но и охлаждением отношений с западными странами. Черчилль сетовал, что в дни Судетского кризиса осенью 1938 года «для английского и французского послов (в Варшаве) были закрыты все двери. Их не пускали даже к польскому министру иностранных дел». Все инициативы

создания в 1939 году действенной англо-франко-советской Антанты срывались прежде всего враждебной позицией Польши к такому союзу. А без участия Польши он не мог быть эффективным.

Чтобы снова привлечь к себе Польшу, Англия в марте 1939 года, после полной оккупации Чехии германскими войсками, в одностороннем порядке предоставила Польше гарантии безопасности на случай германского нападения. У руководителей западных стран были основания полагать, что для противодействия Германии достаточным окажется англо-франко-польского союза.

Сравним цифры военного потенциала. В дни Судетского кризиса Чехословакия с населением 15,3 млн. человек сумела мобилизовать армию численностью 1,25 млн. человек. Франция, насчитывавшая 41,7 млн. человек населения, осенью 1939 года поставила под ружьё 3,2 млн. человек. Польша с её населением 43,8 млн. была в состоянии выставить армию до 3,5 млн. человек. И совершенно естественно возникает вопрос: почему она этого не сделала?

Ссылки на то, что Польша просто не успела подготовиться к войне, совершенно неуместны. Войной в Восточной Европе пахло давно. Годом раньше, готовясь напасть на Чехословакию в союзе с Гитлером, Польша уже провела частичную мобилизацию. И в 1939 году Польша продолжала военные приготовления. Но очевидно, что в качестве основного своего противника в Варшаве продолжали рассматривать не Германию.

Фактор стратегической внезапности при нападении Германии на Польшу отсутствовал начисто, ибо агрессивные приготовления Гитлера ни для кого не были секретом. Не было и тактической внезапности, ибо вторжение в Польшу, значенное Гитлером на 26 августа 1939 г., было в самый последний момент отложено до 1 сентября. У поляков было вполне достаточно времени, чтобы провести все мобилизационные мероприятия и как следует подготовиться к войне.

Накануне 1 сентября 1939 года части вермахта, сосредоточенные вдоль германо-польской границы, насчитывали 1,8 млн. человек. Даже если бы половина польской армии стояла против другого вероятного противника, СССР, то против немцев поляки могли бросить армию не меньшей численности. Однако вермахту противостояли соединения польской армии, насчитывавшие лишь около 1 млн. человек.

Правда, у немцев в любом случае было превосходство в артиллерии, танках и самолётах. Но в оборонительной войне, которую вела Польша, могли сказаться факторы иного рода. Так, например, накануне войны на вооружении

польской армии находилось 3500 противотанковых ружей «UR» собственного производства. Их 7,92-миллиметровый патрон прошивал броню любого тогдашнего танка вермахта. Одного точного выстрела на каждое из 70% таких ружей было достаточно, чтобы выбить все немецкие танки, участвовавшие во вторжении в Польшу. Но... Меры секретности польского командования привели к тому, что об этих ружьях не знали не только враги, но и большинство своих офицеров и солдат. Польское чудо-оружие так и не было использовано. Резонно заподозрить в этом некий умысел.

Несостоятельны любые попытки объяснить низкую численность польской армии, выставленной против немцев, необходимостью отражать угрозу с тыла — от СССР. Как известно, вдоль советской границы в сентябре 1939 г. было очень мало польских войск. Польские руководители знали, что СССР вовлечён в конфликт с Японией на Халхин-Голе, и обоснованно полагали, что до его завершения СССР не будет предпринимать другой операции. Так и вышло: вступление советских войск на территорию Польши началось только после того, как 16 сентября вступило в силу соглашение с Японией о прекращении огня.

В первый же день войны президент Польши Игнаций Мосцицкий покинул Варшаву. 5 сентября из столицы сбежало правительство, а 7 сентября — и верховный главнокомандующий Рыдз-Смиглы. Между тем, Варшава была окружена немецкими войсками только 15 сентября, а пала, после героического сопротивления, лишь спустя ещё две недели. Но уже 10 сентября Рыдз-Смиглы бежал из Бреста по направлению к румынской границе, потеряв последние нити управления войсками. 17 сентября, когда бои шли ещё не только вокруг Варшавы, но и на Бзуре, под Модлином, Хелем и Львовом, польские руководители покинули свою страну. Советское руководство имело все основания заявить в тот день, что «польское правительство распалось и не подаёт признаков жизни».

Таким образом, в ходе почти всей кампании против немцев польские войска были лишены высшего руководства. Управление ими осуществлялось не выше уровня командования полевой армией. Несмотря на это, польская армия стала единственной в начальный (до лета 1941 года) период Второй мировой войны, кто пытался вести против вермахта контрнаступательные операции! Упорное в ряде случаев сопротивление польских войск неизменно отмечали в своих мемуарах генералы вермахта. Поляки, оставшись без государственного руководства, как это не раз бывало в их истории, продолжали сражаться героически, но разрозненно. Можно

лишь гадать, к каким результатам это сопротивление могло привести, если бы оно было объединено и организовано в общегосударственном масштабе, если бы правители Польши не бежали так резко из страны, предав армию и народ.

Отнюдь не в оправдание пассивности французского командования в 1939 г. отметим, что для него столь быстрый разгром Польши оказался полной неожиданностью. Военный потенциал Польши обоснованно позволял надеяться на то, что она продержится по меньшей мере 2—3 месяца. Прекращение за две недели организованного сопротивления польских вооружённых сил германскому вторжению было обусловлено исключительно отсутствием у поляков дееспособного высшего руководства.

Но чем было вызвано столь поспешное бегство правителей «Второй Речи Посполитой»? Только ли убеждением в том, что война проиграна? Они не могли не понимать, что своими действиями они усиливают дезорганизацию в стране и ускоряют победу врага.

Поступки польских правящих кругов в августе-сентябре 1939 года нельзя объяснить вне связи со всей предвоенной политикой Польши, шедшей в одном фарватере с гитлеровской Германией. Вторжение вермахта могло казаться им «недоразумением», которое вскоре сменится давно лелеемым совместным походом германских и польских войск на завоевание Украины и Белоруссии. Косвенным подтверждением тому могут служить действия многих польских воинских частей после вступления советских войск на территорию Польши: они пробивались на запад, чтобы сдать в плен немцам, а не русским!

Ныне среди части поляков популярен историк Павел Вечоркович, сетующий на то, что в 1939 году Гитлер решил уничтожить Польшу, вместо того чтобы вместе с нею начать войну против СССР. Его можно считать рупором настроений, не высказанных открыто польскими государственными деятелями 1939 года.

Соучастие предвоенной Польши в агрессивных планах и действиях гитлеровской Германии в значительной степени определило весь последующий кровавый для большинства народов Европы ход Второй мировой войны. На скамье подсудимых Нюрнбергского трибунала, по справедливости, рядом с нацистскими военными преступниками должны были сидеть эпигоны Пилсудского. Суд истории над ними уже свершился. Будет ли вынесен им когда-нибудь заочный юридический приговор суда народов, пострадавших от их действий, — вопрос времени.

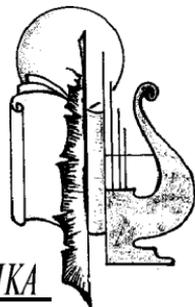
РУССКИЙ ВОПРОС У ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

(О повести «Дочь Ивана, мать Ивана»)

Затопили нас волны времен,
И была наша участь мгновенна!
Александр Блок

Валентин Григорьевич Распутин в полной мере обладал удивительным даром, отличающим русского совестливого писателя от беллетриста западного образца — каждым своим крупным произведением он овеществляет в слове, делает зримой самую жгучую боль своего времени. И она начинает жить, двигаться, болеть в нас уже по-другому, как получившая самостоятельное бытие. Подчеркиваю — в каждом крупном произведении! Закономерность даже для русской литературы редкостная.

Я думаю, что в первую очередь это обусловлено другим редкостным дарованием писателя — его литературное творчество на всем открывающемся сегодня пути внутренне непротиворечиво и цельно, чего нельзя сказать даже о таких крупных художниках, как Толстой и Лесков. И у этой непротиворечивости Распутина есть свое объяснение: в силу сословных и временных условий формирования личности художника ему не пришлось тратить значительную часть жизни на поиск и обретение «русского

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

пути», как тем его предшественникам, которым мешало барство или социал-демократическое воспитание. Крестьянский сын, носитель тысячелетнего русского этноса, он самым местом и временем своего рождения — одного из пиков Русской цивилизации, победившей во Второй мировой войне — был поставлен на этот путь. Ему оставалось только с него не сворачивать. Что, безусловно, требовало (и требует!) большого мужества. Но мы сейчас о другом — чтобы в достаточной мере осознать эту повесть Распутина, нужно прежде всего уяснить тот очевидный факт, что становится она понятной во всей своей полноте только при взгляде на нее через все предшествующие знаковые повести писателя. Именно здесь он договаривает начатое в «Живи и помни» и, особенно, в «Прощании с Матерой».

Затопленная почва

То, что происходит с героями повести Распутина — семьей Воротниковых, — становится последней каплей русского исхода, после которой или должно что-то происходить, или уже не может произойти ничего.

Этой последней капле дано, наконец, доплеснуться до нашего сознания, оглушенного визгом и лязгом нового времени. Дано для того, чтобы понять: **русского человека вне почвы нет!** Достаточно вспомнить факты: только в годы революции Россию покинуло свыше пяти миллионов человек — и где они, что с ними случилось? Уже во втором поколении их потомки не знали русского языка и всеми силами старались слиться с окружающими их народами! Вы что-нибудь слышали, например, о «русской диаспоре» в США? А ведь по численности эмигрировавших туда в разные эпохи русские уступают, пожалуй, только ирландцам! И это говорит отнюдь не о какой-то там слабости или «размытости» русского типа, как нам сегодня втолковывают иные «доброжелатели» — применимо «к самому непокорному на свете народу» такие измышления смешны! — нет, это говорит только о том, что, лишившись почвы, русские теряют и свою великую национальную силу. Вспомним хотя бы расхожий фольклорный мотив, когда русскому богатырю, чтобы победить противника, нужно было обязательно коснуться земли и набраться от нее своей удивительной силы. А его враг, наоборот, всеми силами старался не допустить этого и приподнять богатыря на воздух, оторвать от родной почвы. И это не просто красивый образ, это — **цивилизационный диагноз**, заданный в самом начале нашей истории и на тысячу лет вперед!

В повести Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» мы видим итог русского исхода — начавшегося в годы революции и коллективизации, и окончательно свершившегося в послевоенные десятилетия, когда крестьянская Россия перестала существовать, и количество городского населения впервые за последнюю тысячу лет нашей истории превысило ее население сельское. Тот самый «народ», который два последних столетия являлся для русской литературы синонимом *национальной идентичности*... исчез, растворился в сутолоке больших городов.

Итог этого исхода двоякий. С нравственной точки зрения, он характеризуется *онтологической растерянностью*: «что же мы за народ», «почему с нами это происходит», «что в нас сломалось»? — спрашивают себя герои повести. С точки зрения национальной, итог русского исхода оказался не более утешителен — сильно «посмуглевшие» в городах потомки Иафета* (что было бы невозможно в крестьянской России при стопроцентном русском населении деревень) и сами-то не очень озабоченные своей национальной идентичностью. Они — фон повествования, потому что недавние выходцы из деревни и еще хотя бы в детстве заставшие «норму» муж и жена Воротниковы уже, пожалуй, исключение в окружающей их городской жизни. Во всяком случае, в центральных губерниях русский исход совершился на одно-два поколения раньше.

Как же будет жить народ с затопленными родительскими могилами и церквями, с затопленной тысячелетней почвой, с «затопленной памятью»? — спрашивает нас Распутин в «Прощании с Матерой». В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» он показывает, *как* живет этот народ.

Цивилизационная подмена

Справедливости ради, надо признать, что послевоенная советская цивилизация, по слову Распутина же, «коммунизм переварившая» и тайком под интернационалистский галдеж узаконившая многие основополагающие принципы цивилизации русской, сколько могла, камуфлировала цивилизационный переворот, происшедший после оттока русских из деревни. Во всяком случае, на уровне носившихся в воздухе фраз о «народе-труженике», «трудовой доблести», официальной пропаганде труда производительного.

Таким образом, лишенные русской почвы новые жители больших городов, в их числе и Тамара с Анатолием Воротни-

*По статистике, каждая пятая москвичка выходит замуж за кавказца.

ковым, еще не сталкивались в них с резким, чуждым им воздухом, потому что до них там уже «надышали» — русский воздух буквально вдыхался предшествующими поколениями русских людей в искусственную, безвоздушную оболочку советской эпохи. Однако всему бывает конец. И в 90-е в России было легализовано то, что фактически сложилось уже к началу 80-х. Сделано это было по-русски, одним махом, потому у героев повести и возникает чувство обвала, оползень, при наступлении «новой жизни». Приглядишься они пристальнее, как и все мы, к тому, что забурлило в восьмидесятых, заметишь всё возраставшие аппетиты оборотистых («энергичных» по Шукшину) людей «новой формации» (партийных и комсомольских чиновников, руководителей производств, работников торговли и сферы обслуживания, с их жадной легализовать и преумножить свое незаконное и в русском, и в советском понимании благосостояние), увидишь всё это героев повести — может быть, и не стало бы для них последующее такой неожиданностью. Но уж — пока не грянет, не перекрестимся! И это тоже наше.

Поэтому наиболее неотступное ощущение, преследующее отца и мать, Анатолия и Тамару Воротниковых, — это ощущение нового, резко чуждого воздуха, принесённого «новой жизнью». Это дух торгашеской цивилизации, которая, почти не таясь, воцарилась в последние годы советской власти: дух спекуляции, наживы, блата, взятки. Оказалось, что «в стране победившего социализма» продаются и перепродаются не только заморские джинсы и подпольные видеокассеты, но и места и должности, научные степени и положение в турнирной таблице, и еще очень и очень многое. Возможность продавать все и в открытую — для героев повести, как и для большинства из нас, стала шоком. Произошло то, что можно назвать *цивилизационной подменой* — на канонической территории земледельцев, потомков Иафета, в открытую воцарился и манифестировал себя торгашеский дух потомков Сима. И ничего удивительного, что именно семитские народы (в первую очередь арабы и евреи) почувствовали себя «в новой политической и экономической реальности», как рыбы в воде. Этим объясняется и невиданный доселе наплыв в крупнейшие русские города (именно города!) выходцев с Кавказа и из Закавказья. И даже вековая ненависть между потомками Сима (арабами и евреями, в том числе — горскими), сложившаяся из-за жестокой и опять-таки многовековой их конкуренции в торговле, даже эта ненависть оказалась забыта. Просто поделили сферы: сверхприбыльная торговля сырьевыми ресурсами и «образом жизни» — у одних, продуктовые и вещевые рынки — у других.

Именно рынок как модель современного мира становится центральным местом в повествовании Распутина. До последней возможности противостоявшая стихии рынка крепкая русская семья Воротниковых тоже оказывается втянутой в его всепоглощающее жерло, и так же, как в общенациональной жизни, в жизни семьи это столкновение цивилизаций — побеждающей рыночной и потерявшей себя земледельческой — заканчивается катастрофой. Мотыльком упорхнувшая на запах халвы и блеск всесветной толкучки старшая дочь Воротниковых, Света — смята и изнасилована «человеком рынка», торгашом-азербайджанцем, скорее всего и в Россию-то прибывшим нелегально, да только чувствующим себя в ней «победителем», хозяином «новой жизни», который и на таможене кому надо сунет, и в прокуратуре. Стало быть, не подзаконным ничему. И насилующим, и взятки сующим в открытую. Происходит это, напомним, в стране, где 80% населения продовольжато остаются «паспортными» русскими.

И дело не в отчаянном порыве матери, застрелившей дикаря-насильника, а в том, о чём Тамара Ивановна постоянно себя спрашивает: что, разве не видела она, куда все это ведет? Разве не понимала, к какой жизни потянуло ее дочь? И отвечает сама себе — не видела! В каком-то нравственном обмороке жила все эти годы.

Но слишком просто было бы этим «нравственным обмороком» объяснять все наши беды. В одной из своих статей Сергей Кара-Мурза спрашивает: **разве мог бы ельцинский режим просуществовать почти десять лет, если бы на то не было негласного согласия всего общества?** И отвечает — нет, не мог бы! Значит, не только 2% олигархов, не только 20% чиновников всех уровней, но и большая часть населения сумела пристроиться в «новой жизни»! Получила возможность «иметь». Одни больше, другие меньше. Чиновники с торгашей, торгаши с рядовых граждан, те друг с друга: врачи с больных, учителя со школьников, преподаватели со студентов, и т.д. Даже божм у Распутина, приютившийся в семейном общезжитии, получил возможность «иметь» — сдает на ночь не принадлежащую ему комнату. А что в ней будет, кого будут убивать-насиловать — его не интересует. Даже своеобразную философию придумал.

Державу буквально растащили по чуланам и перепродают — и не только Чубайсы и Абрамовичи, но и прапорщики Петровы, механизаторы Ивановы, лесники Сидоровы. На глазах парадокс: в целом жизнь стала хуже, а каждый в отдельности стал жить лучше. Такая вот плата за отказ от небесного статуса, земного могущества и исторической перспективы.

Памятуя о сказанном выше, о том, что определяло русскую цивилизацию на протяжении тысячи лет, такой легкой переход большинства русского народа в услужение чуждой торгашеской цивилизации не может не пугать!

Два пути

И здесь было бы нелишне вспомнить о том, что лежит в основании любой цивилизации, что канонизирует те или иные принципы ее, накладывая печать неповторимости на целое. Я говорю, разумеется, о религии. Вспомним, что сынам Иафета, населившим 1/6 мировой суши, было заповедано евангельскими притчами именно возделывание своей земли! И именно русские землепашцы (7/8 населения страны) в качестве *сословного* определения усвоили себе определение *религиозное*: крестьяне! Где всякий русский без труда расслышит первоначальное «христиане».

Для сравнения заметим, что Коран отнюдь не так приветствует земледельческий труд, и, напротив, благословляет торговлю. Это не говоря уже о Талмуде, по которому едва ли не единственно достойным делом являются ростовщические операции. Поэтому, когда потомки Сима, воспитанные этими религиозными учениями, занимаются торговлей и финансовыми спекуляциями, — они занимаются своим. И ни о каком уважении к неприспособленным и неискусным в умении наживаться «чужакам» (а именно так воспринимается ими коренное население России) речи быть не может! Ведь русские даже и не торгуют, а всего лишь распродают, пока им есть что распродавать — остатки державной плоти: большую и малую госсобственность, должности, звания. И сами того не замечают, как более сплоченные и искусные торгаша-перекупщики занимают уже не только рынки, но и посты в администрациях, силовых структурах, кафедры, должности, подтягивая к себе своих бесчисленных чернявых родственников. Отсюда парадокс номер два: оставаясь в численном большинстве, русские оказались в своей стране эмигрантами, которые вынуждены приспосабливаться к чуждым цивилизационным нормам. И мучительные внутренние монологи русских героев повести Распутина разбиваются об эту бесцеремонную, невесть откуда свалившуюся на них действительность. А ведь Тамара Ивановна и ее сын Иван, наиболее часто задающиеся такими вопросами, это еще лучшие, те, кто еще пытается понять происходящее, не выгнуть душу в угоду «новому»! А большинство и не думает, выгибается (каждый на свой манер) и даже — вспомним слова Кара-

Мурзы — не без удовольствия от своего сиюминутного колбасно-шмоточного счастья! Не понимая, что состязаться в умении наживы с теми, кто занимается этим уже тысячелетия — бессмысленно, и что уже их же детей и внуков, потерявших землю и недра, должности и перспективу образования, ждет неизбежное физическое рабство и вымирание!

Великий русский филолог, Федор Иванович Буслаев приводит в одном своем сочинении древненовгородскую легенду о «благочестивом» купце-ростовщике, перед смертью покаявшемся и оставившем все деньги на строительство собора. Так вот, когда мастера, расписывавшие этот собор, спрашивают у епископа, где им изобразить благодетеля, епископ твердо отвечает — в аду! Таким страшным грехом для наших предков было ростовщичество, нажива на несчастьи, богатство из пустоты!.. Взглянув на торжество окружившей нас «банковской цивилизации», поневоле задумаешься — то ли наши предки чего-то не понимали, то ли мы очень далеко от них ушли...

Что же дальше будет с народом, в историческое одночасье (за без малого столетье) лишившимся и родной почвы, и родного воздуха, оказавшимся, как рыба на суше, в новой, агрессивной для него действительности? — спрашивают себя герои повести. И один ответ перед ними возникает: или же произойдет большая «встряска», которая вернет на место загулявшие русские головы, или же наше место займут более приспособленные к воцарившейся у нас всесветной баракхолке чужаки. Распутин не говорит об этом открыто, но подводит нас к этому выводу. А нам — нам только и остается вспомнить, как Господь лечил русских от исторического беспомыслия. Офранцузившихся — французами в 1812 году, онемечившихся немецкой социал-демократией — немцами в 1941-м. Глядя на отнюдь недвусмысленные маневры вдоль российских границ наших нынешних «стратегических партнеров» — можно предположить, что и обамериканившихся русских ждет то же лекарство.

И здесь впору задаться вопросом, почему Небо не дает забыть, исчезнуть именно России — ведь многие великие царства и цивилизации и при гораздо меньших испытаниях и потрясениях канули в Лету? Ответ на этот вопрос будет только один — потому что только Россия на сегодняшний день, как и сто, и двести лет назад, несет в себе **полноту Христовой веры**, и должна являть ее обезумевшему миру до самых последних времен, должна свидетельствовать о Христе! Именно поэтому: Россия без Христа Богу не нужна! Как об этом сказал покойный владыка Иоанн.

В строгом соответствии с этим в повести открывается и второй, *мирный* путь излечения русских от онтологического беспамятства, постигшего всех нас, — он указан в образе сына Тамары Ивановны, Ивана. Это то самое поколение молодых русских людей, которым сегодня по двадцать три — двадцать семь лет, их, разумеется, меньше, чем оглушенных «ящиком» и «свободой» их сверстников, однако присутствие этого поколения в нашей жизни уже чувствуется. Писатель о нём только намекает в конце повествования, и здесь нужно отдать должное художественной совести Валентина Григорьевича: он их не знает, не знает в таком целостном и всепроникающем знании, как Тамару и Анатолия — и умолкает. Осмелюсь продолжить там, где поставил точку художник: у меня много друзей, кумовьев, просто «родственников по духу» в этом поколении. Им по двадцать пять — двадцать девять лет, но у них уже по двое (чаще по трое) детей, по выходным и праздникам они всей семьей в церкви, утром и вечером — на молитве. Они знают, для чего и зачем они здесь, **почему они — русские**. Даст Бог, к своим сорока-пятидесяти годам они вырастят и воспитают по пять-семь крепких духом и телом русских мальчиков и девочек, те — своих. Это — и есть та будущая Россия, о которой пророчил Св. Серафим Саровский. А зрители «Фабрики звезд» и «Последнего героя» — вымрут. Сами собой, без СПИДа и эпидемий. Просто потому, что, посмотрев «ящик», они идут выгуливать своих тысячедолларовых пудельков, а их место у пульта занимает одно-единственное, изнеженное и обреченное чадо. Жизненный минус.

Что же касается распоясавшихся «гостей», то поставить их на место смогут только Иваны и воспитанные ими дети, и сделать это будет не так трудно, как представляется многим сегодня — ведь дикари отравляются комфортом западной цивилизации гораздо быстрее. Необходимо просто помнить, что полтора века назад, когда русские покоряли Среднюю Азию и Закавказье, у нас в центральных губерниях было в среднем по семь-восемь детей в семье, у туземцев — три-четыре.

P.S. Кстати, у Распутина в конце повести Иван едет строить храм в родовом своем селе, то есть возвращается на землю. Он еще не определился, что будет дальше. Но, помня о том, что прокормить большую семью в городе практически невозможно, а также о той немислимой хрупкости и уязвимости, которая характеризует современную городскую цивилизацию, несложно предположить, что движение назад, на землю станет еще одним из признаков становления России новой. А земли, доставшейся от предков, у нас еще, слава Богу, много!

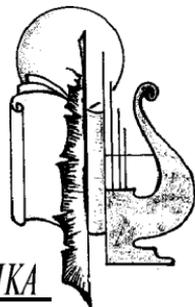
ЕЁ ЗВАЛИ ЧАЙКА

(К 70-летию выхода в свет романа Н.З. Бирюкова «Чайка»)

Да, были люди в наше время...
Лермонтов

Имя широко известного в советские годы русского писателя Николая Зотовича Бирюкова (1912—1966) ныне, к сожалению, предано незаслуженному забвению. Виной тому его стойкие идеологические взгляды и устремления: как и многие художники слова того времени, писатель твёрдо веровал в идеалы социализма, что отнюдь не мешало ему создавать произведения высокого творческого уровня. К ним относятся многочисленные рассказы, очерки, публицистические статьи, повести «На хуторах» (1939), «Гром» (1957) «В Отрадном» (1959), «Вихри враждебные» (1963), романы «Твёрдая земля» (1964), «Воды Нарына» (1949), «Чайка» (1945), «которые составили эпопею в 6 книгах «На крутых перевалах. Повествование о вековом пути борьбы и свершений нашего народа», как написано в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987, с. 558).

Преданно исповедуя советское государственническое мировоззрение, Н.З. Бирюков до конца оставался последовательным представителем русского национально-патриотического крыла творческой интеллигенции, активным приверженцем классических художественных традиций, отчего в литературных энциклопедиях, словарях и справочниках либерального толка имя его начисто вымарано.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В годы Великой Отечественной войны автор пишет рассказы и очерки о героизме и мужестве советских людей. Многие из них («Перед дыханием смерти», «Дисциплина сердца», «Русские глаза», «Песнь в лесу» и др.) получили широкое распространение.

Осенью 1942 года Н. Бирюков начинает писать роман «Чайка». Книга вышла в начале 1945 года и снискала огромную популярность, в том числе и на фронте. Роман был переведён на многие языки народов СССР, а также издан в социалистических странах Восточной Европы. Достоен Государственной премии в 1951 году.

...С волнением держу в руках роман «Чайка» — о нашей героической землячке Лизе Чайкиной. В предисловии к роману автор писал: «В жизни иногда встречаются люди, души которых являются как бы отражением воспитавшего их времени. Заглянешь в такую душу и поймёшь целую эпоху — миллионы людей с характерными для них стремлениями, чувствами, моралью. В наши дни это капитан Гастелло, Александр Матросов, Олег Кошевой, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская... Моя книга — попытка писателя дать образ нового человека нашего времени, дать его во весь рост таким, каким он складывался в моей душе, когда я вновь и вновь перечитывал волнующие материалы о Лизе, мысленно пройдя вместе с ней весь её чудесный жизненный путь — от детства, проведённого в глухой деревушке Руны, до мученической смерти на берегу Волги, у старой водокачки в городе Пено».

В наше лихое время невиданной по масштабу, разнузданной «свободы слова» чуть ли не признаком «хорошего тона» повеლობ изошрённо «казнить» прошлое России, с каким-то параноидальным сладострастием распинать предков, предъявлять к ним критиканские, чудовищно нелепые счёты, глумливо похихатывать над их делами, мечтами, ошибками, противоречиями, нисколько не сообразуясь с тем, что именуется в науке историзмом мышления, объективным условием эпохи.

Да, время, в котором жили и творили наши мужественные предтечи, было сложным, противоречивым, драматическим, нередко трагическим и вместе с тем, надо объективно признать, героическим, что и определило в конечном счёте неостановимую поступь нашего народа вперёд, к созидательному будущему.

Последующие поколения ещё долго будет волновать ключевой вопрос истории XX столетия: почему, несмотря на огромнейшие трудности эпохи, ей сопутствовала невероятно большая, непоказная духоподъёмность масс, благодаря которой были успешно решены три главные задачи советского государства: в кратчайшие сроки создана мощная довоенная экономика, наголову разбита очень сильная армия фашистской Германии и в блистательно короткие сроки восстановлено разрушенное войной народное хозяйство.

Небылицами либеральных нигилистов-ниспровергателей — будто всё это было достигнуто только благодаря силовому сталинско-тоталитарному угнетению масс в советской стране —

правду истории не перечеркнуть. Без огромного духовного порыва и безмерной физической отдачи в служении своей Родине ни построить мощной державы, ни победить сильного врага в годы Великой Отечественной войны было нельзя.

Если верить всевозможным измышлениям, то как, скажите, объяснить появление на свет десятков и сотен прекрасных, патристически возвышенных, активно востребованных до сих пор книг, кинофильмов, спектаклей, лирических и героических песен и других выдающихся произведений советского искусства?.. Ведь под дулом пистолета вряд ли какой гений отважится создать творческий шедевр.

В исторически ответственное и опасное военное время оптимально проявилась огромная моральная воля народа, его горячая, неиссякаемая вера в торжество идеала, которому не просто честно служили, а безоглядно отдавали свои жизни, воспрянула несокрушимая энергия масс. Почему за какие-нибудь два десятка послереволюционных лет в стране выросло и сформировалось новое поколение молодёжи — поколение победителей? На этот вопрос отвечает своим романом автор.

Следуя духу героического романтизма, писатель назвал своё повествование «Чайка». Почему? Производное от фамилии Лизы? Отчасти да, но главное здесь в стремлении раскрыть внутренние движущие мотивы жертвенного, героического поступка Лизы как наиболее яркого представителя советской молодёжи.

«В чистой, порывистой душе моей героини виделось мне что-то близкое, родственное с этой красивой птицей, когда та, обрызганная солнцем, парит в вышине над водными просторами, — писал автор книги. — Интересно отметить: много времени спустя после выхода книги я узнал, что товарищи по отряду так и звали Лизу — «Чайка»! Фамилия Волгина, возникнув от Чайки, в то же время ещё подчёркивает, что за ней стоит комсомолка, жившая в Пено у истоков Волги. Имя Катя, на первый взгляд, может показаться совершенно произвольным, но это тоже не совсем так: множество имён перебрал я и все отбрасывал, а произнёс вслух — «выходила на берег Катюша, на высокий на берег крутой», и сердце сразу забилося учащённей: «Вот оно!» Сколько раз и одна, и с друзьями выходила Лиза к родной Волге «на высокий на берег крутой», на берегу этом оборвалась её короткая, но яркая, как всполох зарницы, жизнь. Катя Волгина! Я видел её, знал её. Вот когда наконец-то стало писаться легко».

Кто же она, реальная Лиза Чайкина, героиня-партизанка, ставшая прототипом главного персонажа романа Н. Бирюкова Кати Волгиной, столь сильно вдохновившая писателя?

Как свидетельствует официальная биография, Елизавета Ивановна Чайкина, известная на весь мир как Лиза Чайкина, родилась в сентябре 1918 года в небольшой деревне Руно Пеновского района Калининской (ныне Тверской) области. Семья была большая, и все они работали в колхозе. В 14 лет Лиза стала комсомол-

кой. Когда ей исполнилось 15, она была назначена заведующей в поселковую избку-читальню, а через несколько лет добросовестная и ответственная девушка стала счетоводом в колхозе.

Выявились у нее и несомненные литературные наклонности, непродолжительное время она работала журналистом в районной газете «Ленинский ударник». Последние три года жизни Лизы оказались наиболее насыщенными: в 21 год она получила партийный билет и вскоре стала секретарём Пеновского райкома ВЛКСМ, была избрана депутатом райсовета.

В начале 1941 года Лиза Чайкина прошла специальные курсы партийных и комсомольских работников в г. Калинин, однако грянула Великая Отечественная война, и её жизнь полностью переменялась.

С первых дней войны Лиза формирует молодёжный отряд по уборке зерна для фронта, мобилизует людей на строительство оборонительных сооружений. Враг рвётся к Москве, и обком комсомола ставит задачу организовать подпольные ячейки. Эту работу возглавила Чайкина. Когда началась эвакуация районов, обком комсомола поручил ей сформировать партизанский отряд в посёлке Пено. Чайкина успешно справилась с этим заданием и сформировала истребительный отряд из 70 человек, в который вошла и она сама.

Как отмечали современники, Лиза в совершенстве владела стрелковым боевым оружием, управлялась не только с винтовкой, но и с пулемётом. Такого же мастерства молоденькая партизанка требовала от своих боевых товарищей.

В октябре 1941 года, когда советские войска после тяжелых кровопролитных боёв вынуждены были оставить Пено и отойти к Осташкову, отряд Лизы Чайкиной стал активно действовать в тылу врага. Партизаны не задумывались о том, что каждый день и час их жестокой битвы — это подвиг во имя Родины: в тяжелейших условиях голода и холода ходили в разведку, принимали участие в боевых действиях, устраивали диверсии, нагоняя страх и ужас на врага.

Никто не знал лесную заболоченную местность так, как знала её Лиза Чайкина. Достоверные факты её боевой биографии свидетельствуют о том, что она умела незаметно, прямо под носом у врага пронести важные документы и отправить их в тыл, но основной её задачей была агитация населения на оккупированной территории. Преодолевая огромные бытовые трудности, с большим риском для жизни она несла людям газеты и листовки, которые в те годы стали для населения оккупированных районов единственным источником информации о положении дел на фронтах. Её знали и ждали все, и никто не выдавал немцам. Волевая, сильная духом девушка пробуждала в людях патриотизм и веру в скорую победу.

По воспоминаниям современников, в калининском комсомоле Лиза Чайкина была фигурой очень заметной. Звали её ре-

бятя просто — Чайка. И в самом деле, в характере её было что-то от этих больших сильных птиц. Отважную партизанку полпрай-она знало в лицо, а она хоть бы что, запросто заходила в любую деревню, где хозяйничали оккупанты. Придёт и толкует людям: немец — это ненадолго. Наши вот-вот вернутся, освободят... «Сводки Информбюро, которые получали по радио, она читала, сводки эти у неё в тетрадку записаны были, — рассказывали местные жители. — Её имя Чайка очень совпало с её характером. Она ведь и верно была, как та птица, смелая, дерзкая, настойчивая. Бывают же такие люди: собой вроде ничем особым не приметные, но красивые душой...»

«Ещё до войны у одной её подружки «органы» забрали отца, — вспоминала жительница п. Пено. — Его, хорошего агронома, весь посёлок знал, да он нам и в школе помогал показательный огород организовывать. Хороший был дядька. Так Лиза что, она самому товарищу Сталину письмо написала и, не посоветовавшись ни с кем, отослала. Что уж она там написала, не знаю, только вдруг выпустили этого агронома. Выпустили да ещё извинились. Он теперь где-то в армии воюет...»

Конечно же, об отважной партизанке узнали и враги — началась охота за ней. Но схватить Лизу самостоятельно они так и не смогли. Из тысяч пеновских жителей нашлись лишь трое предателей, которые и сыграли роковую роль в жизни молодой комсомолки.

21 ноября 1941 года Лиза Чайкина направилась в Пено, чтобы узнать численность гитлеровского гарнизона и передать сведения в штаб Красной Армии. Для ночёвки она выбрала дом своей подруги Маруси Купоровой в хуторе Красное Покатище. Местный конюх со своим сыном увидели незнакомую гостью и донесли в гестапо. Фашисты ворвались в избу поздней ночью, расстреляли Марусю, её мать и брата, а Лиза была схвачена и отправлена в гестапо в Пено.

Последний подвиг бесстрашной партизанки состоял в том, что даже при самых страшных пытках она не выдала никакой информации о своих боевых товарищах и явочных квартирах. Не смогли узнать фашисты имени партизанки, пока не нашлась местная жительница, которая со словами: «Кто же её не знает?! Это — Лиза Чайкина, их вожак комсомольский!» открыла её имя и фамилию.

Специально на помощь Лизе Чайкиной срочно была сформирована 2-я особая партизанская бригада комбрига Литвиненко. Был чёткий приказ — найти и освободить отважную девушку. Но не успели.

Лизу Чайкину расстреляли 22 ноября 1941 г. на глазах у силой согнанных фашистами жителей окрестных деревень. Последние её слова, произнесенные за несколько секунд до гибели, облетели всю страну: «Наши придут. Победа будет за нами!»

Комбриг Литвиненко отомстил гитлеровцам за жизнь юной партизанки. Предателей расстреляли за государственную из-

мену. В начале февраля Пено освободили от немецких захватчиков. Тогда же Лизе Чайкиной было присвоено звание Героя Советского Союза, в честь её устраивали парады, её именем назывались лётные эскадрильи и с её последними словами бойцы поднимались в атаку. Её имя стало нарицательным не только в России, но и за рубежом.

Похоронили Лизу Чайкину в братской могиле в сквере посёлка Пено. Её бессмертному подвигу были посвящены поэма М.И. Комисаровой «Лиза Чайкина». Имя бесстрашной партизанки присвоено музею в г. Твери, многим предприятиям, школам, улицам. По реке Волге ходит теплоход «Лиза Чайкина».

Готовя эту статью, я узнал, что на родине героической партизанки свято чтут память о ней. Главный редактор пеновской районной газеты «Звезда» Галина Андреевко сообщила: «У нас в районе имя легендарной землячки Лизы Чайкиной не забыли. Её именем названы улица в посёлке Пено, кинотеатр и средняя школа, у нас действует её дом-музей, есть военно-патриотический клуб «Чайка», проходят посвящённые ей мероприятия. Книжку Н. Бирюкова «Чайка» читали многие наши жители».

Мне довелось не раз бывать и работать в Литературно-мемориальном доме-музее Н.З. Бирюкова в Ялте, где долгое время проживала верная хранительница этого Дома и литературных творений своего мужа Анна Ильинична Бирюкова, женщина дивной душевной красоты и обаяния, безоглядно преданная памяти супруга, бывшая одновременно личным секретарём-помощником автора «Чайки». В одну из наших встреч она поведала мне, как работал Николай Зотович над своим романом. Приведу характерный эпизод.

Работа над «Чайкой» шла к завершению. Дописывались последние главы. Очень требовательный и взыскательный к себе, писатель долго сомневался, кому доверить своё детище для «оценки». На этот раз он не ограничился мнением Анны Ильиничны, критика тонкого, умного, высокопрофессионального.

«Мать! Вот кто должен стать моим первым слушателем романа. Мать Лизы Чайкиной!», — вдруг воскликнул Николай Зотович. Так и сделали: пригласили приехать Аксиныю Прокофьевну Чайкину. Сам писатель выехать не мог, так как был прикован к постели тяжёлой болезнью, полученной ещё в молодости. Осенью 1930 года Н.З. Бирюков работал на строительстве одного из корпусов Дулёвского завода в Средней Азии. Неожиданно в котлован хлынула подпочвенная вода. Ликвидируя аварию, молодые комсомольцы работали в ледяной воде. Вскоре после этого Н.З. Бирюков тяжело заболел и в 18 лет, подобно писателю Николаю Островскому, остался навсегда прикованным к постели, сохранив лишь подвижность рук...

«Мать и дочь... Они стояли, обнявшись, и сквозь слёзы смотрели друг другу в глаза», — тихим, печально-раздумчивым голосом читал автор. Взглянул на Аксиныю Прокофьевну. Она сиде-

ла бледная, закусив губу, а из глаз её смотрела такая неизъяснимая боль, что он хотел отложить рукопись, но Чайкина шёпотом заторопила:

— Читай, читай!

«Катя крепко-крепко прижала к себе мать — так крепко, что заняли руки, и поцеловала её».

Н.З. Бирюков не дочитал фразы: перед ним, загородив лицо руками, рыдала Аксинья Прокофьевна...

— Ничего, сынок, ничего, — проговорила она, но крупные материнские слёзы всё ещё бежали по её морщинистым щекам. Она взяла руку писателя и долго гладила её, потом собрала листы рукописи и все их прижала к своей груди.

— Такой она была, такой!

Некоторые читатели спрашивали: «Почему Чайка воссоздана идеальной? Неужели в её характере нет никаких отрицательных черт?»

Ответ находим у Н.З. Бирюкова: «На многие вопросы, затрагивающие духовный облик Лизы, материалы не давали никаких ответов. Но я их знал. Предчувствую — здесь кое у кого из читателей, вероятно, мелькнёт и недоумение, усмешка: а откуда? Придумал? Нет, товарищи, правду жизни придумать нельзя. Для писателя, стоящего на позициях социалистического реализма, и домысел, и отбор — это прежде всего проверка рождающихся образов жизнью, установление истины сличением десятков и сотен родственных явлений. Задача, разумеется, не из лёгких, но мне облегчало её то, что сам я с тринадцати лет крепко связан с комсомолом, и в дни работы над «Чайкой» ко мне приезжали не только её родственники и близкие подруги...»

В самом деле, событийная сторона жизни Кати Волгиной (т.е. Лизы Чайкиной) не изобилует яркими картинками, не выделяется чем-то особенным, была такой, как у всей советской молодёжи. Детство и юность девушки прошли в небольшом районе Тверской области. Но её внутренний мир изначально отличался необычайной глубиной и нравственной чистотой. Вспомним хотя бы, как её, молоденькую избачку (заведующую избой-читальней), близко затрагивали и волновали события в далёкой Абиссинии!..

Девушка видела предстоящую борьбу и своё участие в ней не только в рамках своего района и не только в масштабах своей родной страны: она отчётливо понимала, что началась титаническая, бескомпромиссная битва добра со злом за освобождение всего человечества от вселенского зла — фашизма, борьба, в которой никто не должен оставаться в стороне, каждый обязан все силы и даже свою жизнь отдать ради победы над страшным и коварным врагом.

Писатель стремился показать прежде всего богатый внутренний мир своей героини, символически олицетворяющей новое поколение советской молодёжи, духовно подготовленной к предстоящей борьбе в силу привитого ей, глубоко развитого

чувства национального достоинства. Жертвенный, героический поступок простой русской девушки был обусловлен теми высокими духовно-нравственными ценностями, которые прививались ей с самого раннего детства в школе, в комсомоле, устойчивыми чувствами товарищества, безоглядной преданности Родине, социальными условиями, в которых формировалось поколение победителей. Подвиг Лизы Чайкиной подобен героическому поступку Жанны д'Арк, сознательно пожертвовавшей собой во имя Родины. Сколько таких героев в нашем Отечестве поднялось на свою Голгофу в свой последний, роковой час! Миллионы и миллионы.

Сегодня циничные «специалисты» по развенчанию нашей истории злобно именуют их «фанатиками», «жертвами сталинской пропагандистской машины», «бездумными камикадзе» и пр., и пр. Ответить, постоять за себя они, укрытые могильными холмами, не могут. Твёрдо и решительно защитить их святые имена — призваны мы, потомки.

Цель, поставленная мировыми русофобами, наследниками фашистских извергов, проста и ясна, её достаточно чётко сформулировал отъявленный враг человечества, министр пропаганды фашистского рейха Йозеф Геббельс: «Отними у народа историю — и через поколение он превратится в толпу, а ещё через поколение им можно управлять, как стадом. Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой».

Радуется, что незабвенный образ Лизы Чайкиной не подвергся нигилистическому «пересмотру» в текущей публицистике, под пером предвзятых историков, как это случилось с другими героями и событиями советской истории. Но, согласитесь, имя Лизы всё реже и реже звучит в устах школьников, воспитателей, на молодёжных патриотических форумах. Неужто подвиг её зарастает травой забвения и обречён растаять в исторической памяти потомков вместе с уходом из бытия последних участников былых сражений с фашистами?.. О печальной участи музея Лизы Чайкиной в Твери мне особенно больно говорить... Ведь более святого и нравственного героя, чем Лиза Чайкина, как образец для подражания молодёжи, трудно придумать. Впрочем, писатель Н.З. Бирюков его не «придумал», его породила сама жизнь.

...Пройдут годы, десятилетия. Устоит, убеждён, на ногах Россия, не рухнет. Возродиться ей поможет светлая, благородная историческая Память, очищенная от нигилистического абсурда, унылого скепсиса и омертвляющей бездуховности. И уже не авантюристы, жулики и разного рода проходимцы — Бендеры, Чичиковы, Хлестаковы станут героями нашего времени, а Косшевы, Чайкины, Космодемьянские, Гастелло и им подобные. По ним потомки будут судить о своей драматической и вместе с тем прекрасной, полной неизбежного оптимизма истории. Да будет так!